

к 63
Г 93

ГУБЕРНСКИЙ

ДОМ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

1/95

КОСТРОМА

ГУБЕРНСКИЙ ДОМ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ,
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

1/95

Время Общество Знание

- Моя родословная. Встреча с потомком фабриканта и академика. 3
Хранители и собиратели. Фольклорист Татьяна Кирюшина:
от песни к песне, от судьбы к судьбе. 6
Три монолога о детстве. 11, 15, 19
Здравницы. Межсевонье в «Костромском». 12
В гостях. Мастера спорта братья Кратновы: помоги себе сам. 16
Обычай и обряды. Жизненный круг. 24
Семейные реликвии. 26

Свидетельства Архивы Документы

- Лариса Сизинцева. Народное здравие в Костромской губернии. 29
Галина Кошелева-Тимофеева. Воспоминания об отце. 34
А. П. Глушковский: «Губернатор в Костроме жил, как сыр в масле». 38
Костромские святые. Епископ Игнатий в
Никола-Бабаевском монастыре. 42
Бабушкин сундук. С автографом Павла Флоренского. 47
И. П. Корнилов. От Костромы до Соль-Галича.
Записки путешественника. 48
Ирина Тлиф. Заметки архивиста. 52
Василий Смирнов. Клады, паны и разбойники. 56

Литература Искусство Культура

- Евгений Степаненко. Голубые листья в снежной Костроме. 59
Елена Сапрыгина. Графы Мусины-Пушкины и Костромской край. 62
Ольга Гуссаковская. Персиковая коробка. Повесть. 64
Вячеслав Шапошников. Стихи. 72
Народное краснословие: колыбельные, потешки, пестушки. 74
Исторические анекдоты из жизни русских замечательных людей. 76

Учредитель - администрация Костромской области.

Попечители: областное отделение Российского фонда культуры,
областной государственный архив, Костромское епархиальное управление,
объединение «Костромакурорт», областная научная библиотека.

Журнал зарегистрирован региональной инспекцией (г. Тверь).

Регистрационный номер Т-0162.

ПОСЛАН

Не подходи сюда, мальчик.
Тут за углом играют большие,
кричат и бросают разные вещи.
Убить тебя могут легко.
Людей и зверей за игрою не трогай.
Свирепы игры больших,
на игру твою не похожи.

Это не то, что пастух деревянный
и кроткие овцы с наклеенной шерстью.
Подожди — игроки утомятся, —
кончатся игры людей,
и пройдешь туда, куда
послан.

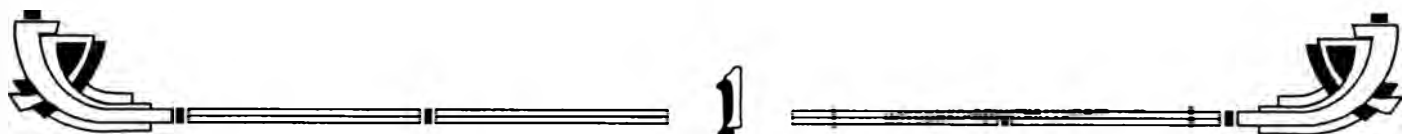
Николай Рерих. 1916 г.

ЛЮБЕЗНЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Наши старые знакомые и новые — первые подписчики журнала — все здравствуйте! В этом номере «Губернский дом» предлагает вам вспомнить хорошие слова о том, что все мы родом из детства, поразмышлять о нашем здравии — духовном и телесном, еще раз задуматься о ценности и непрерывности жизни, о высоком предназначении человека в его неповторимом пути — от рождения до смерти.

...А свирепые игры больших людей продолжают — то за одним, то за другим углом. И мальчики опять посланы не туда, куда им было назначено свыше. И снова Россия умывается кровью своих детей и слезами их матерей. И, кажется, нет этому конца, и вся надежда только на Бога. Господи, дай нам еще одну возможность все понять и покаяться, пошли нам духовных сил во имя любви и жизни, помилуй и сохрани...

ПРОВИНЦИЯ — ЖИЗНЬ В БЕРЕГАХ

Мудро прожить сейчас довольно трудно. Потому что ты похож на щепу, которую несет страшный поток сорвавшихся страстей, открывшихся стихий. И в минуты печалей и стрессов человек остается один на один с ними. Пугает и свобода выбора, и обнаженность жизни, ее беспощадная правда, к которой мы не привыкли. И даже те, кто, кажется, знает, как жить, впадают в уныние, неуверенность и страх. И даже нынешние вожди, которые говорят нам сейчас много красивых самоуверенных фраз...

Сейчас, когда российское общество обеспокоено тем, что на поверхность жизни выплыл сорт людей, стремящихся лишь что-то ухватить, пробить, взять для себя, многие в среде интеллигенции свои надежды связывают с провинцией. Я тоже считаю, что сегодня именно в глубинке есть основа для восстановления России. России другой, не такой, какой она была раньше. Ведь и у нас когда-то были разумные, человеческие, оберегающие гражданина законы и отношения.

К счастью, провинция переживает свободу в отличие от центра спокойно, река провинциальной жизни не выходит из берегов. В Москве же человек до абсурда оказывается не свободен от конфронтаций и политических битв, от митингов и социального раздражения, которое необычайно разрушительно для личности. К тому же провинция сегодня стала намного разнообразнее и свободнее — и экономически, и административно, и в творческом смысле. Прошло время, когда «Москва запрещала» и «Москва разрешала», «Москва не давала»...

Помните чеховский мотив в «Трех сестрах»: в Москву! в Мос-

кву! Да, эта некая мечтательная надежда на другую, необыкновенно возвышенную, духовную, интересную жизнь где-то там, вдалеке, всегда была свойственна провинции. Но Москва, как гигантская мясорубка, перемалывая человеческие судьбы и характеры, не всегда оказывалась благом. Знаете, кто выживает и укореняется на столичной почве? Как раз те, кто сохраняет в себе самобытность своей малой родины. Москва сама по себе ничего не определяет в судьбе человека. Определяет все тот фундамент, который закладывался в провинции. Неспешность жизни здесь, несуетность, основательность, душевность в отношениях, традиции — как раз это и помогает людям из провинции не потеряться в столицах и питать их своей энергией и идеями.

Человеческое не может быть без берегов. Наверное, еще и поэтому нас тянет в провинцию,

тянет к ее берегам и корням... Иван, не помнящий родства, — придумано не нами. Это как презренная личность, человек, у которого в голове пустота. Народ давно уже сочинил эту присказку: иван, не помнящий родства, — балбес. То, что «Губернский дом» публикует мемуары, собирает воспоминания, то есть восстанавливает корневую систему культуры, — это благо. Потому что человек, читая, сопоставляет, а сопоставляя, он размышляет, а раздумывая, он все-таки ищет выхода и смысла.

«Восстанавливать» человеческую историю, память о семейных преданиях — это даже больше, чем восстанавливать архитектурные памятники. Как-то листал альбом о старинных российских родах — Долгорукие, Татищевы — тексты с описанием истории фамилий на 5-6 страниц, а рядом другие — всего на полстраницы, род исчез. Охватывает страшная жалость, ощущаешь весь трагизм этой гибели древа человеческой жизни.

Ведь, понимаете, мы, люди прожившие больше полвека, увы, не только не помним, не знаем своих корней. Мои предки были крестьянами, детство и юность прошли в маленьком омском городке на Иртыше. Деда своего я не помню, он умер, когда мне было два года. И вот на бабушке и дедушке мое ощущение рода обрывается. А между прочим, это ведь нить бесконечной передачи жизни, от жизни к жизни.

Если бы была возможность, потянув за ниточку, размотать таинственный клубок — стала бы очевидна какая-то единственность пребывания наших прапрадедов в этом мире и нашего существования сегодня.

Моя родословная

«ДА ВЕДАЮТ ПОТОМКИ»

ГОСТЬ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ГУБЕРНСКИЙ ДОМ» —
АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БЯЛКО, «НАСЛЕДНИК» КОГДА-ТО ГРЕМЕВШЕЙ
В РОССИИ КОСТРОМСКОЙ ТАБАЧНОЙ ФИРМЫ
«М. Н. ЧУМАКОВ И СЫНОВЬЯ».

— Алексей Владимирович, о купеческом роде Чумаковых, основавшем свое мукомольное и табачное дело в Костроме в 30-х годах прошлого века, известном и своей благотворительной, просветительской деятельностью, костромской читатель уже знает по публикациям в журнале «Костромская старина», тем воспоминаниям вашего деда Сергея Михайловича Чумакова, которые были опубликованы в одном из первых выпусков «Губернского дома». Но вы ведь наследник богатейшего семейного архива, точнее даже сказать, семейных хроник и, наверное, у вас есть много интересного, связанного с Костромой?

— Может быть, стоит рассказать для начала о другой ветви моих предков — Орловых. Моим прадедом по материнской линии был Егор Иванович Орлов, один из крупных русских химиков. Но не многие знают, что именно Кострома и работа здесь преподавателем в химико-техническом училище им. Чижова, после окончания Московского университета, заложили основу его научной деятельности.

Конечно, сейчас трудно представить то, что было возможным, видимо, век назад. Обычный преподаватель-практик,

обучавший мастеров и лаборантов для химических заводов, становится магистром технологии. Защищает сначала кандидатскую, потом докторскую диссертацию в Москве, получает предложение преподавать в Московском университете, и при этом он не собирается бросать Кострому, а считает возможным ездить в Москву раз в неделю для чтения лекций. Кажется, и поезд сейчас идет быстрее, но трудно, согласитесь, сегодня представить подобную ситуацию... Нынешняя перецентрализация науки привела к тому, что наука сконцентрировалась в центрах, тем самым лишив себя устойчивости.

В Костроме за 17 лет жизни Егор Иванович написал довольно много научных статей и книг, получивших широкую известность, стал профессором. С 1932 г. он перебирается с семьей в Москву, где заведует кафедрой технологии керамики в Московском химико-технологическом институте им. Д. И. Менделеева, где об этом времени помнят до сих пор. У прадеда осталась книга воспоминаний «Моя жизнь», которая еще не публиковалась, — костромской период жизни

предстает как один из самых значительных.

— Природа передачи семейной, исторической памяти в чем-то фатальна, правда? А как вышло у вас, почему именно вы стали владельцем семейных архивов и Орловых, и Чумаковых?

— Чтобы ответить на этот вопрос, потребуется снова обратиться к истории нашего рода. Дочь Егора Ивановича Орлова Ольга в 1915 г. в Костроме выходит замуж за Сергея Михайловича Чумакова, владельца крупного табачного дела. Кстати сказать, выпускался его фирмой табак всякий, но известность в России завоевал именно нюхательный табак. Дед сам курить не курил, но нюхал. У знаменитого Гиляровского есть упоминание о чумаковских табаках. У меня хранится его фотография, подаренная Гиляровским деду с какой-то шуточной надписью.

Так вот, бабушка Ольга сыграла огромную роль в приобщении меня к семейной истории. И вообще это была женщина удивительной стойкости. Ко времени национализации собственности Сергей Михайлович уже служил в костромском леспромхозе, а бабушка работала по-

мощником режиссера в Костромском драматическом театре. Потери семьи в 1918 г. были восприняты так: «народ дал, народ и взял». Но когда в 1921 г. в Костроме состоялся показательный суд над бывшим фабрикантом и дед был приговорен к смертной казни «за экономические преступления», бабушка уже больше не уповала на народную мудрость. Она, тогда беременная, поехала в Москву и добилась приема у Енукидзе, секретаря ВЦИКа, и возвращения дела на пересмотр в Москву. Это и спасло Сергея Михайловича. В центре (шел 1921 год) еще какие-то понятия о законности сохранялись. То, что ленинский ВЦИК оправдал деда, заменив смертную казнь на 4 года заключения «за происхождение», а потом освободил по амнистии, — на долгие годы давало ему индульгенцию на свободу. В 1933 году еще раз его пытаются арестовать костромская Губчека, но он уже умеет разговаривать с новой властью на их языке.

После ареста деда Чумаковы начинают перебираться в Москву, где в просторной квартире моего прадеда Егора Ивановича Орлова в Харитоньевском переулке всем пока хватает места. В этом доме имя Костромы всегда было благословенно, здесь собрался весь костромской архив, звучали воспоминания и забавные рассказы, многие из которых и вошли в книгу С. М. Чумакова «Кострома и костромичи».

Сергей Михайлович в Москве вел политически неактивную жизнь, никогда не сожалел о

своем прошлом богатого человека в Костроме. Работал он «по специальности» — экономистом на заводе «Изолятор». В Москве и умер он в 1964 г. Среди нас, четырех его оставшихся внуков, бабушка почему-то меня отличала — в смысле передачи каких-то исторических рассказов,

А. В. Бялко возле техникума им. Чижова. 1994 г.

довольно много со мной беседовала, вспоминала часто Кострому, куда, пока был жив дед, они каждый год ездили во время отпуска. С бабушкой у нас завязалась нежная дружба, и как-то очень естественно вышло, что стал я наследником большого семейного архива. Кроме рукописи книги Орлова «Мои воспоминания», о которой я уже говорил (частично они опубликованы

в журнале «Природа» №2 за 1994 г., где я работаю заместителем редактора, и в журнале «Ваш выбор» №2 за 1994 г.), есть еще одна объемная папка рукописей с названием «Да ведают потомки». Здесь собраны все ветви родового древа за 150 лет и документы, касающиеся собственности, разного рода купчихи и т. д.

— Ну, а если честно, в смысле уже не духовного, а материального богатства — ощущаете вы себя наследником? Какие чувства вы испытали, например, сегодня, когда гуляли мимо фабрики «Х Октябрь», бывшей Чумаковской?

— Мне приятно, что мои предки не зря потрудились, семейный капитал фирмы остался, он действует, служит людям. Что касается отношения к этому как к собственности? Собственность — достаточно серьезное понятие. Собственностью может считаться только то, чем ее владелец может управлять. Я не живу в Костроме и не вижу обстоятельств или условий, при которых мог бы вернуться в другую жизнь. Мне за 50, есть своя специальность, свое дело. А то — было дело моих предков. Если бы вдруг произошло возвращение собственности тем, кто ею владел, и даже в этом случае, думаю, она не принесла бы пользы мне

или моим родным. Чтобы такая передача имела смысл, надо уметь и хотеть управлять собственностью и делом так, чтобы был какой-то прогресс в самом деле. Иначе нет смысла. В Москве найдутся известные купеческие фамилии, например владельцы когда-то известных московских кондитерских — Абрикосовы, которые бы смогли вновь широко развернуться ...

Богатство деда, как ни странно, исторически выработало у меня отношение к деньгам довольно безразличное. Что бы я ни делал, чем бы ни занимался, деньги не являлись для меня капиталом, т. е. почти не являлись.

— Три раза вы уже были в Костроме. Что вас ведет сюда?

— Это родная земля, чувство родины предков. Мне хочется, чтобы в отношении их памяти что-то сдвинулось здесь. И не только именно к моим предкам. По отношению к могилам наших предков вообще, к местам, где они что-то оставили.

Деда неустанно преследовала мысль о Костроме, которая не давала ему покоя и мучила. С бабушкой они часто здесь бывали, разыскивая дорогие им могилы моего прадеда и прабабушки. Вот к чему Сергей Михайлович относился с самой глубокой горечью, так это не к потере собственности и капитала и даже не к тому, как ведутся теперь дела в помещениях, где была расположена его фабрика... Деда печалило плачевное состояние города, разрушение церквей, на которые Чумаковы всегда жертвовали солидные суммы. А больше всего его расстраивал вид городского кладбища, где были похоронены его дед и бабка. Оно было сравнено с землей. Это так подействовало на Сергея Михайловича, что он завещал похоронить свой прах не в земле, а в Волге, напротив Костромы. И мой первый приезд в Кострому был связан с этим событием, когда после смерти деда летом 1965 года мы приехали сюда с бабушкой. Остановились в гостинице, потом наняли лодку и, выплыв на середину Волги, опустили урну с прахом в воду. Вот такое нестандартное погребение избрал себе дед. Потом мы долго ходили по костромским улочкам, связанным с его жизнью, и бабушка рассказывала, рассказывала...

Наверное, стоило бы на местах, где раньше были кладбища,

ставить крест или часовню. По крайней мере, как-то символически это место будет отмечено. Отношение к предкам — показатель нравственного состояния в обществе.

— Ваши дети наследуют что-то из вашей жизни?

— У меня две дочери — Анна и Вера. Одна закончила Институт стали в Москве, а другая заканчивает химфак, и в этом смысле они продолжают химическую традицию семьи /Орловы/. Мои родители — и отец, и мать были химики, и дед, Константин Михайлович Бялко. Во время Первой мировой войны он служил артиллеристом, получил именное Георгиевское оружие, каким-то чудом остался жив. Потом ушел в науку и занимался теорией пароходства, теорией взрывов, то, что считалось тогда очень полезной наукой. У нас растет внук, названный в его честь Константином.

В семье бережно хранятся реликвии Чумаковых и Орловых. Например, я работаю за столом моего прадеда, на нем стоит лампа, та, которая стояла всегда. На стене висит портрет деда моего деда Михаила Николаевича Чумакова, написанный 100 лет назад...

— Вы совсем ничего не рассказали о себе...

— Научная моя судьба сложилась очень разнообразно. Я начал заниматься теорией гравитации, космологией. Закончил физико-технический институт, а потом все время работал в институте теоретической физики им. Ландау, это исследовательский институт. Полтора года назад начал совмещать научную работу с редактированием журнала «Природа». А научная эволюция моя, очевидно, и подготовила меня к тому, чтобы заниматься таким широким научно-естественным журналом. Академик Мигдал пригласил меня принять участие в экспедиции на корабле по изучению оптики моря, десять лет занимался этим

и другими «морскими проблемами», был даже в большом путешествии по Индийскому океану. В 1983 г. написал книгу «Наша планета земля». Она вышла в популярной серии «Квант» и предназначена для школьников. Книга выдержала два издания, была переведена на испанский и английский языки. С тех пор я написал еще одну — на английском, посвященную проблемам захоронения радиоактивных отходов. Работа в теоретической физике, в такой созидательной науке, по времени ограничена. Мы видим это на многих исторических примерах. Вот журнальное дело другое — им можно заниматься долго...

Стараюсь уметь не только работать, но и отдыхать. У меня есть дом в Сергиевом Посаде на пути к Костроме, небольшой участок земли. Дом этот сам строил, вот даже палец немного поранил. Люблю играть на пианино, сочиняю немного. Стихи не писал никогда, но вот музыку к хорошим стихам, русской классике — писал много. С семьей мы любим наш дом, любим там вместе проводить время. Это, конечно, не усадьба в Васильевском, как была у деда. Но ведь не это главное, верно?

Беседовала Татьяна ГОНЧАРОВА.

Спешим уведомить

Главы из книги Е. И. Орлова «Моя жизнь», посвященные о костромском периоде жизни ученого, предполагается напечатать в «Губернском доме» во второй половине 1995 года.

ОТ ПЕСНИ К ПЕСНЕ, ОТ СУДЬБЫ К СУДЬБЕ

Лет шесть-семь назад за-
теял на костромском ра-
дио передачу «О песня
русская, родная». И
сколько раз бывало такое. Оты-
щешь где-нибудь в дальней де-
ревне памятную певунью-ста-
рожительницу, записываешь от
нее песни старинные для радио-
передачи и чуть ли не первоот-
крывателем себя мнишь. А ста-
рушка возьмет да где-нибудь в
разговоре между песнями или
на прощанье и скажет:

— А ты, милой, Татьяну Викто-
ровну знаешь? Она у меня тоже
была, записывала песни. Уважи-
тельная женщина. Увидишь, так
привет передай.

Слышал я это и в чухломском
селе Ножкино, и в Солигалич-
ском районе на Совеге, и в Во-
хме, и в макарьевском селе Ти-
мошино ... А я тогда еще не был
лично знаком с Татьяной Викто-
ровной Кирюшиной, хотя о мос-
квичке, которая много лет ездит
и записывает костромской фоль-
клор, был уже наслышан — и не
только от деревенских песенниц,
но и от молодежных коллекти-
вов, таких, как «Нерехтские ро-
жечники», например.

И вот около трех лет назад
первая встреча с Т. В. Кирюши-
ной, руководителем лаборатории
фольклора тогда еще Института
имени Гнесиных (а ныне это ува-
жаемое в музыкальном мире уч-
реждение именуется Российской
академией музыки). Тогда я толь-
ко что вернулся из командиров-
ки из Нейского района.

— Я вам привет привез из села
Кужбал ... — начал было я.

— От Надежды Алексеевны
Шабаровой что ли? — тотчас под-
сказала мне Кирюшина и, конеч-
но же, угадала. И стала вспоми-
нать, какие песни у Надежды
Алексеевны она записала в 1984
году. Впоследствии сколько еще
раз Татьяна Викторовна удивля-
ла меня своей памятью на лю-
дей, с которыми сводила ее судь-
ба за те двадцать лет, что ездит
Кирюшина по костромским де-
ревням и селам.

В последний год работает
Татьяна Викторовна еще и в на-
шем областном Доме народного
творчества: составляет програм-
мы по сбору фольклора и прово-
дит в районах семинары, на ко-
торых учит местных работников
культуры делу, которое она сама
таклюбит, помогает нашим фоль-
клорным коллективам осваивать
наследие, которое веками хра-
нит народ. Дом народного твор-
чества издал и первый из шести
задуманных выпусков «Костром-
ские песни и наигрыши». В этот
сборник войдут лучшие из запи-
сей, сделанных за эти годы Т. В.
Кирюшиной.

Конечно, приходится ездить
фольклористке, да еще и руко-
водителю лаборатории, в экспе-
диции и в другие края России-
матушки, но вот Костромская об-
ласть уже двадцать лет — на пер-
вом плане. Почему? Вот об этом,
а также о труде фольклориста
сегодня и о судьбах русского
фольклора вообще и сегодняш-
няя наша беседа с Татьяной Ки-
рюшиной.

— Татьяна Викторовна, фолькло-
ристика, если хотите, — это образ

*жизни, когда человек занимается
этим всерьез. А вот не вспомните ли
сугубо конкретные впечатления, ко-
торые повлияли на ваш выбор?*

— Пожалуй, первое вот это.
Мне девять или десять лет. В гости
пришла бабушкина сестра. За сто-
лом запела «При лужку, при луж-
ку», «В саду ягода малина», «Шу-
мел камыш». Все эти песни я не
раз слышала по радио, но там пели
от силы пять-шесть куплетов, и
сюжет как-то непонятно обры-
вался. А вот, оказывается, какие
длинные эти песни, какие зани-
мательные в них истории расска-
зываются. Удивление и восторг!..

А уж крестным своим в фоль-
клористике считаю И. А. Брод-
ского, преподавателя московско-
го музыкального училища им.
Октябрьской революции. Курс
народного творчества здесь всего
полгода. Это и на основы мирово-
го фольклора, и на искусство
малых народов, и на искусство
народов. Так и прошли бы
мы незаметно этот курс по вер-
хам, если бы не экспедиции, в
которые повез нас по Подмос-
ковью Игорь Аркадьевич. И тогда
были удивительные встречи с жен-
щинами рождения еще конца про-
шлого века, от которых удалось
записывать даже исторические
песни, например, «Как наш Пла-
тов-генерал...» Не в диковинку
тогда были в деревнях и целые
ансамбли. А Бродский — педагог
строгий: ни минуты на отдых не
давал, если идет интересный ма-
териал. И эти песни и беседы в
деревенских избах постепенно
открывали удивительно целостный
мир крестьянской жизни, в кото-

ром жизнь человека и природа, труд и праздники были тесно сплетены. И на эти беседы днем времени иногда не хватало, и бабка, у которой останавливалась я на ночлег, будила среди ночи: «Тань, а я вот еще какую песню вздумала ...»

Так что в гнесинский институт я поступила на дирижерско-хоровой факультет, на отделение руководителей народных хоров, уже с вполне сформировавшимися устремлениями.

— *А как случилось, что именно Костромскую область вы выбрали?*

— Хотелось взяться за самостоятельную работу, но вот на чем остановиться?.. Собирательской работой в институте руководил тогда известный фольклорист Владимир Иосифович Харьков. Под его руководством нашими студентами много было подготовлено сборников: красноярские песни, кировские, калужские, владимирские ... К сожалению, до сих пор не все увидели свет. Харьков, к которому у обратилась за советом, куда мне поехать, чем заняться, сказал: «К концу года посмотрим, а сейчас расшифровывай то, что раньше записала». А помогавший мне в расшифровке другой наш преподаватель Вячеслав Михайлович Щуров посоветовал: «Вот Сибирь велика и совершенно не обследована». А я говорю: «Сибирь — это переселенцы из разных мест. А мне хотелось бы что-то коренное». Вот тут Щуров и изрек: «Ну, раз ты такая ленивая и в Сибирь тебе не хочется — давай в Кострому. Были туда экспедиции, но одни говорят, что не песенная это область, другие — что там ничего уже не сохранилось. А мне кажется: надо туда ехать, надо там работать». Харьков его в этом поддержал, и вот с их благословения я и приехала в 1974 году еще студенткой впервые в Кострому.

— *И, видимо, та первая экспедиция была интересной, раз Кострому вы сделали своей «вотчиной», как теперь говорят ваши коллеги?*

— Да уж интересного было мно-

го. Попали мы в Буй и, благодаря тому, что погода стояла сухая, отделом культуры отправил нас на машине в Дьяконово, в самый дальний угол района. Фольклорная традиция, как и предупреждали еще в столице, оказалась здесь действительно очень разрушенной, но все же удалось кое-что записать. Но пока мы работали в окрестных деревнях, прошли дожди, и ни одна машина уже не могла нас отсюда вывезти. Когда поняли, что делать нам в Дьяконовском сельсовете больше уже нечего, решили выходить на «большую землю» пешком, идти берегом реки. По дороге угодили еще в одно село как раз на престольный праздник. Пробовали и здесь писать, но шум, гам, праздник уже в разгаре, в каждом доме за стол сажают, угощают. А дорога дальше, смотрим, такое болото, что уж и пешком не выбраться. И вдруг, на наше счастье, приходит бронетранспортер, сажает нас и вывозит до станции Шушкодом. Фотография этой ужасной дороги у меня сохранилась, я ее с бронетранспортера снимала. А записи — как раз недавно я кое-что из них

расшифровывала — есть там и колыбельные интересные, и похоронные причитания, и покосные припевки — просто жемчужинки. Тогда же, в пору еще относительного, конечно, расцвета фольклора, это все казалось какими-то пустяками.

Пыталась я в той экспедиции и ансамбль собрать и записать, но женщины подобрались из разных деревень и поэтому никак не могли спеться, а у меня опыта не хватило, чтобы догадаться разделить их. Так что записи по качеству получились не ахти какие. И когда две пленки из этой экспедиции показала Харьков (а ему уже к восьмидесяти в ту пору шло), старик слушал-слушал и заснул. Я так расстроилась. А он проснулся потом и говорит: «Твои песни очень хорошие. Они гораздо интереснее банинских». (А тогда как раз у Банина сборник «Новгородские песни» вышел). И это очень ободрило.

— *И как трудна ни была та первая экспедиция, с тех пор уже года не проходило, чтобы не было у вас хотя бы одной экспедиции в Костромскую область ...*

Радостная встреча в Костроме на празднике. Т. В. Кирюшина и руководитель ансамбля "Родники" директор Кужбалского Дома культуры А. П. Шатрова.

— Действительно. Сначала в рамках студенческой практики: две недели летом и зимой при желании на неделю — максимум на десять дней могла выбираться. Потом аспирантура — возможности несколько расширились. Потом уже привозила сюда на практику своих студентов. Пользовалась малейшей возможностью продолжать работу, которая все больше захватывала.

В следующем, 1975 году мы с мужем поехали уже сначала на фольклорный фестиваль в Кострому. Здесь мне понравился коллектив из Черменина, и я выбрала поэтому Кологрив. Помню, были какие-то препятствия, но уже ничто не могло меня остановить. В самолете страшно болтало, и мы целый день после дороги отлеживались в кологривской гостинице. А на другой день уже добрались до самой северной точки района, потому что решили спускаться по Унже и постепенно этот район пройти. Дорог не было. Некоторые участки проходили на сплавных катерах. Сначала было жутковато: то бревна угрожающе ударились о борт катера, то попадались пороги. Но все равно было необыкновенно красиво и интересно.

Только прилетели в Понгу, вышли из самолета: на аэродроме бабка провожала внука. Спрашиваем у нее: «Кто у вас в поселке старинные песни знает?» — «Я песельница, пойдемте — я напою». И ведет нас к своим подругам в Копьево. И вот мы уже записываем свадьбу, протяжную лирику, много-много всего любопытного. Потом интересный тальяночник в Даровке. К Вяльцеву спустились — встретился ансамбль, правда, не очень слаженный: тут уж у меня опыта хватило и такта разделить его и записывать по два, по три человека. Попадались и отдельные мастерицы, которых и поодиночке можно было записывать очень много и долго. Вот в Вяльцеве мы жили у Серафимы Матвеевны Соколовой. Удиви-

тельная женщина! Самоучкой овладела чтением и читала не какие-нибудь газеты, а «Войну и мир», «Анну Каренину». И уж так интересно эти романы пересказывала! Она много поведала про обычаи здешней старины. И дома у нее целый музей был. Лаптей большую связку принесла: «Вы старину собираете — вот вам. Хотите?» Одни лапти мы у нее взяли — тонкие, настоящие, лыковые. Они до сих пор у нас в кабинете лежат как музейный экспонат.

Из той экспедиции хорошо помню Александру Ильиничну Тропинову. Она семь лет в лагерях

Тогда достала она фартук вышитый (был, видимо, еще один, запасной, к этому костюму) и все-таки заставила взять подарок. А нас, кстати, еще Бродский в самом начале предупреждал — и низкий поклон ему за это, — что нельзя брать у исполнителей костюмы, инструменты, записи — иначе они не смогут передать эту традицию другим, и она прервется ...

— Татьяна Викторовна, я не устаю поражаться: ведь двадцать лет прошло, а вы так хорошо все помните: имена, судьбы, лица ...

— А это оттого, что впечатления возобновляются при расшиф-

Одна из фотографий, оставшихся в память об экспедиции 1984 года

провела и после такого удара судьбы, видимо, ожесточилась. Во всяком случае, односельчане нас даже предупреждали: не ходите, она, мол, и грубая, и такая-сякая ... А пришли и увидели человека гордого, много перестрадавшего, но не сломленного и очень талантливого. Она в форме причети всю свою жизнь описала. Жалею, что не хватило времени переписать тогда эти тетрадочки. Когда мы стали фотографировать хранившийся у Александры Ильиничны прекрасный старинный костюм, она говорит: «Давай я тебе его подарю!» — «Да нет, не нужно. Вам же потребуется выступать».

ровке материалов с магнитофонных пленок, к ним приходится время от времени обращаться, готовясь к конференциям, к лекциям, — и вновь словно встречаешься с этими людьми, заново все переживаешь. А еще в первые экспедиции я ездила вместе с мужем. И кроме магнитофонов, мы непременно брали с собой любительскую кинокамеру и фотоаппараты. Поэтому сохранились не только песни и голоса. Очень хорошо я помню и карту Костромской области, потому что постоянно с нею работаю, и все названия деревень, все сельсоветы у меня в памяти.

— А потом эта карта так прочна в памяти, потому что столько изъезжено и искожено. И какие-то экспедиции, наверное, больше помнятся именно трудностями?

— Таких было немало. Не хуже моего знаете, какие раньше дороги были. Однажды зимой приезжали делать многоканальные записи. Взяла с собой трех студентов-парней: девчонкам, когда мороз под тридцать, делать нечего. А мальчишки еще такие глупые — в джинсах приехали! И вот представьте себе дорогу в продаваемом насквозь самолетице от Шарья до Вохмы в 38-градусный мороз. Обратно решили выбираться автобусом, а на заднем сиденье в автобусе было точно такое же ощущение, как в самолете, только дорога длилась не сорок минут, а почти три часа. Вот в основном такие трудности. А в общении с людьми трудностей не ощущаешь, потому что от этого общения как раз больше радости.

— Вам в этих странствиях помогает не только профессиональный опыт, но и то, что вы — человек привычный к деревенской жизни?..

— Да нет, я бы не сказала. Тяга к деревне у меня с детства, видно, дают знать корни крестьянские. А так выросла в городе, правда, летние каникулы со второго класса по восьмой проводила у бабушки в деревне. И позже, когда удавалось хоть на недельку вырваться в деревню, всегда чувствовала какую-то особую радость. А вот не так давно купили дом в деревне, опять же недалеко от Костромы, и стала с землей возиться, — я ни одно из моих увлечений на эту радость не променяю. В деревне — чистота, открытость: люди что думают, то и говорят. И даже ругань, которую я не переносу в городе, здесь не раздражает, не режет ухо.

— Сейчас остались в Костромской области районы, в которых вы еще не бывали?

— К сожалению, да. Поназы-

ревский, Красносельский. В остальных хотя бы с точечной разведкой, но побывала. Туда, где были ансамбли интересные, возвращалась по несколько раз. В Островский район, где в деревне Борок был просто неисчерпаемый фольклорный источник, с 1980 года ездила даже не по одному разу в год. Трижды работала в селе Тимошино Макарьевского района. Много была в Чухломе, потому что сейчас запланирован сборник чухломского фольклора. Правда, ансамблей здесь так и не нашла. Непогода помешала прошлым летом доехать до Сенной — может, там ... У меня всегда надежда: а вдруг!..

— Без этой надежды, наверное, и нельзя работать в нашей области, где в сравнении с другими краями песенные традиции сохранились гораздо хуже?

— Действительно, работать в южнорусских областях или в той же Смоленской, где мне не раз приходилось бывать, — большой соблазн для фольклориста-музыканта. Приезжаешь в деревню — а села там большие — и не нужно долго и упорно пытаться одну бабушку, чтобы по крохам собрать какие-то обрывки. Там тебе говорят: «Вот в этом краю села ансамбль — пожалуйста, а в том конце — другой...» Только записывай: материал сам на тебя идет. Спетые многоголосно, очень красивые песни, изысканная ритмика.

И все же я эти яркие песни казачьи, смоленские, курские, брянские, других областей не сравню по глубине чувств и мыслей с северными. Возможно, я прикипела к здешней традиции, и она мне более понятна. Хотя... Я провела такой эксперимент в одном московском ансамбле. Он воспитан на казачьей песне, на яркой курской, белгородской. Затем ездили в Смоленск. А потом ко мне обратились: «Хотим Кострому попеть». И я дала им самый лучший материал — из Борка: «Вот

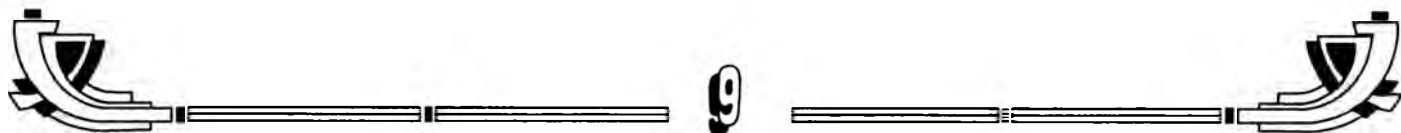
послушайте. Что вам понравится — я уж тогда ноты дам или многоканальные записи». Через два дня пришли такие растерянные: «Понимаете, а нам ничего не понравилось. Вот одна только песня «Уж как под лесом, лесочком» более-менее ничего ...» Я говорю: «Вы просто не привыкли к этой традиции, она не яркая, совсем не броская. Послушайте еще. А эту песню выучите». И сама стала с ними петь. Они выучили, и чем больше пели, тем больше прониклись: запомнила их удивленные глаза на спевках. И потом вторую, третью, четвертую костромскую песню стали разучивать.

Это песни, которые с первого раза не раскусишь. Примерно так было и с Алексеем Ивановичем Шилиным. Специалист по народной хореографии, он три-четыре года ездил в Кострому, поздний пласт фольклора ему попался, и сложилось у него впечатление, что Костромская область хореографическая, но не песенная. И как ни доказывала, что десять-двадцать лет назад я еще слышала великолепные ансамбли, просто они сегодня не сохранились, — только недавно, услышав, как эти песни поют нерехтские «Меряне», Алексей Иванович удивился: «Действительно, здесь такое многоголосие — я просто не представлял...»

— Вот тут мы и подошли к ответственности, которая ложится на молодежные коллективы, обращающиеся к фольклору: раз уже не сохранились аутентичные ансамбли, только они могут дать представление о том, как звучали в народе эти песни.

— Должна сказать, что в области, особенно в последние годы, много хороших ансамблей. У меня давняя любовь к «Мерянам» и «Нерехтским рожечникам». В Кологриве хороший сложился ансамбль, стал свои, кологривские песни петь. Появилась и такая жемчужинка, как «Светлица» — детский коллектив в селе Согра Вохомского района ...

И все же, о чем думаешь, когда

знакомишься с сегодняшними ансамблями? .. Вот я часто ловлю себя на мысли, что когда вспоминаю свои экспедиции, каждого исполнителя вижу как бы в комплексе: не только имя и лицо, тембр голоса, мимику и жесты, но и его дом, его судьбу, им рассказанную ... Меня спрашивают, как вообще удается расписать многоголосую партитуру, когда все голоса так удивительно перекрещиваются, сливаются. А вот как раз такая объемная память и помогает вычленил голос каждого исполнителя. А если запись чужая, тут уже я часто бессильна. И когда руководитель какого-то ансамбля идет по пути, который ему кажется более легким — где-нибудь взять что-то готовое, — он гораздо больше теряет, чем находит. По чужим записям все равно фольклор так не почувствуешь, не видя этих исполнителей. Я всегда советую учиться непосредственно у пожилых людей, пока есть у нас такой шанс. Не нужно ехать за песнями в Москву. В наших деревнях еще многое можно почерпнуть, и ансамбль из Согры — убедительнейшее тому свидетельство.

При всех наших утратах мы, русские, — все же богатый народ. Мне часто приходилось наблюдать, в какой восторг приходят западные коллеги, когда видят на наших фольклорных концертах живых носителей традиций. У них цивилизация ушла далеко вперед и давно разрушила традиционную систему. Им давно приходится изучать фольклор по письменным источникам. Я буквально была поражена, когда во время учебы в аспирантуре мне пришлось переводить с немецкого книгу Броувера о символике цветов: исследователю прошлого века приходилось довольствоваться уже только письменными источниками!

Но за рубежом просто с трепетом, с благоговением к фольклору относятся. Я знаю, что в Венгрии давно, когда еще не было компьютеров, была создана картотека: сведения о каждом исполнителе

фольклора с его репертуаром. В Праге еще в 1975 году меня поразило, что в детских садах, в школах дети наряду с современными танцами совершенно спокойно танцуют традиционные танцы и песни поют. И никакого стеснения, а только уважение и гордость.

— *С одной стороны, у нас огромное богатство, а с другой — удивительная расточительность, впрочем, как и во многом другом, пренебрежительное отношение ...*

— Да. Но я надеюсь, что когда-нибудь мы поумнеем. Кстати, основания для такой надежды я встречаю и на костромской земле. Мне, например, очень понравилось, как детей приобщают к русской народной культуре в садике «Лесная сказка» поселка Чистые Боры. Здесь все подчинено календарному циклу, в праздниках участвуют и дети, и воспитатели, и родители. И все с большой любовью и вкусом. Правда, пока на общерусском материале, но надеюсь, что со временем будут здесь использовать и свой костромской фольклор. С интересной работой с детьми прошлым летом познакомилась в Чухломском районе, в Луковцыне. Я бы много могла назвать имен энтузиастов, с которыми свела меня здесь за двадцать лет судьба и работа. Но больше всего обнадеживает серьезная работа Дома народного творчества, который старается объединить усилия таких энтузиастов, привлечь к собирательской работе новых людей, прежде всего из работников культуры, дать им программы и необходимые знания.

А будущее фольклора? У каждой песни раньше была своя утилитарная функция: свой пол и возраст исполнителей, свои ситуации. Эта связь с исконными представлениями, с трудом и магией уже почти полностью утрачена, с течением времени фольклор все больше будет принимать игровой характер. Но история, жизнь народа, его мысли и чувства, его

идеалы — все это выражено в песнях, и этим народная песня будет волновать сердца. В этом я не сомневаюсь, поэтому и стараюсь выполнить свой долг — создать возможно более полную коллекцию, сохранить лицо костромской музыкальной традиции для потомков, зафиксировать в нотных записях, а теперь появилась цифровая запись — она позволит на века сохранить и живые голоса ...

Во время последней встречи с Татьяной Викторовной Кирюшиной узнал, что ее лаборатории в Гнесинке из Российского фонда фундаментальных исследований выделены средства. Что уже сделана заявка на цифровой магнитофон и другую технику. Расширен штат лаборатории. Это значит, что у руководителя прибавилось чисто организационных хлопот. Но, рассказывая эти новости, Татьяна Викторовна делилась и планами новых своих экспедиций по Костромской области: там надо успеть, не опоздать бы здесь ...

И вспомнилась мне другая встреча, тоже недавняя — в Вохме с замечательной песенницей — 86-летней Марией Федоровной Поповой. Ее привезли в райцентр на семинар работников культуры. Мария Федоровна буквально перевернула его план. Построила в круг участников семинара и показывала, учила, пропевая от начала до конца подряд все долгие хороводные песни так, как они пелись когда-то в Троицу в ее родной деревне Марково. Ее пытались остановить: отдохните, мол, Мария Федоровна, в следующий раз ...

— Нет уж, пишите и запоминайте сегодня. Сегодня я жива, а завтра, может, помру.

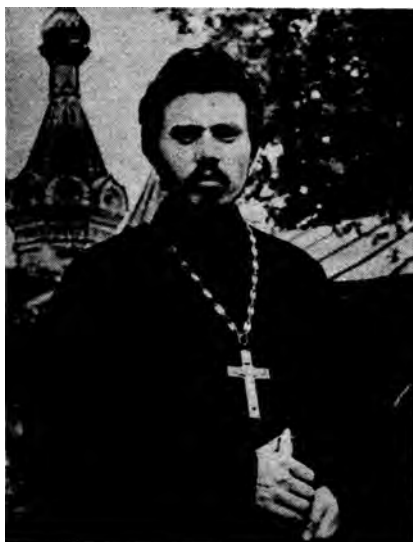
Мария Федоровна тоже стремилась исполнить свой долг.

Беседовал Владимир СМОРЧКОВ

ДВЕРЬ, ОТКРЫТАЯ В НОВУЮ ЖИЗНЬ

Детский возраст наиболее восприимчив ко всему новому, заложенное в детстве в человека во многом определяет всю его последующую жизнь. Лев Толстой говорил, что человек может меняться до 5 лет, поэтому многое зависит от того, на чем он в этом возрасте будет воспитываться, какую получать информацию, какие у него будут формироваться симпатии и антипатии. Здесь очень важно помогать ребенку познавать окружающий мир, найти в нем основополагающие идеалы. К сожалению, обилие всякой низкопробной информации мешает этому, экраны буквально заполонили не всегда качественные американские мультфильмы. Поэтому лучше, если ребенок будет проводить время не у телевизора, который навязывает стереотипы и лишает самостоятельности мышления, а за книгой, хорошая духовная литература для детей сейчас есть. Большую роль в воспитании детей играет коллектив, где ребенок находится, в первую очередь — семья. Отношения родителей между собой, к детям, к другим людям во многом определяют поведение и внутренний мир ребенка. Если он из православной семьи, то привыкает, что один раз в неделю у него — праздник. Найдя радость духовную, возвышенную в праздничном богослужении, он в зрелые годы уже не будет искать ее в алкоголе или наркотиках. Как священник и отец троих детей, я вижу гармонию в том, что первые уроки любви и добра ребенок должен получить в семье, что родители, заботясь о материальных благах, не должны лишать ребенка и духовных благ, которые ему могут дать вера и церковь.

Духовный путь человека начинается с крещения. Однако некоторые родители ориентируются на крещение как на некий магический обряд: мол, окрестили, значит, ребенок будет здоровеньким и счастливым. Но крещение — это только откры-

тая дверь в новую жизнь, и в ней ребенок должен постоянно трудиться, контролировать свои мысли, слова и поступки. Потребность в исповеди у ребенка появляется довольно рано, я в своей практике встречался с тем, что уже с 4 лет у него есть необходимость сокрушаться в каких-то своих поступках, осознавая их неблагоприятность. Это говорит о том, что у ребенка, который воспитывается в вере, раньше появляется чувство ответственности за свои поступки, совесть. Крещеный, верующий, посещающий богослужение ребенок становится духовно богаче, он получает опыт приоритета духовных ценностей над материальными, что поможет ему во взрослой жизни, из-за материальных благ он не пойдет на обман или преступление.

Следует сказать о том, что многие вопросы, связанные с понятием пола, в школе замалчиваются, в семье о них тоже не принято говорить, большей частью дети узнают об этом от сверстников на улице, часто в извращенной форме. В церкви же они получают другой взгляд на женщину, другое, более возвышенное, отношение к браку, что помогает стать счастливым в буду-

щей семейной жизни. До недавнего времени у нас было принято высмеивать домострой, но как мудро и по-доброму там регламентирована жизнь. Дети, вырастая, во всем берут пример с родителей, с детства начинают понимать, что чтение духовной литературы — это усилие, создание семьи — это обязанности, жизнь нередко — трудный крестный путь. И ребенок учится переносить трудности стойко, не впадая в уныние и отчаяние, знает, что если сил его недостаточно, то поможет Бог.

Духовное здоровье человека, конечно же, связано с его здоровьем телесным. Говорю об этом с полным основанием как священник и в прошлом врач. Мы знаем, что пороки родителей будут преследовать детей «до третьего колена» — сказано в Священном писании. С другой стороны, мы даем в наследство детям свое здоровье, и если дети начинают болеть, то в первую очередь нужно посмотреть на себя. Если человек живет в вере, получает правильное духовное воспитание, то он лишен многих внутренних комплексов, которые делают его неуверенным в себе, вялым, болезненным. Более того, мы знаем, что многие люди, у которых в силу каких-то причин было слабое здоровье, придя в церковь, восстановили его. Например, отец Иоанн Кронштадтский был болезненным ребенком, но благодаря глубокой вере не только выздоровел, а стал святым угодником Божиим. Мне приходилось встречать людей, отправленных на пенсию по инвалидности с тяжелым диагнозом, но они потом еще по 30–40 лет трудились в церкви, духовное здоровье помогало им обрести вторую жизнь.

Мы привыкли слышать слова: в здоровом теле — здоровый дух. Но это неправильно переведенные с латыни и переиначенные слова Тертуллиана. На самом же деле он писал наоборот: от здорового духа — здоровое тело. И хорошо, если человек поймет это в детском возрасте.

МЕЖСЕЗОНЬЕ В «КОСТРОМСКОМ»

Сегодня трудно представить: лет пятнадцать назад в пруду, что в Малышково, на территории санатория «Костромской», косяками ходили толстолобики — ловили их сетями ... Зимой сия водная поверхность, прикрытая белым покрывалом, еще хранит некий ореол загадочности. Но пора таяния снегов делает тайное явным — в мутных и грязных водах, словно обломки кораблекрушения, кружат какие-то палки, бумаги, прочий мусор.

А ведь красивый был пруд! Отдыхавшие катались на лодках, в центре бил фонтан. И ажурный мостик, соединяющий берега водоема, построен явно не с функциональной целью /обойти пруд пяти минут хватит/, а по чьему-то капризу, для души, ищущей отдохновения. Как хорошо, наверно, кормить с него лебедей или наблюдать за прожорливыми мальками ...

Но нынче вообразить на берегу этого водоема барышню с полотен Борисова-Мусатова поможет лишь очень богатая фантазия, хотя такие ассоциации все же рождаются. Может, потому, что теперешний развал нашей социальной сферы в чем-то сходен с вымиранием дворянских гнезд. А, воз-

Первый директор Н. П. Галкин с женой Александрой Федоровной

можно, потому, что находилась здесь когда-то старинная усадьба Кितिцыных, и дух ее не выветрился с годами.

И прежде чем рассказать о настоящем дне санатория матери и ребенка «Костромской», заведения в своем роде уникального в нашем регионе, обратимся к истории его создания. Без этого картина не будет полной.

... К дворянам Кितिцыным малышевское поместье пришло в качестве приданого, которым оделил свою дочь человек в Костромской губернии весьма состоятельный — Карцев. А сам он приобрел усадьбу после отмены крепостного права у помещика Малышева (отсюда труда не представит вычислить происхождение названия — «Малышково»).

Один из сыновей последнего владельца усадьбы Михаил Алек-

сандрович Кितिцын — знаменитый командир подводной лодки «Тюмень», экипаж которой прославился своими подвигами на Черном море. После 1917-го он эмигрировал, многие годы возглавлял союз русских моряков за рубежом, издавал бюллетень, в котором сообщал о их судьбе. Его брат Сергей Александрович, известный просветительскими взглядами, после революции в родовом

поместье Малышково организовал первую в губернии сельскохозяйственную коммуны. В 1924 году С. А. Кितिцын переехал в Москву, а чуть позднее на землях коммуны разместилось пригородное хозяйство льнокомбината имени Ленина.

В начале 30-х льнянщики решили построить здесь дом отдыха. Место удачное: от Костромы всего 4 километра, рядом железная дорога, есть автобусное сообщение. Воздух чистейший — круглый год целительные лесные ароматы. Зеркало пруда, окруженного вековыми деревьями, тогда еще ласкало взор. И главное, приятное соседство — красавица Волга.

Началась стройка. И уже 19 июля 1938 года дом отдыха, принадлежащий Всесоюзному центральному комитету профсоюзов рабочих льняной и пеньковой

промышленности и состоящий из трех двухэтажных корпусов, административного здания и столовой, принял первых отдыхающих. Рассчитан он был всего на 100 человек.

Сохранились сведения о первом директоре дома отдыха Николае Петровиче Галкине, который пришел сюда с должности инструктора ЦК профсоюза. Был он прекрасным хозяйственником, человеком неугомонным и очень трудолюбивым. Дом отдыха хоть и начал принимать гостей, но сколько требовалось доделок, чтобы было уютно, комфортно. Николай Петрович никакой работы не чурался. И во всем помогала его верный друг и жена Александра Федоровна, работавшая библиотекарем.

Когда началась война, дом отдыха стал эвакуогоспиталем № 3049, а Н. П. Галкин был назначен начальником материально-технического обеспечения. Поменяли профиль и многие сотрудники, став медсестрами, санитарями, нянями. 30 октября 1941 года эвакуогоспиталь был отправлен на Урал. Оттуда, в 1942 году, отправив жену и двоих сыновей в Кострому, Николай Галкин ушел добровольцем на фронт. А вскоре пришла похоронка: «... погиб в тяжелом бою за овладение важным стратегическим пунктом недалеко от города Жиздры ...».

После того как уехал эвакуогоспиталь, все три корпуса заняла воинская часть, и отсюда на фронт отправлялись подготовленные и сформированные отряды. В начале 1943 года здесь был организован госпиталь для выздоравливающих солдат.

В истории санатория был и такой факт: в начале войны здесь было помещено немецкое посольство, арестованное в Москве, позднее его «поменяли» на наше, находившееся в Берлине.

Первому послевоенному директору Петру Игнатьевичу Смирнову и коллективу примерно из пятидесяти человек, который он воз-

главил, в нелегких условиях пришлось госпиталь перепрофилировать в здравницу. Одна из старейших работниц А. А. Балакирева так вспоминала это время: «Пришлось помучаться с двумя быками, прежде чем они научились возить продукты из магазина, лес, тес, обрабатывать участок, на котором выращивали картофель и овощи». Кроме быков, были лишь старенькая трофейная машина да совсем не молоденькая лошадь.

В общем, нетрудно догадаться, кто был главной рабочей силой. Конечно, люди! Их руками заложен фруктовый сад, разбиты цветники, центральная аллея, на которой были посажены многолетние декоративные деревья. А рядом была разбита вторая аллея из лип и ясеней, появилась теплица и парники. Весной 1953 года в них вырастили 50 тысяч штук цветочной рассады и по 25 тысяч помидорной и капустной.

Нынешние сотрудники санатория, глядя на фотографии тех лет, лишь удивляются: неужели в теплице когда-то выращивали по три тонны ранних огурцов? Н. Д. Воронцова, повар с большим стажем, подтверждает: и огурцы, и лук, и зелень — круглый год. Помидоры солили, а из перезревших варили томат. Отдыхающим всегда очень нравилось, как кормили в «Костромском».

В апреле 1987 года дом отдыха был перепрофилирован в санаторий сердечно-сосудистого и легочного профиля. Пришли новые люди — медсестры, врачи. Вместо отдыхающих, приезжающих сюда в предвкушении приятного времяпрепровождения, появились люди больные — взрослые и дети, требующие особого внимания и подхода ...

Зимой в санатории тихо и малоллюдно. Лишь изредка раздаются на пустынных аллеях колокольчики ребячьего смеха. Мертвый сезон. Но и летом ненамного оживленнее — у межсезонья финансовая причина. А ведь в нашей только области более 42 тысяч детей с хроническими заболеваниями. И в «Костромском» есть все условия, чтобы их успешно лечить.

Санаторий теперь многопрофильный. Кроме сердечно-сосудистой и легочной патологии принимают больных с заболеваниями желудочно-кишечного тракта, почек, мочеполовой системы. Диета, климато- и бальнеолечение, различные виды массажа, сауна, лечебная физкультура, парафино-озекерит, импегнации с минеральной водой, медикаментозная, фито- и физиотерапия всех современных видов, включая лазерную. Такая база есть не у каждого лечебного заведения.

С открытием на территории

Был когда-то наш пруд "судоходным"

минеральных вод санаторий приобрел статус курорта, пока неофициальный. В пробуренных в 1989 году двух скважинах оказалась столовая вода хлоридно-сульфатно-натриевого состава, очень сходная с знаменитой «Феодосийской», и рассольная хлоридно-натриевая с бромом сильной минерализации — для ванн.

Совместно с доктором медицинских наук из Ярославля В. А. Маргазиным врачами здравницы проведены исследования влияния минвод на здоровье детей. Результаты, более чем обнадеживающие, получили благожелательную оценку на Российской научно-практической конференции по актуальным вопросам курортолечения, состоявшейся в сентябре 1994 года.

Вообще, как констатируют медики, санаторно-курортное лечение позволяет предотвратить раз-

витие хронических процессов, снизить инвалидность среди детей и взрослых. А приезжающие сюда мамы, не знакомые с медицинскими тонкостями, видят, как буквально через несколько дней исчезает серый цвет лица их малыша, перестает шелушиться кожа, пропадают темные круги под глазами. И как минимум год ребенок практически не болеет.

«Если бы мы могли пролечивать всех нуждающихся детей хотя бы раз в два-три года, — говорит главный врач «Костромского» И. А. Тараканов, — мы имели бы в будущем здоровое общество».

Нынешнее финансовое положение санатория, по образному выражению одного из его сотрудников, как у танцора на проволоке: куда ни качнет, всюду пропасть. Налоги здравница платит практи-

чески полностью, тарифы на тепло, газ, воду с лечебного заведения берут в том же объеме, как и с промышленного, а это основная составляющая часть стоимости путевки. А дорогая путевка — нет отдыхающих. Замкнутый круг. Коммерческая деятельность как-то позволяет свести концы с концами — платные дискотеки, вечера отдыха, бар, автобус, сдаваемый в аренду, сауна приносят деньги, но, конечно, не в том количестве, которое необходимо. А ведь надо думать о будущем. О тех детях, которые вступят в новую жизнь больными из-за того, что реформы не ориентированы на социальную сферу.

... Лозунг «Все лучшее — детям!», несмотря на его декларативность, правильный по сути. Так во всяком случае должно быть. Будет ли?

Имеет сообщить

В ИСПОЛНЕНИИ «БЕРЕГИНИ» ВСЕ ОБРЯДЫ ХОРОШИ. Особенно свадебные, с печальной песней о вьюне да веселой кадрили. Возникший при областном историко-архитектурном музее-заповеднике 15 лет назад, этот фольклорно-этнографический ансамбль давно уже вышел за пределы Ипатьевской слободы и стал известен не только в Костроме, но и в других городах и весях. Собирая старые обычаи, храня народные песни, коллектив отличается самобытностью — песни здесь не просто поют, а играют, слова не только говорят, но сказывают.

«Берегиня» — какое ласкающее слух и трогающее душу имя - название, пришедшее к нам из седой старины и к сегодняшнему дню

подошедшее. Смотришь, слушаешь и невольно вспоминаешь стихи Анны Ахматовой:

*«И мы сохраним тебя,
русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя
пронесем...»*

И пусть написаны они в иные времена и по другому поводу, но и ныне русское слово тоже нуждается в защите.

Сохраним и пронесем, пока будут на нашей костромской земле «Берегиня», «Светлицы», «Долинушки»...

ПРИХОДСКОЙ ДОМ С МОЛОДЕЖНЫМ ЦЕНТРОМ начнет строиться весной этого года при храме преподобного Алексия Человека Божия, что на улице Ка-

тушечной в Костроме. В центре будет проводиться работа с детьми и молодежью в возрасте от 9 до 17 лет, в основном из неполных и трудных семей, живущих в прилежащем к храму районе. Занятия в кружках народного творчества, изучение столярного и слесарного ремесла, работа в переплетной мастерской, спорт, походы, экскурсии, изучение основ православной веры — к этому и многому другому будут привлечены мастера, педагоги, студенты Духовного училища, активные прихожане. Строительство предполагается закончить в августе, в сентябре — укомплектовать мастерские, а с октября — начать занятия в группах. А пока Костромское духовное училище ждет помощи от организаций и частных лиц в этом благородном деле.

ПРИКАСАЯСЬ С ЛЮБОВЬЮ

Моя бабушка, звали ее Камелия, была верующим человеком. Она часто повторяла, что жить надо для людей, как можно больше делать для людей — только так можно защититься от зла, которое блуждает в мире. Именно из детства от бабушки пришло ко мне увлечение медициной. Повод к этому дали ее способности к врачеванию — в наш дом ходила вся округа за травами, мазями. Однажды она вылечила от черной оспы сына очень богатого человека. Его уже считали безнадежным. В благодарность за это исцеление он привез мою бедную бабушку в своей большой красивый дом и сказал: «Вот живи, все это твое». Но бабушка отказалась: «Ничего мне чужого не надо, дай только, если можешь, плуг и лошадь». Так в начале 30-х ее семья начала вставать на ноги. Дед стал строить новый дом, но случилось несчастье, когда ставили матицу, она упала, и деда придавило. Бабушка осталась одна с четырьмя детьми, а вскоре началось раскулачивание, и подарок — лошадь с плугом — отобрали, а кулачку с детками выслали в казахские степи. Там среди ветров и пыли я и родилась.

По наследству смогла мне бабушка передать лишь свое искусство врачевания, обучила приемам массажа. Никогда не забуду эти первые уроки, полученные мной еще подростком.

— Ты знаешь, почему этот ребенок так сильно кашляет? — спрашивала она.

Я, конечно, не знала.

— Посмотри, что я делаю.

Тут она тщательно проглаживала позвоночник несколько раз и потом легко пальчиками нажимала — слышался хруст. Бабушка поясняла — вот почему этот ребенок кашляет — у него ущемляется так называемый кашлевой центр.

Она была убеждена, что в будущем роль массажа оценят по за-

слугам — массаж станет панацеей от всех бед — и поэтому старалась передать мне все, чем владела сама. Позднее, когда я работала военным фельдшером на Севере и встретила там китайского врача Сергея Владимировича Кима, прошла у него годичные курсы специальной подготовки, я поняла, как много мне дала моя бабушка. «Береги свои руки, — сказал мне учитель на прощание, — они стоят многого». А я про себя думала: это бабушке надо сказать спасибо. За 22 года в медицинской службе кем я только не работала: и операционной сестрой, и разъездным фельдшером, сестрой «скорой помощи» и так далее (муж был военным, и часто приходилось менять работу). Но я всегда помнила, что не должна оставлять массаж, и хотя бы одному человеку в день, но помочь, чтобы сохранить «донорскую» биоэнергетику. Массаж, особенно детский, это не только техника. Важно сосредоточить на человеке весь запас положительной энергии, думать о нем с до-

бром и пожеланиями выздоровления. Каждый сустав, каждая мышца ребенка должна получить запас не только физического, но и духовного тепла от взрослого. Поэтому так важно, чтобы любящие мамы сами старались овладеть простейшими приемами: растирания, потряхивания, постукивания мышц. Своих трех дочерей я обучила классическому массажу, а мои маленькие внук и внучка никогда не пользовались никакой медикаментозной химией. Чтобы провести профилактику заболеваний, мамы с детьми каждый день должны делать несложную и короткую гимнастику носа (вдох на счет 8 и такой же медленный выдох), затем массаж носа и носоглотки по схеме, которую можно найти в любой книжке по массажу. В детской поликлинике № 4, где работаю массажисткой, я учу молодых мам, как это делать самим в домашних условиях. Ко мне часто приводят детей, больных ОРЗ, пневмонией, бронхиальной астмой, ОВР, малышей с гипертонусом и другими заболеваниями. Часто их болезни — это последствия отрицательного влияния на центральную нервную систему всякого рода физиотерапевтических процедур, УЗИ еще на этапе внутриутробного развития. Поэтому молодым мамам надо быть очень осторожными даже к светолечению и прибегать к нему лишь в крайнем случае. За эти годы через мои руки прошли тысячи детей, и каждого массаж сделал здоровым человеком без всяких таблеток. Природа дала нам руки, чтобы, прикасаясь с любовью к другому, мы могли открыть в себе целительные силы. Так не будем пренебрегать этим даром. Все, кто хочет получить совет, могут обратиться ко мне за помощью в 26-й кабинет четвертой детской поликлиники.

ПОМОГИ СЕБЕ САМ

Несколько лет существует в Костроме спортивно-оздоровительный клуб с хорошим названием «Здравствуйте». Организовали его братья Вячеслав и Юрий Кратновы. Вячеслав Сергеевич работает директором детско-юношеской спортивной школы № 3, а брат его, тоже спортсмен и тренер, живет в Луганске, можно сказать за рубежом, но в родную Кострому приезжает часто, вот и в эти начальные зимние деньки был дома. Клуб «Здравствуйте» объединяет сторонников учения Порфирия Корнеевича Иванова, создателя знаменитой «Детки». Естественно, разговор с братьями пошел о взаимоотношениях людей и природы, о здоровом образе жизни, о способностях и возможностях человеческого организма, начиная с раннего возраста.

— Многие, конечно, слышали о последователях Порфирия Корнеевича Иванова как о людях, обливающихся холодной водой. Но ведь учение его гораздо глубже, в основе его — целая философия. В чем ее основной смысл?

Юрий: — У каждого человека свое место в природе и свой, независимый, путь в жизни. Учитель указывает этот путь. В основе всего — живая природа: вода, земля, воздух. В его учении быстро видны практические результаты. В традиционной медицине острые и хронические заболевания лечатся долго, а тут оздоровление происходит в течение короткого периода времени. А потом все идет глубже — изменяется внутренний мир человека. Начинаешь анализиро-

вать: кто ты, где ты, от чего заболел? И оказывается, виноват сам человек, неправильное поведение его и привело к болезни. В принципе, медицина ведь борется со следствием, а учение Иванова открывает причину. Оно помогает познать законы природы и следовать им в жизни. Эти законы направлены на созидание, на объединение людей, а не на разрушение и разобщение.

«Главное — это люди, главное — любить людей».

П. К. Иванов.

Вячеслав: — Учитель говорит: я вижу у больного душу и сердце. Я занимаюсь уже много лет и начинаю понимать это. В любом человеке есть здоровое зернышко, которое начинает прорастать в определенных условиях. Учение создает такие условия, зернышко растет, человек развивается и в духовном и в физическом плане, появляется гармония души и тела.

«Человек должен искать средства внутри себя для победы над смертью. Мы должны добиться от Природы и получить силы для борьбы с болезнями. Она, Природа, — самое главное, и все делается по ее законам, а мы являемся частью самой Природы и живем тоже по ее законам, и те же самые силы действуют и внутри нас».

П. К. Иванов.

— Как все начиналось, как в вас прорастало это самое зернышко? Расскажите, пожалуйста.

Юрий: — Начиналось, в общем-то, с меня. Родился я в Костроме, а затем уехал на Украину, в Луганск, в места, где жил Порфирий Корнеевич. После знакомства с учением начал обливаться холодной водой и получил положительные результаты — вода имеет свойства, которые вызывают в организме резкие изменения, начинается его пробуждение. Потом, следуя учению, стал приобщать к этому делу других людей, сначала близких — брата, мать. У матери был целый букет болезней, она была слабой, боялась, пришлось обливать ее насильно. А через три месяца она сама себя не узнала, тяжелое состояние прошло, появилась радость. А потом она поехала к Валентине Леонтьевне, продолжателю и хранителю дела Учителя. Возвратившись, пошла в больницу, а там удивились: вам лекарства больше не нужны. Вот так — три месяца и вся жизнь.

Вячеслав: — И что характерно, врач ей сказал: я тоже хочу заниматься по этой системе. Сам же я, мастер спорта, после обливания холодной водой открыл ранее неведомый мир, который меня в себя принял. Тепло по всему телу, радость, я как бы впервые людей увидел. Три года бегал в Берендевке и никого вокруг не видел. А тут бегу, вижу — навстречу бабушка идет. И само собой вырвалось: здравствуйте! Она удивилась и мне в ответ тоже: здравствуйте! Состояние такое, что объяснить трудно. Я столько лет занимался спортом, три года моржевался, но такого

никогда не испытывал. Как будто нашел то, что всю жизнь искал. Нас ведь с детства пугают холодом, а тут преодолел страх и теперь вода, земля и воздух — друзья мои неумираемые, как говорил Учитель. А самое главное — душа пробуждается, начинаешь любить людей, хочется помочь бедному, больному, нуждающемуся в чем-то. Я с детьми давно работаю, раньше я строго требовал, а теперь прошу. Попросил, наберись терпения, подожди, и все будет выполнено. Нужно каждого понять, ободрить, поддержать, ребенок — он любит теплоту. Теплота во мне — от холода, от воды, когда ей окатишься, от земли, когда по ней, снежной, босиком пробежишь, от воздуха, с которым я породнился через дыхание.

— И сколько детей занимаетесь в вашем клубе?

Вячеслав: — Дети в основном приходят вместе с родителями, а взрослых у нас сейчас в клубе человек двадцать. Всего же в Костроме около 300 ивановцев, многие сначала ходили к нам, а теперь занимаются самостоятельно. Ребята, которые занимаются в спортивной школе, я тоже прошу обливаться холодной водой, быть ближе к природе. Мать-природа нас родила: ребенок, водой облитый, воздухом вытолкнут и земля его принимает. Вот так естественно все должно быть и в дальнейшей жизни.

— Вы, наверное, наблюдаете за людьми. Происходят ли в них в результате занятий какие-то изменения?

Вячеслав: — Изменения происходят колоссальные — и внешние, и внутренние, сначала оказывается влияние на здоровье, а

потом все идет глубже. Но бывает, что некоторым не хватает силы воли. Вдруг случаются какие-то переломные моменты в жизни или недомогания, и у людей опять возникает страх перед холодной водой. А страх — самый худший советчик, занятия должны быть постоянными, это же ведь система, даже больше того — образ жизни.

— Вы занимаетесь «Деткой» уже много лет. Сами случайно не болели за это время?

Юрий: — Болезни бывают разные. Например, простудные. Будешь обливаться больше, чем нужно, — и можно заболеть. А есть болезнь как следствие неправильного поступка. Я вот недавно сказал что-то нехорошее об одном человеке — так потом удар в грудь получил. Если сделаешь что-то необдуманно — получаешь запрет,

Купание в Берендеевке

Вместе с мамой

«Милые вы мои люди, гляньте вы на солнце, увидите вы свою правду, свое выздоровление. Быть такими, как я: Победитель Природы, Учитель народа, Бог Земли. Надо в Природе завоевать те качества, которые сохранили б человека. Жить надо, но умирать не надо»

П. К. Иванов.

а если наперекор пойдешь — страдать будешь. Понимаете, есть какая-то сила, которая человека по жизни ведет, если он живет в ладу с природой и все делает правильно, относится с теплотой и добром ко всему живому. Но если видишь, что один человек необдуманно или сознательно вредит другому, то строго говоришь: так нельзя!

— *Защищая слабого, вы вынуждены применять силу по отношению к обидчику. Не противоречит ли это учению?*

Юрий: — Человек часто не понимает, что с ним происходит, действует необдуманно. Нужно вывести его из этого состояния. У меня был случай, когда к нападавшему пришлось применить силу. Но зла у меня на него не было, и когда он пришел в себя, я сказал: думай, что делаешь, а если бы на моем месте оказался другой. Иди домой и ни к кому больше не приставай. Обычно же меня никто не трогает, я иду ровно, заряжен положительно, со встречаемыми здороваюсь. Знаю: что бы ни задумал — осуществится, природа поможет. Если же какому-то делу что-то мешает — продолжать не надо, в эту сторону развития нет. Случайного ничего нет — высшая сила выравнивает наши внутренний и внешний планы. Внутренний план — жить по совести, внешний — жить в понимании с тем, что тебя окружает. Любой свой поступок надо анализировать. Твое поведение, твое отношение к дру-

гим — все отражается на здоровье. Нужно уметь побеждать свою гордость, например, здороваться с человеком, который тебе неприятен. Нужно уметь терпеть. От терпенья, как и от холодной воды, в теле появляется тепло, а в душе — радость.

— *Многие ли ваши знакомые понимают вас и разделяют ваши взгляды? Или, может, большинство считает вас какими-то чудаками?*

«Надо всегда быть с Природой вместе и с нею неотрывно держать естественную связь. Надо иметь любовь к Природе, но не каприз и негодование: одно время хорошее, а другое плохое. Все будет хорошо. Человек Природе не будет вреден, а Природа — человеку. Между ними перестанет борьба за существование: кто кого, а будет в любви дружба, сохранение друг друга. Люди людей полюбят, войны больше не будет. Вот чего мы добьемся в Природе: тюрьма, больница исчезнут.»

П. К. Иванов.

Вячеслав: — Люди, с которыми мне приходится общаться, понимают меня как человека душой и сердцем. Может, кто-то и считает чудаком, странным, но я ни на кого не обижаюсь и свою точку зрения никому не навязываю. Я получаю то, что прошу, и другим от этого не хуже. Все мы, люди, разные и находимся на разных ступеньках к храму. Надо двигаться вперед и вверх, а это практическая работа над собой. Оступился, упал, но вставай и снова иди. Мы готовы помочь любому, кто к нам обратится, дать рекомендации, практический совет, но люди должны работать сами и помогать себе прежде всего сами.

— *Спасибо вам за встречу, конечно, интересно было бы поговорить с*

вами на природе, возле проруби или на снежной тропинке. Да еще бы с вашими воспитанниками.

Вячеслав: — Все можно сделать, собрать людей, построить, вывести на снег. Но это будет неестественно, а реклама нам не нужна. А вообще «Детка» — дело не коллективное, а индивидуальное. В клубе же мы собираемся не для того, чтобы толпой бежать к проруби, а пообщаться, поговорить о природе, о человеке, о нашей жизни.

Вот так и живут братья Кратновы. Познавая законы природы, проверяя возможности человека, в ладу с собой и другими. В сегодняшней непростой жизни они стараются выполнять все заповеди «Детки», в том числе и последнюю, которая гласит: «Рассказывай и передавай опыт этого дела, но не хвались и не возвышайся в этом. Будь скромнен». Они готовы помочь любому человеку, если он сам будет желать этого.

Николай МУРЕНИН

Фото Валерия ГРОМОВА

Спешим уведомить

Встречи последователей Порфирия Корнеевича Иванова проходят по субботам в 18 часов по адресу: г. Кострома, ул. Пятницкая, 30, детско-юношеская спортивная школа № 3.

ЭТОТ ДАР РАДОСТИ

С детства очень любила детей и мечтала, что будет у меня их не меньше десяти. И когда потом вышла замуж и родилась у меня первая девочка, не могла поверить, что — не Андрюша, а Надюша. Затем родился сын. Десять детей завести мне не удалось, зато теперь у меня пять внуков, и все-то мальчики. И когда первые мои Саша и Алеша, одному шестой, другому третий годик, заявляют мне: «Бабушка, ты совсем не бабушка. Ну, не такая ... бабушка», конечно, я понимаю, что они хотят сказать. А что, бабушка — это обязательно немощное, сгорбленное существо, сварливое, вечно жалующееся на жизнь? Конечно, когда внуки видят меня во время зарядки стоящей на голове, когда кувыркаюсь или растягиваюсь на турнике, когда мы часами бегаем по комнате, играя в прятки-догонялки — с девятимесячным Ванечкой на руках ищем Сашу и Алешу, — они могут сказать такое: «Ты совсем не бабушка». Сейчас я объясняю это небесными силами, кажется, рука Всевышнего увела меня от обреченности. В детстве, в семь лет, я переболела малярией, дом наш стоял на болоте. Потом на всю жизнь осталось осложнение на сердце. И хотя я была освобождена от физкультуры, наперекор судьбе бегала на лыжах, занималась коньками и плаванием, ныряла на глубину наравне с мальчишками. А дома еще были уроки акробатики у нашей соседки, высланной из Москвы немки Луизы Изотовны, с дочкой которой я дружила. Этой удивительной женщине я обязана своим здоровьем. Она сама занималась кроме акробатики и атлетикой, и конным спортом, и стала всему обучать нас. Она все время повторяла: «Нет для спорта слова нельзя, если хочешь быть здоровым». Другая ссыльная, эстонка Юлия Вельгельмовна, научила меня шить, понимать и ценить прекрасное. Читали мы вместе классику, слушали музыку. Эти две женщины с достоинством несли свой крест. Одну оставил муж, русский, шла война и он побоялся, что за жену — немку его будут

преследовать. Другая тоже осталась без мужа, еще до войны репрессированного. Но как обе мои соседки любили и ценили жизнь, радовались ей! Этот дар радости и способности противостоять иногда безрадостной среде я получила от них в детстве и буду благодарна за него всю жизнь. Хотела бы видеть его и в своих детях, внуках.

Как воспитать моих мальчишек духовно и физически сильными, здоровыми, добрыми ... Очевидно, только свой пример показывать. Вот за мной потянулись к турнику, мы сделали его прямо в квартире в проеме дверей. Саша с трех лет на лыжах, в этом году и Алешу будем ставить, давно просится. Все лето мы на реке, Саша уже может держаться на воде, ведь первые свои ныряния он совершил сразу после роддома, когда начала купать сразу в большой «взрослой» ванне, опуская с головой в воду. К сожалению, как у нас часто бывает, через месяц воду отключили, и наши уроки подводного плавания пришлось прекратить.

Вместе с дедушкой учим мальчишек приемам борьбы, чтобы умели себя защитить и слабых не дать в обиду.

Но самое главное для детства — не разлучать детей с природой. Нельзя воспитывать страх перед ней: ох, утонешь! ой, мороз! ох,

поранишь ногу! Не могу забыть состояние Саши, когда в полтора годика он впервые попал в лес и босиком пошел по земле. Это надо было видеть — его восторг, удивление, с каким он прислушивался к своим ощущениям и ко всем звукам леса: птица поет, яркая бабочка пролетела, что-то пищит в траве ... В нас с детства заложено самой природой — любовь к ней. Надо только видеть, какое бережное отношение к траве, цветам у маленького Алешки: не рвать, не мять, не ломать, а именно наблюдать. За всем в мире наблюдать и радоваться его красоте.

Природа столько дает нам здоровья в общении с собой. Если дети заблевают, что бывает редко, мы как и все, вызываем врача. И прослушав его рекомендации, на их основе лечим деток только народными, природой данными средствами. Простыл мальчик: сразу же горячую ванну, потом чай с крапивой, листом смородины и малины, мятой — травами, которые дают силу и очищают организм. Если кашляет: теплый сок свеклы или редьки с медом, а еще сахарок подожгу на ложке и, когда сгорел, в водичке растворю и попою ею малыша — и кашля как не бывало. Лето для нас пора заготовок всяких трав и листьев для нашей зеленой аптеки. Я солю на зиму не только укроп и петрушку, но даже крапиву. Крапива для меня панацея от всех бед: крапивой мою волосы, делаю с ней ванны, варю из нее супы, завариваю в чай.

Чтобы сохранить здоровье, надо с детства приучать к правильному питанию, тогда не понадобятся никакие лекарства. Наши мальчишки сыроеды, любят все овощи получать в естественном виде. А Алеша, тот даже картофель предпочитает есть сырым. Стараемся, чтобы овощи, фрукты, соки в доме не переводились.

Счастливы и здоровы те, кто берегут мудрость детства как величайшее сокровище всю свою жизнь. Вот этого и пожелаю читателям «Губернского дома».

СВЯЩЕННИК, ДОКТОР, МУЗЫКАНТ..

Емельяновы — фамилия семинарская. Корни ее в Вятской губернии, где Алексей Максимович Емельянов служил протоиереем Владимирского собора, там же, в Вятке, и почил на восьмидесятом году жизни. Было это в 1899 году. Так же до самой смерти в разных селах этой губернии священствовал и дед Анатолий Алексеевич. Осталось у него три дочери и три сына, которые съехались в военные годы в Кострому, где фамилия обрела вторую родину. Офицер, художник, композитор, зем-

ский врач ... — настоящая корневая интеллигенция. Софья Емельянова тоже собиралась стать врачом, но Николай Документов, не дав молодой жене закончить образование в Московском университете, увез ее по месту своего назначения в Чухлому, где стал служить земским врачом.

А там, судя по семейным рассказам, все было, как у Булгакова: и аппендицит оперировал, и роды принимал, и чего только он там ни делал. Крестьянка, рассказывал, встречает и спрашивает его: «Ты

меня, батюшка, помнишь?» — «Нет, отвечает, не помню». — «Так вот, ты у меня клещами ташшил». А откуда помнить, когда их были тысячи, почти весь чухломский уезд.

Потом уехали Документовы еще дальше — в Николо-Березовец, под Галичем. В Кострому они переехали где-то в середине двадцатых годов.

Анатолий Николаевич Документов так вспоминает о своем отце:

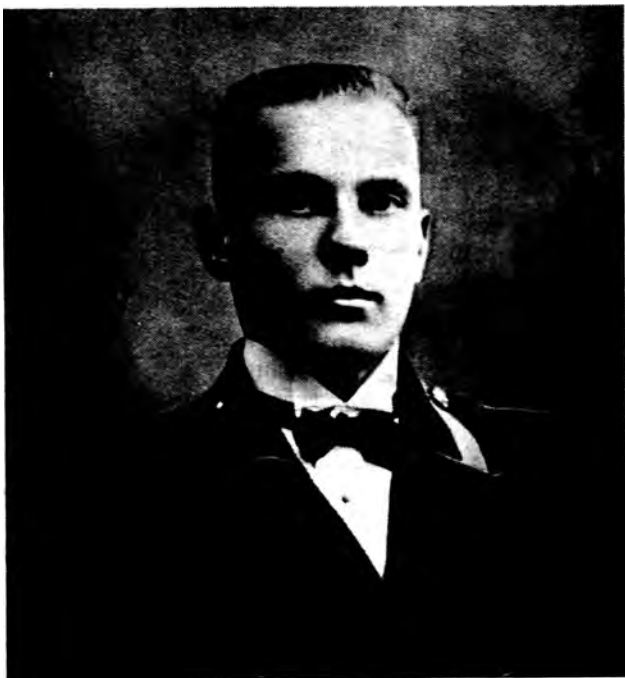
— Влияние отца на меня было сильным. Музыка он любил так

Алексей Максимович Емельянов,
протоиерей собора в г. Вятке, прадед А. Н. Документова

Анатолий Алексеевич Емельянов,
священник Вятской епархии, дед А. Н. Документова

Николай Иванович Документов,
земский врач, отец А. Н. Документова

Анатолий Николаевич Документов,
композитор

же страстно, как и медицину. Еще когда учился в Ярославле в гимназии, играл в оркестре на флейте. У него был тенор, и в двадцатые годы в Костроме он участвовал в «опере врачей». Ставились музыкальные спектакли по Гоголю — «Ревизор», «Женитьба». В них играли самые лучшие его друзья — Розов, Чернов. Я о них только слышал, потому что родился гораздо позже, в 1937 году.

После войны отец был участником оперных постановок при Доме учителя, с ними занимался Ю. Ф. Покровский. Ставили «Снегурочку» Римского-Корсакова, отец пел партию царя Берендея, в опере «Борис Годунов» — Шуйского. Очень любил романсы, сам переписывал ноты — каллиграфически. Просил меня дома ему аккомпанировать, но я тогда делал это очень неохотно. Выручала мама. Емельяновы все были очень музыкальны. А дядя — Александр Анатольевич стал композитором, жил в Ленинграде и писал для оркестра русских народных инструментов.

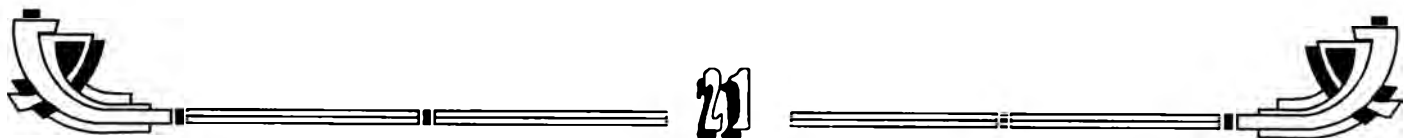
Отец хотел, чтобы из меня получился врач, снабжал меня соот-

ветствующей литературой. В 11 лет я открыл для себя книги Поля де Крюи, замечательного популяризатора науки. Я прочитал его книги о Левенгукке, Пастере, Кохе и твердо решил стать врачом, микробиологом. Мать была решительно против. Она видела меня музыкантом.

Первое время в Костроме мы снимали комнату в доме И. А. Крылова, его дочь, Лидия Ивановна, была преподавательницей музыки. Она давала мне первые уроки и посоветовала везти учиться в Москву в консерваторию. Там по-настоящему и началась моя музыка.

Учительница музыки Лидия Ивановна Крылова и Толя Документов

ЧУВСТВО КРАСОТЫ И МЕРЫ

... Крутит, крутит гончар свой круг. Выходят из-под его рук немудреные вещи: кринки да кувшины. И вот до чертиков надоело это однообразие. И начинаются с глиной настоящие чудеса: с обыч-

ной заготовкой еще чуть-чуть поколдовал мастер — и банальная кринка превращается в дорогую красавицу с крышкой в виде шляпки. А кувшин получается — ну толь-в толь птица, и этому замыс-

лу подчиняются и форма изделия, и отделка-декор. Так удивительно оживает глина, и словно бы на наших глазах происходит это таинство — рождение в мастер-ремесленнике художника. Возможно, даже, наверное, в жизни все намного сложнее и даже мучительнее. Но когда смотришь на этой выставке экспозицию гончара костромички Марии Тепловой, представляешь именно такой, похожий на фейерверк праздник фантазии, вкуса, мастерства и творчества.

И таких возможностей — пережить, как словно на наших глазах совершается этот переход обычного ремесла в творчество художника, эта выставка предоставила немало.

А устроил ее областной Дом народного творчества. Организаторы шли на немалые затраты и известный риск: шутка ли в наше время собрать народных мастеров не только из Костромы и всей нашей области, но и соседей — ивановцев, ярославцев, владимирцев, да еще такой букет мастеров пригласить со всей Архангельской области; привезти их работы, хорошо гостей встретить. Да и сами мастера захотят ли, приедут ли?

Захотели! Приехали! 98 мастеров (самой юной костромичке Ане Пикулевой — 11 лет, самой старой мастерице — Александре Игнатьевне Соколовой из шарьинского села Ивановское — 86) представили на выставку почти тысячу работ. Вещи самые различные. Одни словно бы будничные, для повседневного обихода — скромные, другие просятся для большого-большого праздника. Но во всех — высокое мастерство и неизме-

Удивительные перевоплощения ивового прута

Вазы Игоря Ивашишкова

няющее чувство красоты и меры. Оно и в работах из ниток и ткани (половиках, гобеленах, лоскутных одеялах), и в произведениях из глины и ивового прута. Именно этими материалами был намеренно ограничен состав выставки работ народных мастеров на площади Мира, 2, потому что иначе бы и этот большой выставочный зал оказался тесен. И только гостям самым дальним — архангельцам была предоставлена возможность привезти, показать все, чем они богаты.

И вряд ли какая другая выстав-

"Как интересно!.."

ка минувшего года доставила столько радости костромичам — и тонким ценителям-эстетам, и

публике, обычно равнодушной к вернисажам. А тут приходили, как говорится, и стар, и млад, шли семьями, компаниями. А в день, когда начиналась распродажа работ, очередь занимали задолго до открытия выставочного зала. И возмущались, даже грозили жаловаться, если оказывалось, что понравившиеся вещи не продаются: некоторые из них заранее Дом народного творчества закупил для своего фонда. Здесь мечтают о том, что совсем скоро в Костроме откроется Дом ремесел со своим выставочным залом и тогда выставки народных мастеров — такие вот праздники для нас с вами — будут постоянно, одна выставка будет сменять другую.

Владимир СМОРЧКОВ

Фото Игоря САПОВА и
Георгия БЕЛЯКОВА

Русалки и водяные Сергея Погехина

КРЕСТИНЫ И ДРУГИЕ ПРАЗДНИКИ

Раньше к крестинам, которые стремились провести как можно скорее, готовили ребенку особую крестильную рубашку. Делала это крестная мать, вышивала ее обязательно узором в крест. А крестный отец готовил крестик или давал на него деньги. Крестильную пеленку тоже шили в виде большой мужской рубашки, нарядно отделывали ее кумачом, галуном, тесьмой, но рукава и ворот ее были настолько узки, что для надевания не годились. Кумовья, одетые в праздничные платья, приходили на крестины и приносили хлеб и несколько аршин холста.

Перед крещением младенца клали в передний красный угол на шубу, положив рядом хлеб-соль, и обсыпали дитя зерном.

Обычно ребенка в течение первых сорока дней не подпоясывали, и лишь после шести недель крестная приносила ему в подарок поясок, рубашку, крестик.

Только с 6–8 лет мальчику одедали штаны, а девочке юбку — дети носили одни рубашки с поясками. Причем, чем больше дети проявляли упорства, не желая одеваться, тем, считалось, они дольше будут жить на свете. Изношенные первые штаны и юбку не отдавали тряпичникам, а сжигали в печи. До года у детей обычно не стригли волос, считая, что, подстригая во-

лосы, можно отрезать язык, то есть ребенок долго не будет разговаривать. День, когда подстригали малыша, был настоящим праздником.

Обряд подстригания волос (застрижки) совершался на Руси с древних времен — над княжескими сыновьями по достижении ими двух-, трехлетнего возраста — и связан он был с посадкой мальчика на коня. Такой же обряд еще в первой половине XIX века совершался на Семенов день (осенью) и в крестьянской среде: кум выстригал крестнику волосы, а отец сажал сына на коня. Выстриженные волосы зашивали в ладанку. Подарком от кума был конь, а от кумы — пояс и рукавицы. Обряд подстригания еще совершался на седьмом году жизни ребенка, когда менялись зубы.

Зинаида ВЕСЕЛОВА

ДЕВИЧЬЯ КРАСА — РУСАЯ КОСА

Когда жива еще была моя бабушка, она рассказывала о русском свадебном обычае, связанном с невестинной прической. Невесте накануне свадьбы, обычно на девичнике, устраивали расплетаньице — расплетали ее косу, в обычае было не заплетать ее до самого венца. Моей бабушке косу расплетала ее лучшая подруга, которой она подарила все свои косники (ленты из косы). А вообще по обряду косу должна была расплетать сваха или родители, а продолжали все родственники по

очереди. При этом невесту одаривали — что называлось «положить на косу», дарящих потчевали водкой. Крестная мать давала на косу — новую рубаху, крестный отец приносил образ и хлеб.

Бабушка была просватана не по своей воле, поэтому слезы ее перед венцом были самые настоящие. Символическая игра — «продажа» косы казалась ей «продажей ее самой».

Бабушка говорила, что девичью косу перед венцом в знак подчинения ее будущему мужу подреза-

ли со словами: «Возьми косу вместе с головой, будь ее господином, а она будет твоей рабой». Мать невесты обносила свадебную свечу вокруг голов новобрачных, взяв несколько волосинок у жениха (на лбу, затылке, около ушей), скру-

чивала их с подрезанными невестинными и, продев в обручальное кольцо, поджигала. Этот обряд, по ее словам, имел цель соединить молодых любовью до гроба. Трудно сказать, что повлияло на мою бабушку — старинные свадебные

обычай или нечто иное, но, выходя замуж за нелюбимого, она потом до конца своих дней любила только одного мужчину — моего деда.

Антонина БЕЛОЗЕРОВА

ПОСЛЕДНЯЯ ДОРОЖЕНЬКА

Обычай заранее заготавливать смертную одежду жив до сих пор. То, как тщательно готовились к этому событию наши предки, свидетельствует, что их вера в загробную жизнь была очень глубока, и это отражают причитания и плачи, которые донес до нас костромской фольклор. В «далекий путь-дороженьку», где ждут разные испытания — кому что положено, стоило собраться заранее и позаботиться о снаряжении. Похоронную одежду шили обязательно ручным способом, причем обязательно вперед (а не назад) иголкой. В нашем крае шили с изнанки, стежками, узлов не делали, иначе покойник якобы придет за кем-нибудь из семьи. Рукава рубахи шили без обшлагов и без оборок. В качестве застежек использовались завязки, одежда ни в коем случае не застегивалась ни на пуговицы, ни на запонки.

Омыть и обрядить умершего звали кого-нибудь чужого, только не близкого родственника. Раньше были специальные люди, которые занимались обряжением покойника, их звали везде по-разному — наряжальник, skutальник, умывальник. Если одежда, в которой умер человек, была неплохой, выстирав, ее вывешивали на шесть недель (не шевелили ее), а потом отдавали кому-нибудь из бедных на помин души.

На умершем ворот рубахи обязательно надо было оставить расстегнутым, если супруг хотел вступить во второй брак или хоронили еще не женатого человека. Даже ребенка хоронили обязательно в подпоясанной рубашечке. Это

было связано с поверьем: считалось, что при воскресении покойник должен быть подпоясанным.

Босыми никогда не хоронили. У нас в губернии принято было одевать покойника в лапти, даже если при жизни он никогда их не носил. Есть свидетельства, что предки наши избегали хоронить своих близких в кожаной обуви, возможно потому, что часто сапоги или ботинки были на гвоздях. То же можно сказать и о домовине без железных гвоздей — в конце XIX — начале XX века изготавливались дощатые гробы, где доски скрепляли деревянными гвоздями или связывали углы лыком, новыми веревками. Даже шейный медный крест заменяли деревянным или восковым.

Снаряжая покойника, в гроб клали предметы, которые ему могут пригодиться на том свете: мыло, гребень, полотенце, которым утирали умершего, личные вещи. Клали хлеб-соль, иногда баранки, яблоки.

Раздача одежды покойного существовала при похоронах людей

любого возраста. Погребница — одежда, положенная на крышку гроба, шла церковному причту или раздавалась за какую-либо помощь на похоронах. У нас в губернии еще и в начале века существовал обычай тайной милостыни, когда родственники умершего в течение одной или нескольких ночей раскладывали на окнах и крыльце соседней вещи — платки, ситец, как бы обязывая этим односельчан помянуть умершего. Копальщикам могилы за поминальным столом дарили полотенца, материал на портянки, варежки. Умывальнику обычно отдавали одежду покойного, чтобы «покойник не зяб». При выносе тела из дома надо было отдать кусок новины (ситца, холста) первому встречному. Новина должна быть длиною в рост покойника. С завернутым в ткань пирогом, хлебом, иногда деньгами. Принять первую встречу считалось за счастье, так как умерший якобы обеспечивал первому встречному охрану на том свете. Холст, полотенце, скатерти с похорон использовались в поминальные дни, когда родственники ходили на кладбище, застилали скатертью или холстом могилу, раскладывая поминальные яства.

Записано со слов
Галины СМИРНОВОЙ,
пос. Ветлужский Шарьинского района.

Рисунки Ольги ШВЕЙЦЕР

ВСЕ ЗНАНИЕ О МИРЕ — НАУКА ОБ ОТЦАХ

... Семейные реликвии. Засохший цветок из альбома барышни Елены Григоровой, запись ее рукой:

*Если хочешь жить легко
И быть к Богу близко,
Держи сердце высоко,
А голову низко.*

17 июля 1910 г.

В этих чуть наивных стихах столько мудрости, свойственной мирному веку, который в 10-м году еще не умер в памяти поколения, о котором все, кажется, и сказано в этих строках. Держи сердце высоко, то есть благородно, а голову низко — без гордыни перед миром, со смирением,

свойственным православной душе. И жить будет легко — без мук совести ...

И вот они в редакции — такие же скромные, сердечные, как их предки, открытые к чужой беде, такие же великие труженики. Звучат фамилии, когда-то гремевшие не только в Костромской

Имеет сообщить

В канун Рождества в редакции журнала «Губернский дом» за семейным столом оказались старожилы Костромы, правнуки и правнучки меценатов и просветителей, врачей, юристов, деловых людей прошлого века, вышедшие из дворянского, купеческого, мещанского, духовного сословий. Был вечер воспоминаний «Семейные реликвии», приуроченный ко дню рождения журнала. Путешествие по горящим страницам «Губернского дома» — «Моя родословная», «Хранители и собиратели», «Семейный альбом», «Город мастеров» и другим, начатое здесь, продолжится в печатных выпусках — следите за журналом.

Гости «Губернского дома» (слева направо): Галина Маслова (Григорова), Ольга Левченко (Бирюкова) с внуком Максимом, журналист Владимир Сморчков, Инна Орлова и Елена Колгушкина, Людмила Лаговская-Баженова и Алексей Баженов, Василий Дягилев.

губернии — по всей России. Дворян Бирюковых и Григоровых, основавших первую в Отечестве женскую гимназию. Купцов Черновых, спустивших первые русские пароходы по волжской воде. Баженовых, давших России несколько поколений ученых. Книжки Ивана Васильевича Баженова, магистра богословия, описавшего памятники церковной старины и историю костромских монастырей, до сих пор не утратили своей ценности. Одна из них, в специальном подарочном издании, была преподнесена императрице в день празднования 300-летия Дома Романовых. Старинная галичская фамилия Лаговских, где священники и учителя, и юристы, трудившиеся на ниве просвещения. И, кстати, один из Лаговских — Федор, увлекшись народными песнями края, оставил нам уникальное издание своего собрания в Костромской архивной комиссии.

Увы, время не всегда ценило тех, кто умел «нести сердце высоко» и верой и правдой служил Отечеству. И сегодня хочется восстановить историческую справедливость к таким удивительным людям, как Леонид Андреевич Колгушкин, оставивший 10 томов воспоминаний «Семейной хроники», очерки о костромской старине, быте, праздниках, обрядах, ярмарках Костромы начала века. Он, очевидец трех революций, человек, переживший три большие войны, дал правдивую летопись своего времени, и этот бесценный дар с правом первой публикации «Губернский дом»

Владимир и Ольга Шуваевы (Черновы)

получил от его вдовы Елены Ивановны.

Известный русский философ Федоров мечтал когда-то о времени, где собрание памяти делается всеобщим и «все знание о мире станет наукою об отцах — и так сомкнется разомкнутая цепь поколений. Он считал, что можно построить такой музей-рай,

где под видом собрания «старых вещей (ветоши) произойдет собрание душ отошедших, умерших». И подобный светский Собор поможет нам, живущим, не огрубеть, не потерять свою душу.

Мотив этот прозвучал еще раз на вечере, когда зажглись две поминальные свечи на торте «Губернский дом». Его испекла по старым семейным рецептам внучка Александра Григорова — Галина Маслова.

Так была выполнена просьба всем известного, мудрого человека, много испытавшего в жизни, корень которой тоже на нашей — солигаличской почве:

«... Сообщаю вам печальную новость. Умерла последняя в роде Шишмаревых — Татьяна Владимировна. Шишмаревы — дворяне-костромичи. Ее отец был академик. Остался

Специалное уведомление

В этом году редакция журнала «Губернский дом» начнет публикацию воспоминаний из «Семейной хроники» Леонида Андреевича Колгушкина, а также его очерков «Костромская старина». Наш читатель в ближайших номерах может познакомиться и с интересными мемуарами Алексея Викторовича Лаговского.

На выставке "Семейные реликвии"

большой архив. Она была художница и многих знала. Есть в Петербурге еще одна костромичка — Куприянова, но я ее давно не видел. Когда будет 22-го у Вас торжество, помяните ушедших.

Желаю дальнейших успехов. Привет всем костромичам, а особенно тем, что из Солигалича.

Ваш читатель Дмитрий Лихачев.

2/XII-94 г.»

Все по традиции молчанием почтили ушедших, пригубили бокалы с шампанским. Играл старый патефон, спасавший в ссылке Марию Григорову от отчаянья. Звенели шпаги от парадного мундира учителя физики Григоровской женской гимназии Виктора Лаговского. Из рук в руки передавалась старинная Библия из рода Бирюковых, к которой, как объясняла хозяйка реликвии, нужно было прикоснуться, чтобы получить благодать ...

И все тогда не знали, что в Кунцевской больнице Москвы умирает человек, чье имя для

Костромы тоже станет историей. Игорь Дедков. Он принадлежал Костроме и считал ее своей родиной. Горько говорить об этом теперь в прошедшем времени. Он часто с болью и сожалением напоминал о том, что, не успев попрощаться по-настоящему, незаписанными уходят наши мудрые старики. Он всегда просил не пропускать ни одного воспоминания, даже самого обыкновенного, незаметного человека. Сам он умел замечать каждый душевный порыв, подъем, интересно сыгранную роль в бездарном спектакле, глубокую строчку в беспомощной статье, картину, которую никто не брал на выставку. Не замечал он низкого, злого, пошлого, пропускал, считая, что этот пропуск и есть этому дурному — наказание. Без Дедкова Кострома осиротела впервые, когда он отсюда уехал. И теперь снова — когда его нет среди живых. С нами теперь только его книги и запечатленное в них «живое лицо времени» ...

Воспоминания живут в сердце

Свеча горела...

человека. Но и пуговица от дедова мундира, шкатулка с гимназическими записками бабушки, старый веер мамы, забытая рождественская открытка друга способны обратить нас, вернуть утраченную, развеянную суетой сердечность. Разглядывая семейные реликвии, этого и пожелаем себе и всем — держать сердце высоко и помнить, помнить, помнить ...

Татьяна ГОНЧАРОВА

Желаем предложить

До середины марта в редакции журнала «Губернский дом» (пр. Мира, 7, Дворянское собрание) работает выставка «Семейные реликвии». Часы работы с 15.00 до 17.00. Старожилов Костромы просим принять в ней участие.

Лариса СИЗИНЦЕВА

НАРОДНОЕ ЗДРАВЬЕ В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Люди болели всегда. Правда, они по-разному объясняли причины недугов, а значит, и пытались их лечить каждый по-своему. Если причина виделась в губительном воздействии двенадцати сестер-лихорадок, то от них ничто так не помогало, как заговоры, обереги, притирания, от сглаза — встречное магическое воздействие.

Православная традиция иная. Апостол Иаков писал: «Болит ли кто в вас — да призовет пресвитеры церковные, и да молитву сотворят над ним, помазавше его елеем во имя Господне. И молитва веры спасет болящего, и воздвигнет его Господь, и аще грехи сотворил есть, отпустятся ему». Поэтому уже в XI веке переславский епископ повелел строить в монастырях больницы для всех приходящих. Облегчать страдания, лечить недужных — это подвиг милосердия и молитвы, а потому исцеления так часто упоминаются среди чудес, сотворенных по молитвам святых, при обращении к чудотворным иконам.

Не случайно поэтому и то, что на костромской земле «каменные больничные кельи» впервые отмечены в XVII веке не где-нибудь, а при церкви Иоанна Златоуста в Ипатьевском монастыре: лечили травами и молитвой. Позже, когда эти кельи были разобраны, больничных иноков в 1808 году пере-

вели в Богоявленский монастырь, а в 1825 — в Николо-Бабаевский, где специально для них была поставлена больничная церковь «с разными для больных кельями»¹, та самая, видимо, где до недавнего времени покоились под спудом мощи святителя Игнатия Брянчанинова.

Когда же хворь казалась незначительной для столь высокого заступничества, то все решалось проще и прозаичнее: при перемежающейся лихорадке пили трюфельный чай и прикладывали к ногам глину, при головных болях прикладывали хрен или капустные листья, лопухи помогали от ревматизма. В ход шли подручные средства — квасная гуща, свечное сало, мед и сера, вино и травы, — все то, что не могло повредить организму, к чему мы теперь возвращаемся вновь.

Но были страшные дни, дни гнева Господня, уносившие тысячи жизней. Один-два раза в столетие моровая язва посещала и костромскую землю. Предание сохранило подробности об осени 1654 года, когда вымерло две трети костромичей, «умершие оставались без погребения, а больные, почувствовав признаки заразы, с трудом приходили в церковь, где, исповедавшись и приняв Св. Причастие, добровольно шли в убогий дом, и в ожидании кончины ложились над ямою, в которой нахо-

дились трупы; с теми же намерениями приходили и другие, и находя прежде пришедших уже мертвыми, сваливали их в яму, а сами занимали их место»².

Людская молва называла два места в городе, где были чумные захоронения: на «алексеевских дорожках» близ Крестовоздвиженского кладбища (примерно там, где сейчас «Звольма»), и на Гноище, где стояла церковь Козьмы и Демьяна, на углу Мшанской и Кирпичной (Островского и Терешковой).

В таких случаях прибегали к строительству обетных храмов — их называли «обыденными», то есть возведенными одним днем. Ходили крестным ходом с чудотворными иконами; Екатерина II в холеру 1771 года указом 5 ноября предписывала «быть посту на некоторые дни и крестному хождению», крестный ход вокруг Костромы был разрешен еще в холеру 1853 года.³

Когда же каждый оставался с болезнью один на один, то память тысячелетий подсказывала способы, в сочетании с молитвой помогавшие избежать смерти. М. Я. Диев, переживший в Нерехте холеру 1830 года, так описывал ее: «Холере подвергались робкие и вдумчивые; в признаках пили деготь, воду дегтярную, пепел, а многие натирались некоторою синею мазью, которою хотя все

избавились от смерти, но от сильного ее действия почти у всех тех доселе трясутся зубы. Я сам, за неимением в Нерехте лекаря, приготовил банку такой мази, чтобы меньшим злом избавиться от большего (...) Впрочем, крестьяне, особенно пожилых лет, к ней готовились напугиванием себя Св. Тайнами. Это первое лекарство сколько для души и не менее для тела»⁴.

Государство стало задумываться о создании медицинских учреждений уже в XVII веке, Петр I уже требовал повсеместного устройства в губерниях «гошпиталей» на западный манер, и даже ввел повсеместно в церквях сбор «гошпитальный». Следующий шаг сделала Екатерина Великая: указом 1775 года ноября 7 дня об учреждениях для управления губерниями она предусмотрела создание Приказов общественного призрения, коим вменялась в обязанность забота об образовательных, лечебных и благотворительных учреждениях.

Статья 584 Указа назначала больницы Приказа общественного призрения прежде всего для «всякого звания бедных и неимущих людей», которые принимались «безденежно». Имущие же больные, а также крестьяне и дворовые люди принимались за умеренную плату и только на свободные места. Если больной направлялся в больницу от определенного ведомства, то оно и оплачивало лечение: за солдат — военное, за семинаристов — духовное...

Здесь очень важно понять: тогда не принято было ложиться в больницу по всякому поводу. Людям, которые могли оплатить визит врача домой, нанять сиделок, которые бы ухаживали за ними, естественно, даже в голову не приходило обращаться в заведения общественного призрения, ведь это то же самое, что человеку в лисьей шубе протягивать руку за милостыней. Больница была необходима бедным или оторванным от дома военным и бурсакам, а они шли сюда только в крайнем случае, потому что ни особым комфортом, ни излишним вниманием лекаря эти заведения не баловали. Фраза из «Ревизора» «вы-

Краеводам еще предстоит установить точную дату постройки Костромской губернской больницы (теперь I городская), одной из самых старейших в Костроме. Известно, что к 1866 году в ней насчитывалось 150 мест, и это было довольно цивилизованное заведение, даже по нынешним временам. Имевшее свою баню, прачечную, богатую аптеку, летние павильоны для размещения всех основных больничных служб. При больнице была устроена богадельня и Богородицескорбященская церковь, которую сейчас здесь намереваются восстановить. Проект реконструкции, точнее реставрации, был сделан еще в 1988 г., и вот теперь только возвращается идея восстановить в первоизданном виде ансамбль больничных исторических корпусов, выходящих на бывшую Русину улицу, в том числе старую аптеку. Главный врач Евгений Леонидович Смирнов считает, что больничная церковь поможет и духовному излечению людей, особенно в наше трудное время, наполненное психоэмоциональными срывами.

На снимках: старая аптека; Богородицескорбященская больничная церковь.

Фото Д. И. ПРЯНИЧНИКОВА. Начало века.

здоровливают как мухи», пожалуй, была не очень далека от истины. Если же у человека была хоть какая-то крыша над головой, то умирать он все же предпочитал дома и без постороннего вмешательства.

В 1797 году Павел I утвердил указ об организации медицинского дела в губерниях, который на полвека почти определил управление и штаты на местах. В каждом губернском городе учреждалась медицинская управа, в которую входили три человека, имеющие звание доктора или штаб-лекаря. Старшим из них был инспектор, получавший и самое большое жалование — 700 рублей в год, по тем временам это было достаточно много. При нем состояли оператор и акушер. В каждом уездном городе полагался один доктор или лекарь, а при нем — два ученика, старший и младший.⁵

Медицинская управа должна была следить за квалификацией практикующих врачей, выплачивать жалованье и т. д. Хозяйственные же вопросы содержания медицинских заведений оставались в ведении приказов общественного призрения, которые увеличивали свой первоначальный капитал, полученный при их учреждении, за счет кредитных операций, отдавая деньги в долг под залог, в частности под залог имений. По документам приказа проходило множество дворян, большинство из которых так и не могли выкупить свои имения, вернув долг.

Врачебные управы решали кадровые вопросы, подыскивая кандидатов на вакантные места, выписывая их иногда из дальних мест. Это было возможно благодаря четкой работе еще не заостренней бюрократической машины. Им же было дано право освидетельствования больных, потерявших возможность работать, исполнять свои служебные и учебные обязанности, а кроме того, на них возлагались обязанности судебной экспертизы — осмотр «мертвых тел», снятие «боевых знаков» (т. е. следов побоев), экспертные оценки лекарств.

Документы фонда врачебной управы хранят следы соперничества профессионалов и любителей

от медицины, позволяющие судить о средствах, к которым прибегали последние. Вот, например, в 1798 году галичский городской лекарь Ободовский подверг экспертизе медикаменты, которыми пользовался больных отставной солдат Иван Степанов: две плошки, пластыри, бутылку с водой, нашатырь, горючую серу. А еще через некоторое время управа среди прочих незначущих трав и decoct обнаружила «ядовитые вещи, как-то сулему, киноварь и шпанские мухи, кои держать и употреблять никому, кроме врача, не позволено», а потому «онные лекарства управе отослать в здешнюю больницу», а их владельца, дворового человека госпожи Шиповой Тимофея Гордеева, оштрафовать.

Рапорт чухломского штаб-лекаря Ростислава кипит возмущением: «шарлатанство свирепствует здесь . . . но ежели таковых . . . шарлатанов не удерживает честь и совесть, можно остановить законом . . . В деревне Савине неподалеку от города крестьянин г. Александра Чалева, лентящийся работать, с нетрезвым поведением, держит больницу, в коей всегда человек до десяти и более. Но лечит ядовитыми веществами, как-то: сулемою, киноварью, ярью, купоросом . . . и почти в каждой деревне есть лекарка . . . здесь всяк лекарь, кто бы не взялся лечить».

Травы, минералы (белый камень «неизвестного вещества») не всегда были известны медикам («трав тех в аптеке не находится»), но никакого желания узнать их, исследовать их свойства не возникало: «хотя вещи сии и безвредны, но лечение ими подобным людям запрещено законом». Точно так же дипломированные повитухи, служившие в уездных городах, свесока посматривали на «неимеющих права женщин», составляющих им конкуренцию, не испытывая потребности прикоснуться к тысячелетнему опыту народной медицины. Диалога не возникало.

Между тем уездные врачи далеко не всегда могли удовлетворить нуждающихся в помощи: они «заняты почти непрерывно медико-полицейскими делами и разъездами», а то и просто с небрежением относятся к своим обязанностям,

вроде макарьевского лекаря Левкевича, о котором доносили, что он «редко посещает больницу, оставил больных без всякого медицинского пособия, ведет жизнь нетрезвую и вообще службою занимается слабо»⁷. Так и существовали параллельно две традиции — профанная и ученая, не пересекаясь друг с другом.

В городе докторам было проще, и не случайно при первой же открывшейся в Костроме вакансии заявления из уездов на это место отправлялись разом из нескольких мест: не так много было разъездов, практика обширнее, люди денежнее, богаче выбор лекарств в аптеках.

Аптеки в Костроме появились раньше, чем больницы: уже в 1781 году «лекарь Петр Говий с дозволения начальства от 30 июня 1781 года в собственном доме открыл аптеку»⁸. Вероятно, именно эту аптеку глава наместничества А. П. Мельгунов и постарался перевести в Ярославль⁹, но одного аптекаря скоро сменил другой: 29 мая 1788 года привилегированному костромскому аптекарю Карлу Крестьянову Гакену по лицу Богословской улицы и Богословской церковной площади была отведена земля под строительство каменного жилого дома, который стоит там и до сих пор (Горная, 86)¹⁰. В середине двадцатых годов XIX века в Костроме уже две вольных аптеки, Гакен умер, но их содержат тоже иноземцы, Геслинг и Оберман. Открываются аптеки в уездных городах — Галиче, Варнавине, Кинешме, Нерехте . . . Ни одной русской фамилии: Фель, Неумейстер, Мальмберг, Каденацци, Лау, — видимо, кропотливая провизорская работа, требующая усердия и точности, не слишком нравилась нашим соотечественникам. Зато врачебные занятия русские освоили к этому времени вполне. Не зря на протяжении почти всей истории существования костромской семинарии она почти ежегодно поставляла одного-двух учеников своих в Медико-хирургическую академию, лучших учеников: большинство лекарей губернии — выходцы из духовного сословия.

Первые известия о больнице,

принадлежащей светскому ведомству в Костроме, относятся к 1797 году. Есть даже ее план и чертежи, составленные губернским архитектором Н. Метлиным¹¹. Она помещалась на углу Константиновской и Острожной улиц, там примерно, где сейчас энергетический техникум им. Ф. В. Чижова.

Странное это было заведение, если смотреть нынешними глазами. Здания, как гласит надпись, построены «в 1797 году из разобранного генерал-губернаторского дома».

Угол в самом створе улиц занимал двор и огород воспитательного дома, в котором призревали подкидышей. Позже на этом месте был разбит ботанический сад, — в то время в таких садах и аптекарских огородах выращивали лекарственные растения. Рядом стояла аптека, за ними, если идти к центру города, флигель, который занимал сумасшедший дом (в 1802 г. сюда перевели «покои для родильниц»), а в глубине двора располагалось длинное здание лазарета (в 1802 г. сюда же переехал и воспитательный дом), а неподалеку от него — рабочий или работный дом, нечто среднее между приютом для бездомных и тюрьмой. Объединяло все эти заведения то, что они принадлежали приказу общественного призрения.

Одновременно с этим в городе существовал полковой лазарет, содержавшийся на городской счет и предназначавшийся для стоявших в городе полков. Члены врачебной управы ежемесячно проверяли его, так же как и городской лазарет, и неизменно находили его «в хорошей исправности». Располагался он в четырех деревянных казармах, в которых прежде помещалась духовная семинария¹², временно переведенная тогда в Ипатьевский монастырь. В 1802 году владыка Евгений спешно возвращает семинаристов на Запрудню, несмотря на лазарет, несмотря на то, что новый семинарский корпус был еще недостроен.

Пришлось городу строить в 1803 году «новый деревянный на каменном фундаменте больничный дом с приличными к тому службами для призрения больных воен-

нослужителей в случае квартирования в Костроме полка или воинских команд»¹³. А поскольку оно было «по нестоянию здесь воинских команд никем не занято», то туда решили перевести и городскую больницу. Из 50 коек 30 приходились на счет приказа общественного призрения, 10 — на счет военного ведомства, и «вольных кроватей» оставалось десять.

Это была единственная больница на все города губернии, кроме нее, действовала только одна частная больница в сельце Белкове Солигаличского уезда, выстроенная надворным советником Павлом Шиповым, который ее содержал на собственный счет и лечил собственных крепостных и дворовых.

Однако постепенно число больниц в губернии стало увеличиваться. В Костроме открылись больница при духовной семинарии, перебравшейся после пожара на Запрудне в Богоявленский монастырь, еще позже — в конце 1830-х годов — больница в тюремном замке в конце Русиной улицы (он и сейчас стоит и используется по первоначальному назначению), потом — больница при благородном пансионе классической гимназии.

Если в 1799 г. инспектор врачебной управы А. Палле, вернувшись из поездки по губернии, писал: «касательно до лазаретов, то ни в котором городе заведений их нет, хотя неоднократно о сем письменно и словесно губернскому начальству донесения учинены были», — то в 1836 г. больниц из уездных городов не было только в Буге и Варнавине. В последних двух построить лазареты удалось только к началу 1860-х гг. (в 1852 г. их еще нет, а в 1862 уже упоминаются). С сегодняшней точки зрения — маловато, но если прикинуть, что это всего лишь за полвека!

Пока открывались новые больницы, некогда «новый деревянный на каменном фундаменте дом» ветшал, и новый губернатор С. С. Ланской задумал грандиозный проект: опять свести вместе все заведения общественного призрения, но не в прежних постройках на Острожной, где к тому времени

еще оставался сумасшедший дом и приют, и не в здании, занятом больницей, «поелику место ее весьма низко и находится на самом берегу Волги, которая во время весны подливается под самые почти больничные строения, отчего происходят сырости и холод, вредные для здоровья»¹⁴ (это было на стрелке Волги и Черной речки, между ее устьем и церковью Стефана Сурожского).

Новый городок приказа общественного призрения решено было построить на высокой террасе над Волгой, на краю оврага, примерно там, где сейчас улица Подлипаева перед гостиницей. Там все должно было располагаться в каменных зданиях (уже и кирпич был припасен). В больнице предполагались отделения мужского и женского, для острых и хронических, наружных и прилипчивых (то есть инфекционных) заболеваний, отделение для арестантов, для осмотра призывников, операционная и многое другое. Кроме жилья для лекаря и его учеников предполагалась больничная церковь...

Все было бы хорошо, но земля принадлежала крестьянам соседней деревни Никитиной, ее надо было выкупать, потому что она лежала за пределами городской черты. Тогда С. С. Ланской выбрал другое место, «по лицу Кинешемской улицы идущи из города по левой стороне», «подле строящегося ныне дома для училища детей канцелярских служителей» (то есть на месте нынешней I городской больницы).

А время идет, уже 1834 год, старое здание ветшает. Проект нового заказан губернскому архитектору Фурсову, но он не выполняет этой работы, как гласит официальное объяснение, по причине многих других работ. Заказ передан архитектору М. Праве, выполнен и утвержден в 1838 году 2 мая.

И вдруг оказалось, что строить дорого. Городские фабриканты разоряются один за другим, городская казна пустеет. И тут рождается проект покупки для приказа общественного призрения готовых зданий — прекратившей работу из-за кризиса в производстве льняных тканей мануфакту-

ры фабрикантов Углечаниновых. Ее прежний владелец, «коммерции советник и дворянин», уже умер, вдова с малолетним сыном закрывают дело и не прочь избавиться от недвижимости, они в долгах, производство встало (это здания, занятые сейчас училищем химической защиты).

Многие из этих фабричных корпусов стоят и сейчас, нет только Сергиевской церкви, стоявшей напротив трехэтажного жилого корпуса. Их обследовали, сделали предварительную прикидку, — места хватало, здания подходили. Но возникло еще одно препятствие. Покойный коммерции советник рядом с фабрикой построил в 1816 г. инвалидное заведение для 12 человек увечных и раненых военнослужителей, а в обеспече-

ние этого заведения оставил свою фабрику. А потому продавать ее кому бы то ни было уже нельзя. Сын, Сергей Петрович Углечанинов, вырос, женился, стал служить по дворянским выборам, уехал из города, а фабрика отошла к кредиторам за долги, а те сдали ее военному ведомству под казармы (в городе их называли «мичуринскими» по имени владелицы).

А больница так обветшала, что ее пришлось перевести в здание богадельни, хотя и каменное, но тоже требующее ремонта. Уже 1842 год, а проект С. С. Ланского, уже покинувшего губернию, еще дальше от исполнения, чем 12 лет назад . . .

И тем не менее именно тогда, когда все вернулось к началу, дело и сдвинулось: по старому проекту

М. Праве, на ранее предположенном месте «по лицу Кинешемской улицы идущи от города по левой стороне» и построили градскую больницу. Перед тем как передать ее губернскому земству, еще успели порадоваться тому, что «все здания больницы содержатся в должной чистоте и опрятности ... палаты больничные содержатся в примерной чистоте и опрятности, в каждой из них устроены вентиляторы и воздух везде совершенно чистый. Больные содержатся вполне опрятно, спродовольствуются хорошо и всякий день по два раза внимательно осматриваются больничным врачом»¹⁵. Медикаменты и инструменты в достатке, а потому «и большие хирургические операции и новые специальные способы лечения болезней выполняются в больнице без всякого затруднения».

Казалось бы, получив такое наследство, земство должно было быть удовлетворено. Но такова человеческая природа, сколько бы мы ни имели — нам всегда надо больше. Но история земской медицины — это уже предмет отдельного разговора.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. М. Дисв. Историческое описание Костромского Ипатьевского монастыря. М., 1858. С. 11.
2. А. Козловский. Взгляд на историю г. Костромы. М., 1840. С. 103-104.
3. Костромская старина. Вып. I. Кострома, 1890. Отд. 2. С. 45; ГАКО, ф. 166, оп. 1, д. 1, л. 40.
4. Чтения Общества истории и древностей российских. М., 1887. Кн. I. Ч. I. Паг. 3. С. 22.
5. ГАКО, ф. 134, оп. 2, д. 1а, л. 16 об. — 19.
6. ГАКО, ф. 204, оп. 1, д. 5, л. 114; д. 21, л. 2; д. 63, л. 96; д. 235; ф. 204, оп. 1, доп., д. 4.
7. ГАКО, ф. 204, оп. 1, д. 267, л. 6; ф. 133, оп. 1, д. 898, л. 32.
8. Костромские губернские ведомости, 1857, 23, с. 193.
9. Путеводитель по фондам личного происхождения отдела письменных источников Государственного исторического музея. М., 1967. С. 156.
10. ГАКО, ф. р-513, оп. 1, д. 19, л. 1 (материалы Е. В. Кудряшова).
11. РГИА, ф. 1293, оп. 168, Костромская губ., 1797, л. 90; 1802, д. 85.
12. ГАКО, ф. 204, оп. 1, д. 5, л. л. 74, 113; ф. 134, оп. 2, д. 39, л. 10.
13. РГИА, ф. 1287, оп. 11, 1808, д. 414, л. л. 60-60 об.
14. Здесь и далее — РГИА, ф. 1287, оп. 12, 1831, д. 860.
15. РГИА, ф. 1287, оп. 14, 1866, д. 438, л. 1.

В 1864 г. по Царско-Константиновскому переулку (ул. Больничная) было начато строительство родовспомогательного и учебного заведения согласно завещанию Федора Чижова с классами для повивальных бабок. Таким образом — больница (теперь 2-я городская) начала строиться на частные средства. И уже в 1897 году согласно договору земства с душеприказчиками Чижова — Мамоновым и Постновым начато было переустройство и приспособление родильного дома им. Чижова под Костромскую уездную больницу. 10 марта 1902 г. состоялось торжественное открытие. Родовспомогательное заведение при ней открыто 7 июля 1902 г. в приспособленных зданиях. После проведения водопровода родильное отделение предстало как «прекрасно и роскошно» обставленное лечебное заведение. И уже 9 января 1903 г. здесь открыто учебное заведение I разряда — школа повивальных бабок с 2-годовалным сроком обучения для бедных мещанок, первый набор был шесть человек.

На снимке: первый выпуск школы повивальных бабок.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

Леонид Андреевич Тимофеев — земский врач, родился в Казани в 1867 году. Его отец, а мой дед, был военный, служил на Казанском пороховом заводе. Отец не любил рассказывать о себе, и я не знаю, как большая семья (детей было 6 человек) выходила из тяжелого положения после смерти деда. Однако по отдельным воспоминаниям отца — от случая к случаю — можно было понять, что свои детские и школьные годы он провел в большой нужде, подрабатывая себе на хлеб, чем мог. Так, он рассказывал, что еще будучи мальчишкой, он мастерски рисовал по памяти немые географические карты и отдавал их своим братьям и их товарищам за булки. В старших классах гимназии он уже имел уроки по подготовке отстающих учеников.

Окончив гимназию, отец поступил в Казанский университет на медицинский факультет, но окончить его не смог, т. к. в 1887 году был исключен за участие в студенческих выступлениях и сходках.

Товарищ отца студент-медик Худяков (сын профессора) уговорил отца поехать с ним за границу для окончания образования, и они уехали сначала в Швейцарию, а потом отец переехал в Германию и поступил в Берлинский университет, тоже на медицинский факультет.

Первые годы в Берлине были для отца очень тяжелыми, т. к. он еще недостаточно хорошо знал немецкий язык и многое на лекциях и практических занятиях упускал. Большинство лекций шло на латинском языке, но практи-

ческие занятия и часть лекций — на немецком. К тому же он был материально совершенно не обеспечен и очень нуждался. Он репетировал сына одного профессора. Мальчик был малоспособный и, чтобы облегчить ему решение какой-то трудной задачи, отец нашел и применил более простой и легкий способ. Профессор, услы-

Константин Васильевич Дримшельман, первый главный врач уездной земской больницы (с 1902 г. по 1917 г.)

хав объяснение отца, сказал: «А Вы, молодой человек, неправильно объясняете, так решать эту задачу нельзя». Отец был очень самолюбивый, он сразу же начал доказывать свою правоту. Профессор выслушал его очень внимательно и сказал: «А ведь, пожалуй, Вы и правы». Отец, рассказывая, добавлял, смеясь: «А я и не

знал, что профессор-то сам был математик». После этого случая профессор обратил внимание на отца, часто приглашал его к столу, подыскивал ему уроки и вообще покровительствовал. Это позволило отцу значительно улучшить свое материальное положение и не только хорошо закончить университет, но и познакомиться с немецкой культурой и немецким народом. Он стал бывать в операх, клубах, на концертах. Несмотря на пережитые в Германии трудности и невзгоды, отец вспоминал о своей жизни за границей с хорошим чувством. Он с большим уважением отзывался о трудолюбии немецкого народа, о культуре его труда, любил рассказывать о быте немецкого студенчества, его нерушимом товариществе, об обычае немецких горожан собираться не друг у друга, а проводить вечера семьями в клубе, где мужчины за кружкой пива обсуждали свои хозяйственные и общественные дела, женщины руководничали, а молодежь танцевала. Отец находил этот обычай очень разумным и удобным, т. к. он избавлял хозяев от лишних забот по приему гостей. Заграничная жизнь, на мой взгляд, оказала большое влияние на отца и сказалась

на его отношении к людям, к своей работе, на принципиальности его взглядов, на общей его культуре, об этом я упомяну дальше.

Отец окончил Берлинский университет, получил диплом доктора медицины и хирургии и в 1894 году вернулся в Россию.

... В Костроме отец начал рабо-

тать в уездной земской больнице сначала в качестве окулиста. Заведующим был доктор К. В. Дримпельман. Потом отцу передали хирургическое отделение, а после ухода К. В. Дримпельмана отец стал заведующим больницей.

Пока отец был окулистом и просто хирургом (1905—1915 гг.), мы жили на частных квартирах. Комнат было достаточно, но по размеру они были невелики и больших собраний гостей у нас не было. Мы жили очень скромно. Отец был занят, т. к. кроме уездной больницы он взял, по настоятельной просьбе начальницы епархиального училища Пospelовой, обслуживание больницы училища и ходил туда три раза в неделю, а она находилась в противоположном конце города. Я училась в гимназии. Вечерами, закончив свои дела, мы собирались все вместе в столовой. Отец читал нам с мамой вслух что-нибудь из художественной литературы — Толстого, Достоевского, Диккенса, мама рукодельничала, а я рисовала в своей школьной тетради какие-нибудь заданные нам композиции, вроде «масляница», или сценки из басен Крылова. Время от времени отец заглядывал в мою тетрадь и подправлял мне, и мой рисунок преображался. После 10 часов отец просматривал свои медицинские журналы или брался за шахматную доску.

Гостями у нас в этот период были мои подруги и их братья, собирались 3-4 раза в год. Отец был непременно членом этих собраний, он играл нам танцы, сопровождал пению, участвовал в играх-шарадах, без него у нас ничего не клеилось.

В 1915 году отец стал заведующим уездной земской больницей, и мы переехали в дом при больнице. Я уже стала студенткой и жила в Москве. Вернувшись в 1919 г. в Кострому, я сразу почувствовала,

что наша домашняя жизнь очень изменилась. К отцу почти ежедневно приходили врачи — его коллеги — посоветоваться по тем или иным вопросам, оставались выпить стакан чая, поговорить о делах больницы. Это давало мне возможность лучше узнать сотрудников отца, как-то ближе подойти к его врачебной работе.

Врачи, да и весь персонал больницы, любили отца. Он был требователен к работе, но в то же время выдержан, справедлив и заботлив к среднему и младшему персоналу. Врачи ценили его как опытного, знающего врача — и не только как очень хорошего хирур-

Леонид Андреевич Тимофесов,
главный врач уездной советской больницы
(с 1917 г. по 1930 г.)

га, но и прекрасного терапевта. Отец всегда говорил, что нельзя быть хорошим хирургом, не будучи хорошим терапевтом. Первостепенное значение он придавал правильности диагноза. «Правильный диагноз — залог успеха» — его слова. В установлении диагноза он полагался только на самого себя, не доверяя даже рентгенов-

ским снимкам того времени. Отец был хороший диагност.

А. Ф. Розов, работавший вместе с отцом хирургом, не раз упрекал отца за то, что он не делает для врачей научных докладов о своих новых и интересных методах лечения, но отец был очень скромный и нечестолюбив, он никогда не стремился выдвинуться и не любил громких шумных похвал. Он вполне удовлетворялся тем, что применяемый им метод и проведенная операция помогали больному быстрее восстановить здоровье.

Я не могу судить о медицинской деятельности отца, я не врач, но мне все же хочется рассказать о нескольких операциях, результаты которых я видела сама или мне рассказывала мать. Как-то в уездную больницу привезли парнишку с разбитым лицом, его ударила лошадь копытом. Носа у парня не было, он был начисто разбит, но глаза уцелели. Отец сделал ему пластическую операцию (тогда это было еще ново), он выпилил у парнишки откуда-то кусочек кости, отрезал участок кожи и сделал парню такой правильный, красивый нос, что и сам отец и, конечно, больной — оба остались очень довольны. Отец даже приводил меня в больницу показать свое «произведение». Свою натуру художника он вкладывал во все, что делал.

Если у отца был тяжело больной, он вставал по ночам и шел проведать и удостовериться, что все его назначения выполнены. Дежурные врачи не обижались на него, а были довольны, что он снимал с них ответственность за тяжело больного.

Особенно заботлив и ласков был отец к больным ребятишкам. Все мои «мишки», «обезьянки», книжки с картинками понемногу перекочевали с помощью отца в больницу. Когда отец заходил в мою комнату и начинал разглядывать и

Первый коллектив уездной земской больницы

перебирать мои безделушки, я уже знала, что папа ищет какую-либо подходящую «штучку» для ребенка, которого прооперировал.

Вернусь немного к периоду, когда мы жили в квартире зав. уездной больницей. Квартира была большая, а мои родители отличались гостеприимством. В этот период (1921-1928 гг.) у нас довольно часто собиралось многолюдное общество и устраивались домашние концерты, скетчи или просто художественно-музыкальные вечеринки. Всегдашними участниками их были врач А. Ф. Розов, обладающий хорошим тенором, А. А. Знаменский, поющий басом. Неподражаемым рассказчиком-юмористом был Л. В. Рыбников, «артистами эстрады» выступали врач А. Я. Цимблер и жена доктора Скворцова. Иногда сюда добавлялись «хор братьев Зайцевых» из молодежи моих приятелей и другие веселые выступления.

Очень интересно организовывались «елки для взрослых». На них собиралось до 30 человек врачей и молодежи. Самое интересное было то, что на елку вешали подарки, приготовленные секретно, и никто не знал, что ему предназначается. Знал подарки только отец — Дед Мороз, который и раздавал их по назначению со своими остроумными комментариями. В подарки порой вкладывали дружескую, веселую сатиру, и задача их всегда вызвала общий веселый смех. Так, например, назыву несколько и таких новогодних подарков: картонажная шарманка с обезьянкой для врача М. Л. Матича, который все собирался поехать на родину (он был серб), но страдал хроническим безденежьем, коробочка с конфетами «драже» в виде разноцветных камешек — «камешки Демосфена» для Б. И. Постникова в связи с некоторой неясностью его речи (как из-

вестно греческий оратор-демократ Демосфен был косноязычен и исправил этот недостаток, вкладывая в рот камешки и стараясь говорить ясно), одному закоренелому холостяку досталась дюжина самоприкрепляющихся брючных пуговиц с этикеткой «радость холостяка», а моей приятельнице артистке театральной студии А. А. Кротковой — легкое вино в аптекарской укупорке с сигнатуркой «антифлиртин по 20 капель 5 раз в день». Г. Л. Залкинд получил небольшой мешочек, из которого вереницей тянулись нескончаемые сантиметровые младенцы, «с пожеланиями успехов в его врачебной деятельности» и ряд других в этом же роде. Все присутствовавшие на наших новогодних елках оставались довольны веселым вечером и надолго сохраняли свои подарки. Я остановилась так подробно на этих вечерах, т. к. при нашем с мужем отъезде из Кос-

трома врачи очень благодарили нашу семью за организацию таких веселых, объединяющих всех вечеров. В память их участники снялись группой, и этот увеличенный снимок хранится у нас и сейчас.

Отец не любил частной практики, но если за ним приходили ночью, он шел к больным безотказно, нас с мамой это всегда очень тревожило, особенно когда отец задерживался с возвращением.

Я уже упоминала, что, по моему мнению, заграничная жизнь оказала на отца определенное влияние, оно сказалось в его большом трудолюбии, в неизменном и щепетильном соблюдении врачебной этики, в том, как развито было в нем чувство товарищества. Он никогда не позволял себе критиковать чужие лечебные назначения, не любил, когда к нему обращались больные, лечившиеся ранее у других врачей, никогда не подрывал авторитет своих товарищей, если даже не был с ними согласен, выручал их, если они делали ошибки, всегда готов был заменить их в работе, если кто-либо из них болел или просто просил его об этом.

Отец был очень правдив, он не выносил лжи, она оскорбляла его. Даже в мелочах он не умел говорить неправду. «Кто лжет, тот не уважает себя», — говорил он. Больных он как-то умел успокоить, не обманывая и не обольщая ложной надеждой. Они так верили в него как врача, что одно его внимание уже успокаивало их, они знали, что он сделает все, что нужно, все, что в его силах.

Очень нравилось мне в отце то, что он никогда и никому не навязывал своих убеждений и взглядов. Он только высказывал свое мнение, свое суждение, но всегда предоставлял мне поступать, как я сама находила нужным ...

***

В 1912 году отец вместе с доктором Дримпельманом купили небольшой участок земли на берегу Волги, в 25 км от Костромы и

построили домики-дачи. Для отца это был очень хороший отдых. Он сделал там себе верстак и, когда надоедало гулять, столярничал. Так, он сделал мне специальные, своего изобретения, расправилки для бабочек, коллекцию которых я собирала, ящички для этой коллекции, разные полочки по маминему заказу, рамки для своих картин и другие вещи.

Мы с ним собирали гербарии, катались на лодке, ездили на велосипедах. Проезжая через ближайшие деревни, обычно останавливались, т. к. крестьяне знали его и упрашивали посмотреть то одного, то другого больного.

Отец не оказывался, но никогда никаких «благодарностей» не принимал и сердился, когда его начинали упрашивать. Если больным был ребенок, мы после заезжали не раз навестить его. Случалось, что, выписав больному рецепт на лекарство, отец оставлял и денег на покупку.

Отец был до глубины души огорчен, когда в первые годы после революции крестьяне растащили всю нашу дачу. Он не столько жалел дачу, хотя и очень любил ее, сколько его поразила неблагодарность людей.

Зимой мы с отцом ходили на

все концерты приезжих артистов (мама больше любила театр), в театр меня тоже брали, когда шли подходящие вещи.

После Октябрьской революции отец продолжал работать в уездной (районной) больнице и работал, как прежде, со всей добросовестностью, ответственностью, с полной отдачей всех своих сил. Порой, в первые годы революции его очень нервировало и лишало необходимого спокойствия в работе вмешательство некомпетентных в медицине лиц в его врачебные распоряжения. В этом он видел недоверие к себе, а он, как отец сам высказал одному должностному лицу, всю жизнь работал для народа ...

Как-то в мои школьные годы отец по моей просьбе написал мне в альбом: «Жизнь не сказка, не греза, рожденная сном, жизнь не легкий, нерадостный путь, ее нужно пройти честным, светлым трудом, чтобы право иметь отдохнуть. Но не труд только жизни конечный удел, надо чуткое сердце иметь, чтобы тех, кто в труде неуверен, несмел, этим сердцем любить и жалеть».

Очень характерное для отца стихотворение, но не знаю — сам ли он его сочинил или кто-нибудь другой.

Контора уездной земской больницы

«ГУБЕРНАТОР В КОСТРОМЕ ЖИЛ, КАК СЫР В МАСЛЕ»

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БАЛЕТМЕЙСТЕРА А. П. ГЛУШКОВСКОГО

... В феврале месяце к театральному начальству пришла бумага от костромского гражданского губернатора с уведомлением, что войска из города Костромы выступили, что он получил предписание от министра внутренних дел о помещении театральной дирекции в городе Костроме. Тогда все театральные отправились на санях в город Кострому, а я и С. Суслин были приглашены С. Ф. Аладиным в село Никольское, где по милости его и Марии Павловны имели хороший стол, вино и теплую квартиру; от того здоровье мое совершенно поправилось, и в половине великого поста я с Суслиным отправился в город в кибитке. Приехавши в Кострому, я остановился один в доме секретаря удельной конторы, поблизости Богоявленского монастыря.

В то время в городе была большая дешевизна на все жизненные потребности. Главная промышленность Костромской губернии состояла в приготовлении полотняных изделий; многие купцы ее заключили подряды с казной на поставку парусины для Балтийского и Черноморского флота. Купечество было богато, из них особенно славились Угличанинов, Стригалева, Стоюнин, Дурыгин, Юдин и др.; я был знаком с ними и по несколько раз обедал у них. Как по местоположению, так и по архитектуре город очень хорош: торговые каменные ряды выстроены на манер С.-Петербургского гостиного двора, сверх того, река Волга делает город живописным, а Ипатьевский монастырь напоминает нам славную эпоху из русской истории, когда Михаил Федорович избавился от опасности быть захваченным поляками в плен, удалился в Ипатьевскую обитель под покров Бога и Матери его. В оном же городе перед алтарями Божиими архиепископ

читал грамоту о избрании на царство Михаила Федоровича. В начале 1812 года из местечка Шклова, принадлежавшего генералу Зоричу, был переведен в город Кострому кадетский корпус, который во время царствования императрицы Екатерины II содержался на иждивении генерала Зорича.

Глушковский Адам Павлович родился в 1793—94 г., с 1811 г. — выступает в императорских театрах С.-Петербурга как танцовщик, с 1812 г. — в Моск.-ве. С 1817 г. покидает сцену из-за травм, выступает в качестве балетмейстера. Инсценирует Жуковского, Пушкина. В 1839 г. уходит в отставку.

В Костроме был даже хороший деревянный театр. Труппа актеров была довольно порядочная; лучшими артистами в ней были: Василий Михайлович Лазов, Борисоглебский, Бажанов и Львова-Синецкая, которая еще в то время обещала быть хорошей актрисой. На этом театре давались оперы, трагедии и комедии; балета же не было. Оркестр музыки был очень хорош, он принадлежал помещику Карцеву. Содержателем театров Костромского и Ярославского был Александр Константинович Глебов.

В то время как Московский театр помещался в городе Костроме, у губернатора Николая Федоровича Пасынкова давались часто спектакли в домашнем его театре; в них участвовали некоторые артисты и воспитанники Московского театра. Эти спектакли приносили большую пользу воспитанникам тем, что они практиковались, а губернатору делалось угождение, и он со своей стороны делал театральным артистам все-

возможные пособия в назначении квартир в обывательских домах с отоплением, освещением и проч.

В день рождения Марии Алексеевны, жены губернатора, назначена была опера «Калиф Багдадский», музыка соч. Боельдье. Надобно сказать, что в канцелярии губернатора служил секретарь, бывший некогда архиерейским певчим; он отлично знал музыку; в операх, в которых были хоры, он их разучивал и участвовал. Хотя г. секретарь был нетрезвого поведения, однако ж губернатор делал ему снисхождение, потому что он был лихой бумажный крючкодей, и как в то время не было свода законов, то он ворочал законами по желанию губернатора. В день представления оперы «Калиф Багдадский» случилась беда: секретарь так напился, что не мог стоять на ногах. Сколько ни репетировал хор, все выходила разладница, потому что без него хористы не могли петь. Что делать? Гости были созваны; губернаторша вышла из себя и всю беду возвела на мужа, обвиняя его в неумении обращаться с подчиненными. «В день моего рождения осмелился ничтожный червь нанести мне такое огорчение, кому? — мне, губернаторше! Это ужасно! Спектакль хоть отменяй!» — кричала она. Губернатор уверял свою жену, что спектакль непременно устроится, а секретаря приказал окатить холодной водой и положить в ледник, чтобы холод выгнал из него хмель, а после спектакля опять напоить водкой, чтобы предохранить от болезни. Из уважения к губернатору и его супруге подчиненные, находившиеся на репетиции оперы, единогласно с восторгом одобрили способ отрезвления секретаря, не думая о том, что от этого он может получить сильную горячку. Пословица справедлива: «Большая собака лает, а маленькие тявкают». Дей-

ствительно, наш секретарь отрезвился, и опера пошла как нельзя лучше.

Чтоб сделать угодное начальству, люди часто подвергаются опасности лишиться жизни. На страстной неделе по реке Волге, во время разлива, плыли горы льду; перевоз на лодках в город был невозможен, а губернатору прислан был указ и орден Анны 1-й степени. Ему очень хотелось в 1-й день светлого Воскресенья Христова надеть на себя присланный орден. Он приказал исправнику переправиться по Волге на другой берег реки и доставить ему указ с орденом. Чиновнику нечего было делать: надобно было избрать одно из двух: или не плыть и лишиться места, или плыть, подвергая свою жизнь опасности: нужда до всего доводит. Исправник, переплывая на другую сторону реки и возвращаясь обратно в город, был на волоске от смерти: его лодка не раз подвергалась опасности быть опрокинутой и сдавленной глыбами льда. Несмотря на это, исправник был так счастлив, что избавился от угрожающей ему смерти и исполнил приказание начальника; в противном случае ему угрожала беда — изгнание из службы с волчьим аттестатом, т. е. как волку нет места в стаде, так и ему нигде не было бы места на службе. Между тем исправник за примерно ревностную службу был представлен к награде годового жалованья и к повышению чинов. В то время нередко делались такие дела, /.../ таков был дух времени /.../.

Когда в большие праздники костромской губернатор с женой своею отправлялся в собор, за несколько минут до их выезда скакал на дрожках частный пристав в собор с уведомлением, что едет губернатор. Его превосходительство начальник города с супругой ездил не иначе, как в карете, запряженной четверкой лихих рысаков. Подле его кареты скакал верхом полицмейстер, позади нее летели верхом его ординарцы, а затем ехали в разных экипажах и другие власти костромские. Простой народ и купечество при проезде губернатора скидывали шляпы и кланялись в пояс.

Раболепствовали не только перед губернатором, но и перед его родственниками. Дядя губернатора, Кологривов, будучи любимым костромским дворянством за добродушие и гостеприимство, к несчастью имел слабость к вечеру чрезмерно напиваться. Вследствие этого он предавался большому разгулу, с хором певчих из своих крепостных людей ходил в безобразном виде ночью по городу, распевая песни; иногда приходила ему фантазия подходить к какому-нибудь дому под окно и давать нечто вроде серенады. Хотя хозяину дома была бы и неприятна серенада, однако он не смел на это жаловаться, опасаясь обратиться на себя гнев губернатора.

У костромского губернатора я учил детей — его дочь и сына Геннадия — и ставил на его домашнем театре из театральных воспитанников разнохарактерные дивертисменты, в которых он сам несколько раз участвовал. Николай Федорович Пасынков любил весело пожить; у него бывали ежедневно гости и на нескольких столах играли в карты. Спектакли и балы были у него довольно часто. Нельзя было не заметить на его балах одного ополченца. Когда он подходил к даме ангажировать ее на кадрили, имея в виду показать свою молодцеватость, он ударял о паркет пяткой, поправлял свои усы и голову вздергивал кверху, как будто говорил: «Каков я молодец!». Он был ростом пигмей, зато голова у него была огромная, с большими выпуклыми глазами и длинным носом; можно сказать, что природа на его голову слыш-

ком много употребила материала. После ужина у губернатора бывали фейерверки и катание на лодках по Волге с песельниками, — одним словом, губернатор в Костроме жил, как сыр в масле.

Многие из находившихся в Костроме французских пленных солдат были хорошими мастерами: каретниками, садовниками, портными, сапожниками и проч. Костромские помещики и купечество с дозволения правительства брали их к себе на поруки, в услуженье; за их труды они кормили их, одевали и давали жалованье, чем пленные были очень довольны. На мою долю достался мне французский солдат Анри, родом из Марселя; он служил в 13-й егерской дивизии под командою генерала де Соля и был взят в плен под Смоленском. Его мастерство состояло в том, что он плел из соломы разного рода корзинки и лечил от зубов.

В Костроме я имел довольно танцевальных уроков, как то: у Ушакова, управляющего удельными крестьянами, костромского дворянского предводителя князя Д. Н. Козловского и т. д.

Когда я жил в Костроме, меня часто посещал актер Воеводин; даже иногда он у меня ночевал. У него была страсть дразнить француза Анри. Надобно сказать, что Анри меня очень любил и со мной был откровенен; я часто слушал его рассказы о сражениях, в которых он участвовал, и никогда не противоречил ему. В один день он прибегает ко мне как сумасшедший. «Знаете ли вы, господин Глушковский, — сказал он, — какая у меня радость? Честь Наполеона и французской армии спасена: император Наполеон выиграл Люценское сражение». Я спросил его, откуда он мог узнать о Наполеоне с такими подробностями. Он отвечал, что многие русские дамы очень благосклонны к нашим военным чиновникам и сообщают им все политические дела. И действительно, так было в то время: некоторые русские помещицы вышли замуж за оставшихся в России пленных французов, а другие их взяли в гувернеры к своим детям.

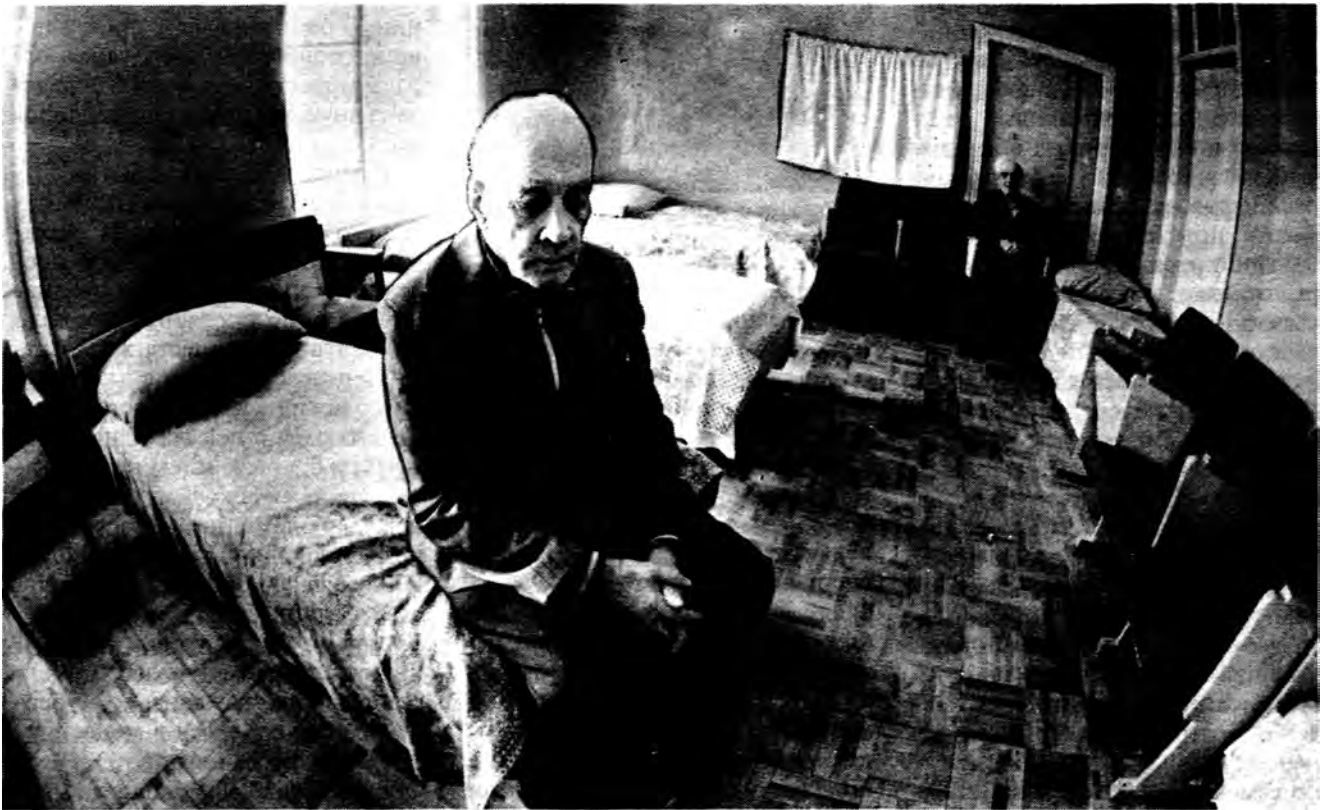
ЖИЗНИ ТЕЧЕНИЕ

Жили на планете взрослые и дети — взял и написал маленький сочинитель. И действительно — жили, к тому же очень интересно: дети во всем старались походить на взрослых, взрослые же хотели вернуться в детство. Однако это не всегда получалось — и у тех, и у других. Они дружили и ссорились, смеялись и плакали, такие похожие и такие разные, они были знакомы давно, но мало знали друг друга. Все объяснялось просто — они желали соединиться в общем течении жизни, но звездные миры их находились в разных галактиках. А жизнь между тем все текла и сама совершала удивительное превращение: дети становились взрослыми, а взрослые — детьми.

Фото Сергея КАЛИНИНА

ЕПИСКОП ИГНАТИЙ В НИКОЛО-БАБАЕВСКОМ МОНАСТЫРЕ

В Николо-Бабаевский монастырь преосвященный приехал 13 октября 1861 года. С ним прибыли: управлявший при нем Кавказским архиерейским домом игумен Устин, присный духовный сын епископа, ризничий иеромонах Каллист, из послушников Сергиевой пустыни, иеромонах Феофан, состоявший духовником при Андреевской церкви Ставропольского архиерейского дома, из иноков Никифоровской пустыни Олонецкой епархии, и несколько послушников. Последние состояли на Кавказе под духовным руководством иеромонаха Феофана, который, равно как и игумен Устин и иеромонах Каллист, пользовался сам советами и духовными наставлениями владыки Игнатия. Таким образом, все лица, прибывшие с Кавказа в Бабаевскую обитель, составляли одну духовную семью, и их дружный образ действий скоро повлиял на весь внутренний и внешний быт обители.

Николо-Бабаевский монастырь расположен на правом берегу реки Волги, при впадении в нее небольшой речки Солоницы, которая отделяет костромской монастырский берег от границы Ярославской губернии. За обеими реками в этой смежной губернии монастырь владеет небольшими сенокосными лугами. Жители Ярославля издавна расположены к Николо-Бабаевскому монастырю и с особенным благоговением и верою чтут имеющуюся в нем святую икону — чудотворную икону Святителя Николая. По-видимому выгодное положение обители, стоящей на полпути между двумя губернскими городами Ярославлем и Костромой, и при одном из первых водных сообщений должно намекать на материальное бла-

госостояние ее, но на самом деле было не то: пришельцы с Кавказа застали этот общежительный монастырь всего с 60 рублями наличных денег, при двух тысячах рублей долгу, притом, пред самым вступлением в зиму, без всякого запаса хлеба и заготовки дров;

Святитель Игнатий Брянчанинов

хлебопашеством в монастыре вовсе не занимались. Благоустройению обители много помогло то обстоятельство, что, еще до приезда преосвященного Игнатия, бывший настоятель ее игумен Парфений, по собственному желанию и просьбе, был перемещен епархиальным начальством в Надеевскую пустынь той же Костромской епархии, и должность его была сряду занята игуменом Устином, благочинным монастыря был назначен иеромонах Каллист, а иеромонах Феофан сделан вторым духовником. Чин богослужения, порядки келейного жительства, братская трапеза и жилища, все

было поведено к улучшению. Заведено правильное хлебопашество на земле, принадлежащей к монастырю, около 80 десятин, частью болотной, частью наносно-песчаной, для чего была произведена разбивка полей, прорыты каналы для осушки болот и через них болотная вода спущена в Волгу. Начата перестройка келий, назначенных для самого епископа, капитальное исправление корпуса братских келий и настоятельских. Корпус этот с одной стороны обращенный к Волге — двухэтажный, с другой, внутрь монастыря — одно-этажный; его нашли нужным сшить поперечными железными полосами, так как он от сырости места и от неравномерной осадки значительно истрескался в этом направлении. Гостиница для приезжающих, расположенная у самой ограды монастыря, была вся переделана внутри и прилично меблирована.

В первый год по прибытии владыки Игнатия на Бабайки, посетил его старинный друг М. Чихачов, и это свидание их было последнее в жизни. Обоими признано было, что последнему не надо покидать своего места жительства, Сергиевой пустыни, в которую он положил все свое состояние и пользовался в ней всеобщим уважением братства и теми удобствами, какие необходимы были для него в болезненной старости. В конце июня 1862-го года приехал в Бабаевскую обитель наительство родной брат владыки П. А. Брянчанинов, испросив увольнение от службы с должности ставропольского гражданского губернатора, и поселился в монастыре на правах богомольца.

В мае 1862 года епископ Игна-

тий посетил преосвященных: Платона в Костроме, Нила в Ярославле и Иринаея в Толгском монастыре, близ Ярославля; после этой поездки уже никуда не выезжал из монастыря, кроме прогулки в экипаже по окрестностям монастыря в хорошую погоду. В семь часов утра он пил чай, который признавал необходимостью, как средство согревающее кровь, и говаривал: «Вот что значит старость, не напившись чаю и Богу неспособно помолиться». С 9-ти часов принимался за дела или выходил к литургии, или осматривал производящиеся работы; принимал посетителей, по большей части крестьян больных, пользовавшихся от владыки медикаментами (стекопатией). Таких больных стекалось очень много; один из келейников записывал имена их в книгу, лета и род болезни, а владыка отмечал, какое кому дать лекарство, число приемов и диету, если таковая оказывалась нужною. Лечение шло успешно, но через три года было прекращено по причине многолюдного стечения больных, нарушавших уединение святителя. В исходе 12-го часа дня владыка обедал. Стол его был простой и кушал он очень умеренно. В 3-м часу кушал чай, к которому всегда призывал кого-либо из братии и завершал угощение душе-спасительною беседою. После вечера, до 8-ми часов принимал всех, имевших к нему духовную нужду иноков и послушников, а также и посторонних посетителей. С 8-ми часов вечера владыка запирался в своих келиях; он спал обыкновенно не раздеваясь, на ночь надевал валенные сапоги, по причине болезни ног, издавна простуженных. Такова была обстановка келейной жизни преосвященного Игнатия на Бабайках.

С приездом преосвященного Игнатия в монастырь, стечение народа к богослужениям значительно увеличилось; церковь Святителя Николая, вмещающая не более 600 человек, стала тесна, вся монастырская братия и окрестные жители стали выражать желание построить новый храм, вместо пришедшего в опасное состоя-

ние соборного храма Иверской Божией Матери, шестипридельного, в четырех приделах которого уже воспрещено было отправлять богослужение, так как образовались большие трещины по всем направлениям каменных сводов. Явился жертвователю — подрядчик каменных работ, ярославский мещанин Федотов, обещавший всю каменную работу исполнить своими рабочими безвозмездно, и дать на начальное действие 1000 рублей. Преосвященный вызвал из С.-Петербурга знакомого ему архитектора, профессора академии художеств И. И. Горностаева, и передал ему свою величественную идею нового храма, которую тот осуществил в своем проекте. Чтоб разобрать разрушавшийся соборный храм, надо было исходатайствовать через обер-прокурора Святейшего Синода Высочайшее разрешение; а также подлежало Высочайшему утверждению и разрешение постройки нового храма. Между тем монастырю необходимо было спешить разборкою храма, так как рабочие Федотова, в случае неразрешения, готовились отправиться в Петербург на свои заработки, тогда и Федотов вынужден был бы отказаться от обещанного, что составило бы большую потерю для храмоздателей.

В субботу на первой неделе великого поста Государь, по приобщении Святых Тайн, благоволил вспомнить, что у обер-прокурора есть нужные к докладу дела и потребовал представить их. Обер-прокурор, директор его канцелярии, начальник отделения, — все, через руки которых шло дело о Бабаевском храме, были в этот день причастниками. Государь принял во внимание пожертвования Федотова и благоволил разрешить разработку старого храма. В тот же день разрешение было передано по телеграфу через Ярославль в Бабаевский монастырь; вся братия монастыря были причастники, но владыке об этом было доложено на другой день — в воскресенье недели православия после литургии, которую он совершал сам. Таким образом соверши-

лось достойное замечания событие: первый шаг к сооружению нового храма был сделан лицами, которые все без изъятия только что сподобились причаститься Св. Христовых Тайн, — видимый признак благословения Божия на начатое дело. С понедельника 2-й недели поста началась разборка старого храма; дело шло быстро, кирпич заготовлялся на заводах, устроенных при монастыре, добывался на месте дикий камень, который пошел в цоколь здания, распланирована была местность, так как новый храм воздвигался немного далее в глубь берега, размеры фундамента обозначены; твердый грунт не требовал свайных укреплений; предположено было с наступлением весны приступить к сооружению здания; ждали утверждения проекта, которое замедлилось. Министр путей сообщения находил, что архитектурные линии в нем слишком смелы, чтоб могли быть благонадежно исполнены; только по личным объяснениям архитектора Горностаева министерство согласилось на утверждение. Таким образом проект храма в честь чудотворной иконы Иверской Божией Матери был приготовлен к всеподданнейшему докладу, который в свою очередь разными случайностями оттянулся до конца мая, и лишь в 21-е число того месяца, день празднования Божией Матери иконы Владимирской, Государь изволил утвердить проект. «Над построением храма Богоматери, — писал владыка своему брату, — очевиден перст Богоматери. Даруется человекам труждающимся в деле помощь; вместе даруется им побороться с препятствиями и поскорбеть для их же душевной пользы, чтобы очистить дело от примеси тщеславия и других увлечений, чтобы оно было совершено в богомудром смиреномудрии. Таков обычный ход дел покровительствуемых Богом».

Сооружению нового храма доставляли денежные средства расположенные к монастырю граждане гг. Ярославля и Костромы. Преосвященный Ярославский Нил сочувственно отнесся к желанию

граждан ежегодно переносить с крестным ходом чудотворную икону Святытеля Николая из Бабаевского монастыря в Ярославский кафедральный собор. Костромской преосвященный Платон выразил свое одобрение и Святейший Синод, указом от 4-го июля 1866 года, уважил и разрешил ходатайство Ярославского архипастыря. С тех пор икона эта носится ежегодно в Ярославль, встречаемая и провожаемая десятками тысяч жителей.

***

Задолго до кончины своей преосвященный Игнатий стал готовиться к ней, и в разговорах своих часто касался распоряжений на случай смерти. За пять лет (в 1862 году) он сделал духовное завещание, засвидетельствованное 20-го июля 1863 года в Костромской палате гражданского суда, коим все свои сочинения передавал в собственность и распоряжение брата своего Петра Александровича Брянчанинова. В августе 1864 года он говорил своему брату: «Матушка наша была также больна перед смертью, как и я; все на ногах, и аппетит был порядочный; а пришло время, — в три дня болезнь покончила все дело. Прошу, когда я буду умирать, не вздумайте посылать за доктором, дайте мне умереть христианином, — не подымайте суматохи. О кончине моей родных не уведомлять и к похоронам их не ожидать, а предав земле, тогда уведомите... Я тебе говорю вперед, чтоб ты знал, и чтоб об этом в час болезни предсмертной не забыть и не заботиться. О том, как и где похоронить меня, ничего не говорю и не завещаю потому, что не желаю связывать действий ближних за пределами моей жизни, и притом в том, что никогда почти не исполняется».

Наступил 1866 год, — печатались 3-й и 4-й томы творений преосвященного Игнатия, его «Аскетическая проповедь» и «Приношение современному монашеству» или «Советы»; между тем, физические силы его самого ви-

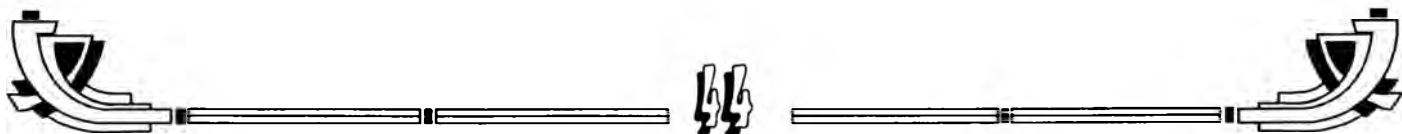
димо упали, так что приезжавшие из Петербурга для посещения его духовные дети поражались тою переменою, какая представилась им при виде духовного отца, изуренного болезнью и преждевременною дряхлостью. Несмотря однакоже на такое падение физических сил, душевная бодрость не оставляла его. «Не бойтесь, — писал он одному из своих духовных чад, занимавшемуся корректуру издаваемых его сочинений, — я не умру до тех пор, пока не кончу дела своего служения человечеству и не передам ему слов истины, хотя действительно так ослабел и изнемог в телесных силах, как это вам кажется».

14-го августа 1866 года посетили Николо-Бабаевскую обитель Их Императорские Высочества Государь Наследник Александр Александрович и Великий Князь Владимир Александрович. Владыка, поднося Цесаревичу святую икону Благоверного Князя Александра Невского, встретил Его следующую речь: «Всемогущий Бог, в трудные времена России осенивший небесным благословением и небесною помощью Благоверного Великого Князя Александра Невского, да осенит этим благословением и этою помощью и Ваше Императорское Высочество в предстоящем Вам великом служении Богу и человечеству». Потом, вручая Владимиру Александровичу икону Святого равноапостольного Князя Владимира, сказал: «Ваше Императорское Высочество! В древности два Великие Князя — Равноапостольный и Мономах — носили имя Владимира. Благочестием, мудростию, мужеством ознаменовалась жизнь их. И ныне Великий Князь, носящий имя вожденное для России, да возрадует Россию этими качествами, столько «благодетельными для народов, когда народы озаряются ими из святилища — из Царственного Дома». Келейная беседа владыки с Высокими посетителями касалась монастырей. «Монастыри лечебницы», — говорил преосвященный, — это приют для людей, которые, сознав бессилие

свое сохранить себя, душу свою, живя в мире, идут в это убежище и приносят в него свои понимания, свои привычки, свои пороки, свои страсти, развитые тем образованием, которое они получили в мире, — поэтому нравственное состояние монастырей находится в совершенной зависимости от нравственного настроения народа. Народ развращается, развращаются и монастыри. В них много вкралось предосудительного, много дурного; но при всем том, они сохраняют характер свой — убежища, желающим сохраниться от конечной гибели; они больницы для душ безнадежно больных, они приют верности церкви православной и престолу. Извольте, Ваше Высочество, обратить внимание на то обстоятельство, что монашество и монастыри особенно гонимы партиями злонамеренными, что они преданы вере и престолу и поддерживают эти чувства в тех, которые сближаются с ними и подчиняются их духовному направлению. Одною ногою я уже стою в могиле, и для себя ничего не ищю, и мне нечего искать, а докладываю Вашему Высочеству сущую истину, ради истины умоляю Ваше Высочество, поддерживайте монастыри по тому благу, которое приносит их существование». Их Высочество обошлись весьма благосклонно с владыкой, утешили его своим вниманием к словам его. Посещение их оставило самое приятное впечатление в преосвященном, он назвал его своим окружающим «зрением восходящих светил».

***

Зиму с 1866 на 67 год преосвященный Игнатий провел в заботах о приготовлении к печати избранных им изречений и повестей из жизни святых иноков, из которых составил 6-й том его творений, изданный уже по кончине его под наименованием «Отечник». С тем вместе он не оставлял продолжать и другие частью начатые, частью пополняемые им, прежде написанные статьи. В эту зиму он написал статьи «О терпении

Николо-Бабаевский мужской монастырь. Вид с Волги.

скорбей», «Об отношении человека к страстям его» и значительно пополнил «Разговор старца с учеником его о молитве Иисусовой».

Дни шли за днями, ничто видимому не изменялось. Окружающие привыкли видеть преосвященного постоянно болящим, слабым в силах, но притом постоянно одетым, постоянно занятым работою за письменным столом, или в молитвенном подвиге — и ничто по-видимому не выражало близости кончины его; хотя он жаловался иногда на боль сердца, на болезнь ног и другие недуги, но все это проходило, как явления временные и довольно обычные, не изменявшие нисколько порядка дневных занятий. Несмотря на разнообразные недуги, о которых сообщал он окружающим, никто никогда не слышал его болезненного стоны. Он не раз говорил, что, заставляя себя не стонать в болезнях, он приучал себя претерпевать все находящее, а по обычаю Афонских подвижников, не раздеваясь ни днем, ни ночью, до самого часа кончины, он как бы скрыл от окружающих этим внешним порядком жизни и самую опасность своего положения.

16-го апреля 1867 года, в день Светлого Христова Воскресения, совершив литургию, преосвященный так утомился, что с трудом довел его до келии. Нужен был ему получасовой отдых, чтоб собраться с силами принять пищу. В этот же день объявил он окружающим, чтоб после вечерни никто

его не беспокоил, ибо с этого часа дня он никого принимать не будет, объявив причиною этого распоряжения «необходимость свою готовиться к смерти»...

В эти последние дни жизни своей преосвященный был воодушевлен ко всем необыкновенною милостью, как бы растворенною жалостию. Эта милость и с нею неземная радость сияли на лице болящего. В один из этих последних дней владыка, прощаясь с келейником своим, ответил на его поклон и прощание благоговейным поклоном до земли, сказав: «Ты меня, батюшка, прости». Полный благолепного смирения вид старца тронул келейника до слез. В эти дни не раз говорил ему владыка, что «ему трудно низводить ум к земным занятиям», и уклоняясь от общения со всеми, он видимо уже не жил на земле.

30-го апреля, в воскресенье недели Жен Мироносиц, к 7 часам утра, келейник Василий, войдя в спальную преосвященного, нашел орлец не убраным пред иконами, что случалось очень редко — большею частью преосвященный, всегда употреблявший его при келейном правиле, сам убирал его. Умывшись, он, по обычаю, выпил Богоявленской воды и вышел в столовую комнату пить чай, приказав Василию скорее убрать спальную. Выпив две чашки чаю, он поспешил в свою внутреннюю келию, в исходе 8-го часа, перед самым благовестом к поздней литургии. Василий, войдя к нему с обычною молитвою, нашел его

лежащим на кровати, на левом боку, лицом к стене. Видя, что владыка, всегда очень чуткий, не обращает внимания на вход его, келейник сначала приписал это особенно углубленному молитвенному деланию, что иногда с ним случалось. Постояв несколько, Василий повторил молитву, но — ответа не было. Вглядываясь пристальнее, он заметил, что рука владыки покрыта смертною бледностью; подошел ближе и убедился, что владыка уже скончался. Голова его, лежавшая на подушке, была несколько наклонена вперед, ладонь левой руки воздета кверху, как бы в молитве, правая рука, опущенная вдоль тела на кровать к стороне стены, лежала близ раскрытого канонника. Вообще благообразное положение тела было причиною, что келейник не мог скоро решиться признать его уже отошедшим в вечность. Смерть, придя к святителю Христову, нашла ум его занятым молитвословием; начав оное на земле, он был призван к бесконечному славословию Бога — на небо.

Лицо почившего епископа, по перенесении тела на стол, сияло радостью светлою, неземною. На левом виске заметна была синяя жилка, спускавшаяся около уха по щеке, полоской красноватого цвета, вероятно след пути, которым смерть вошла в тело.

Беседуя с одним из близких ему учеников о заповедях Евангельских, сказал святитель Игнатий: «Всякая явная добродетель, не моя

добродетель, по учению Самого Господа, заповедовавшего всякое Евангельское добро делать в тайне". И точно все величие всежизненного подвига его, в его неопи- санном объеме, осталось тайной его душевной клетки, исповедан- ной и открытой, насколько то воз- можно было, в его сочинениях, но в полноте своей ведомой единому Богу. Этою таинственностью, от- личительностью чертой всей земной деятельности своей, по точному смыслу Евангельских заповедей, запечатлел преосвященный Игна- тий и свой конечный, предсмерт- ный подвиг. Сближая его поведе- ние келейнику об извещении свы- ше святителя Тихона о дне его кончины «в день недельный» с письмом преосвященного к архи- мандриту Пимену, что он все Фомино воскресенье пролежал, ожидая смерти, и наконец, в день кончины (воскресенье), приказан- ние его келейнику поспешить ско- рейшею уборкою его спальни, наводят на мысль, что и ему был открыт день его кончины и опре- делен подобно, как и святителю Тихону «днем недельным».

Для утешения нам, осиротев- шим духовным чадам своим, вла- дыка оставил определительное ука- зание о земном пути своем, о том, куда стремился он жизнью, и куда — веруем — достиг. «Взять я, — говорит он в предисловии к 4-му тому сочинений своих, — восхи- шен с широкого пути, ведущего к вечной смерти, и поставлен на путь тесный и прискорбный, ве- дущий в живот. Путь тесный име- ет самое глубокое значение: он подьмет с земли, выводит из омрачения суетою, возводит на небо, возводит в рай, возводит к Богу, поставляет пред Лице Его в незаходимый свет, для вечного блаженства».

Замечательно, что в этот же праздник, воскресенье недели Жен Мироносиц, скончался и препо- добный Нил Сорский, известный делатель умной молитвы; это сход- ство дней кончины как бы под- тверждает замечаемое сходство внутреннего подвига нашего со- временного скитянина, как по

«Августейший Монарх,
Всемилоостевейший Государь!

Чувствуя изнеможение сил от болезненности, продолжа- ющейся около 40 лет, и пос- тоянно питая в душе моей желание окончить дни в уеди- нении, я подал в Святейший Синод рапорт, в котором, донося о состоянии своего здоровья, прошу об увольне- нии меня от управления епар- хиею и предоставлении мне в управление общежительного Николо-Бабаевского мона- стыря, на Волге, в Костром- ской епархии по тому образу, как это делалось для многих архиереев, уволенных от дел епархиальных. То милости- вое внимание, которого удо- стоивали меня Ваши Августей- шие Родители, называя меня своим воспитанником, позволяет мне обратиться к Вашему Императорскому Величеству с всеподданней- шею и убедительнейшею про- сьбою. Не во внимание к какой-либо заслуге или до- стоинству — коих нет у меня — в память Ваших почивших Родителей окажите мне ми- лость, повелите удовлетворить моему прошению, да- руйте мне просимый приют, в котором я мог бы окончить в мире дни мои, вознося недо- стойные и убогие молитвы к Богу о благоденствии Вашем и всего Вашего Августейшего Дома, о покое и вечном бла- женстве Ваших приснопамят- ных Родителей.

С чувствами верноподдан- ническими благоговейнейше- го уважения и совершенней- шей преданности имею сча- стие быть, и проч. 24 июля 1861 года».

Письмо епископа Игнатия им- ператору Александру II.

нраву, так и по плодам их, с осно- вателем в древности скитского жителства в России. Все это, ко- нечно, может быть знаменатель- ным не для всех: но те, которые ведают молитвенное подвижни-

чество святителя из личного с ним сопребывания, или пользуется его описаниями, не могут не слагать этого в сердце, в созидание свя- щенной для них памяти о своем духовном Отце и наставнике.

Трое суток стояло тело еписко- па Игнатия в келиях его, неизмен- но сохраняя светлое выражение лица, затем оно было перенесено в соборную монастырскую цер- ковь святителя Николая. По ми- новании 6 суток, 5-го мая, в пят- ницу, совершена была заупокой- ная литургия и отпевание преос- вященным Ионафаном, еписко- пом Кинешемским, викарным Костромским. По его распоряже- нию, отпевание совершалось по чину служения пасхального; по окончании отпевания он произ- нес надгробное слово и простился с почившим, за ним прошалось духовенство, сослужащие, мона- стырское братство и все присут- ствовавшие, во главе их началь- ник Костромской губернии Т. С. Дорогобужинов. Затем тело в от- крытом гробе было обнесено с крестным ходом кругом церкви святителя Николая и внесено в больничную монастырскую цер- ковь св. Иоанна Златоустаго и пре- подобного Сергия Радонежского, где после обычной литии закрыли крышу и гроб был опущен в склеп за левым клиросом.

По общему отзыву, отпевание усопшего произвело на всех впе- чатление скорее церковного тор- жества, чем печального обряда. Ученики владыки припоминали его слова: «можно узнать, говорил он, что почивший под милостью божией, если при погребении тела его печаль окружающих расте- рена какою-то непостижимою отра- дою».

Хотя все предшествовавшие по- гробению дни собрание народа было довольно значительно, но в день погребения, несмотря на разлив Волги, затруднявший переправу в монастырь заречным жителям, сте- чение народа было до 5 тыс. чело- век.

(Печатается в сокращении по книге «Сочи- нения епископа Игнатия Брянчанинова. Том первый. Аскетические опыты». Св. Троицкий монастырь. Джорданвилль. 1985 г.)

С АВТОГРАФОМ ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

Эту книгу — первый сборник стихов Павла Флоренского «В вечной лазури», изданный в типографии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в 1907 году, передала в «Губернский дом» Галина Николаевна Маслова, внучка ученого-красоведа Александра Александровича Григорова.

Рукою автора на обложке книги сделана надпись, обращенная к Елене Митрофановне Григоровой, родной тете Александра Александровича. Родилась она в родовой усадьбе Григоровых Александрово Кипешемского уезда (ныне Островский район), с золотой медалью окончила гимназию Фишер в Москве и Смольный институт в С.-Петербурге. Затем сама преподавала в гимназии русский язык и математику. Елена Митрофановна была близкой знакомой многих известных людей своего времени — Марии Николаевны Волконской, келейника святейшего Патриарха Тихона, спасшего ценой собственной жизни его от смерти во время покушения, епископа Антония, жившего на покое в Донском монастыре в Москве. Там она и познакомилась с о. Павлом Флоренским. Много лет с ним и с его семьей Елена Митрофановна сохраняла дружеские отношения, в трудное время скрывалась в их доме в Троице-Сергиевой Лавре. Потом пути их разошлись — о. Павел Флоренский, как известно, был арестован и отправлен на Соловки, Елена Митрофановна — в Муром, в этом городе она впоследствии и скончалась. Книга же с ценнейшим автографом многие годы хранилась у Ольги Викторовны Григоровой, двоюродной бабушки Галины Николаевны.

Предлагаем вниманию читателей текст автографа великого философа и писателя, а также одно из стихотворений сборника «В вечной лазури» (орфография сохранена).

«Елена Митрофановна, одно время, в дни своей юности, вместо дневника я писал стихи. Они всегда были стихами на «случай» и именно выразить мои личные переживания в связи с совершенно определенными событиями. Сами собою слогались в душе страницы стихотворного дневника, и я не хотел и не считал себя в праве исправлять их, делая из них нечто литературное, поэтому прошу отнестись к этим немногим напечатанным, только для близких друзей, страничкам моего дневника именно как к страницам дневника, имеющим *только* автобиографическое, но отнюдь не поэтическое значение, на каковое они не притязали, каковое по самой сути дела им чуждо.

Елена Митрофановна Григорова

1921. VI. 8. Казанская.
Москва.»

Е. М. Григорова в г. Муроме

КОСТРОМСКАЯ СТОРОНА

*Деды отшедшие — деды священно-служители!
тесной толпой шегутятся богов ваших образы,
нитью серебрянно-звонкою тянете вглубь к тайнодействиям.
Слышатся гимны священныя. Клубами ладана
с сильными лентами тянется дымное кружево.
Отзвуки службы идут торжествующе-праздничной.
В шепоте листьев — бряцанья кадил огне-пылающих.
Свещник сияет янтарных свечей хорородами;
ветра дыханье пройдет, — и закапают слезы восковыя,
волны доносятся духа медвянаго.*

*Вспомнить стараюсь я, деды, моления печали и радости,
вспомнить хочу шелест свитков и речи священныя,
вспомнить напрасно влекусь я слова бого-вещия,
временем стертая.*

*Тицетно усилие, деды. В какие-то дали безбрежныя
тицетно, тоскуя, стремлюсь; поет сердце тоской безпредметною.
Тицетно вы маните в роци, в дубравы дубовыя,
Ветер напрасно колышет брадами зелеными, старыми.*

С любовью посвящаю эти страницы дневника Сергею Троицкому — Другу, с которым мы пережили их.

(Сергей Семенович Троицкий жил в с. Толпыгино Нерехтского уезда, куда приезжал и Флоренский. Прим. ред.)

От Костромы до Соль-Галича

Из воспоминаний о зимней поездке по Костромской губернии в 1857 г.

Большие дороги Костромской губернии обсажены широкими аллеями из старых ветвистых берез. Эти бесконечные аллеи тянутся почти непрерывно; в летнюю пору они служат защитой для пешеходов, но для проезжающих совершенно бесполезны и занимают много места. Явно, что земля ни во что не ценилась в то время, когда проводились почтовые тракты. Зимой по аллеям набиваются суметы снега, а в осеннюю ненастную пору дождевая вода держится между деревьями и всасывается в почву, местами песчаную, местами глинистую и суглинистую. Дорога, разумеется, нигде не укатана, не усыпана щебнем, изрыта во всех направлениях глубокими колеями, наполненными жидкою грязью, и покрыта кое-где огромными лужами, которые иногда не высыхают в продолжение целого лета, и в которые колеса уходят местами выше ступиц. Очень часто ямщики съезжают с мучительной дороги и едут стороной, целиком, нередко, по вспаханым полям.

В 1854 или 1833 году, исправник М., в ожидании проезда начальника губернии, согнал крестьян на дорогу, в самую рабочую летнюю пору, когда, как говорится, «день за месяц отвечает», и заставил народ сдирать с дороги дерн, очищать канавки и подравнивать дорогу, засыпая ее глинистой землей. «Так поправили дорогу, заметил мне ямщик, что с тех пор и проезду нет по Чухломскому уезду. Какая же это поправка, только грязи накидали. Дерн еще кое-как попридерживал землю, а теперь вся она расползлась. А еще барин, исправник; сколько народа даром перемучил. Вот в

Галицком и Кологривеком уездах, где дорогу не исправляли, там все поноснее: ехать можно; трава растет, так она и связывает землю; а здесь осенью просто лошадиная смерть».

На Сидоровскую станцию я прибыл под вечер. Навстречу мне вышел на крыльцо, с фонарем в руке, красивый стройный парень лет 17. В сенях стоял большой самовар с длинной трубой из листового железа и гудел тоненьким, жалобным голоском.

«Не угодно ли чаю, спросил услужливый провожатый, отворяя дверь в светлую, чистую горницу. Из-за перегородки вышел содержатель станции, здоровый, высокий крестьянин, с чертами лица чрезвычайно умными, красивыми, серьезными. По осторожному его разговору видно было, что он знает гораздо более того, чем позволяет себе высказывать. Парень,

вышедший на встречу, был старший его сын и весь в отца. Трое белокурых, румяных и востроглазых мальчиков забрались на полати и, подпираясь локтями, поглядывали то на меня, то друг на друга; хотелось бы им похототать и порезвиться, да боялись отца; посмотрят друг на друга, начнут смеяться, и вдруг притихнут.

Бывало, — сказывал хозяин, — по нашему вятскому тракту было больше езды и на каждой станции держали по несколько троек, а с тех пор, как оставили по паре лошадей — совсем мало проезжающих. Прежде в неделю все два, три помещика непременно проедут. Господа живали в своих усадьбах, оттого и езды было довольно. А вот с той самой поры, как началась крымская война, во весь месяц проедет, пожалуй, только один проезжающий по подорожной. Нонче многие помещики

Кленочный завод в Кологривском уезде. Начало XX века.

Продолжение. Начало — "ГД" №4/94

поразбредились из своих усадеб в разные места, теперь едет в имение не помещик, а управляющий; оттого и гону меньше; мы смекаем, что, видно, господ вызвали на службу».

Сидорово принадлежит графу Дмитриеву-Мамонову, который безвыездно живет в Москве.

В Кологривском уезде крестьянские строения большие, из красного 7 и 8-вершкового леса 4-х-саженной длины. Жилая изба, очень часто с шестью и даже семью большими окнами на улицу, — покрывается высокою тесовою на березовой скале крышею; в подполе, с волоковыми окнами, содержатся овцы, а над подпольем жилые горницы. Иногда и в нижнем ярусе вместо подполья устраиваются чистые жилые горницы с большими окнами, и тогда изба называется двужильною. В верхний ярус ведут две лестницы: одна наружная, с улицы или со двора, а другая внутренняя, соединяющая подполье или нижнее жилье с верхним ярусом. Если жилая изба имеет на улицу только один сруб в три или четыре окна, то в одной связи с нею и одних с нею размеров, а иногда и шире и выше, пристраивается по главному, выходящему на улицу фасаду, вплоть к жилой избе, крытый двор под особою высокою крышею и с широкими на улицу воротами, над которыми вырублено иногда оконце, принадлежавшее холодной немшоной светелке, служащей для хозяев ночлегом в летнюю пору, когда в горнице жарко или много мух. Эта прохладная светелка с единственным над воротами окошечком, устраивается обыкновенно на повети, на бревенчатом или жердяном стланнике. Некоторые крестьяне не делают светелки, а держат на повети сено и солому. Избы строятся и таким образом, что на улицу выходят два сруба, так, что передний фасад, нередко двужильный, состоит из 6 или 7 окон в каждом ярусе. Эта изба, обращенная на улицу широкою стороною, отличается высочайшею односкатною крышею; на фронтоне, над окнами верхнего этажа, вырубается дверь и выводится балкончик. При таких избах дверь пристраивается не с боку, а сзади, и крыша двора подводится

под крышу избы. Если мужик сам выронит, т. е. вырубит и сам вывозит лес, то одна только плотничная и печная работа такого жилья стоит дороже 100 руб. серебром.

Не доезжая 7 верст до дер. Сидоровой, начинается дремучий Парфентьевский бор. Он тянется непрерывно 35 верст и кончается в 10 верстах за посадом Парфентьевым. По этому бору, который называют Парфентьевским волоком, пролегает торговый и почтовый тракт.

Однообразие темного бора невольно располагает к тоске: едешь, и как будто конца нет дремучему бору; земля покрыта глубоким снегом; тишина мертвая, только гудит колокольчик да скрипят полозья.

До учреждения в 1778 году Костромского наместничества, Парфентьев был уездным городом. Он стоит на левом берегу р. Неи, в самой глуши дремучего Бора. Этот беднейший посад состоит из 80 или 90 почерневших от старости деревянных домов и лачуг с двумя каменными и одною деревянною церквями. Жителей мужеского пола менее 300 душ. Мещане и купчишки (так величают ямщики 5 или 6 здешних купеческих домов 3-й гильдии) только тем и перебиваются, что переторговывают на посаде съестным и кое-какою мелочью, скупают у мужиков всякую всячину на еженедельных торжках по четвергам и продают потом то, что ими приобретено, заезжим купцам.

Крестьяне привозят лисьи и беличьи шкуры, сало, скотину, мед, лен, грибы, хлеб, шерсть, холсты, 8-ми вершковые крестьянские сукна, деревянную посуду и другие деревянные изделия. Парфентьевские торговцы, обыкновенно, сами возят звериные шкурки, скотские сырые кожи и корье на кожевенные и скорняжные заводы в Галич и Шокшу; другие товары возят, частью, в Галич и Чухлому, а частью сбывают в самом посаде на ярмонках: Макарьевской, 25 июля, и девятой в 9-ю пятницу после пасхи. Стечение народа в ярмарочные дни бывает, говорят, до 5000.

Здешний народ, как в посаде, так и по деревням — смиренный,

простой и охотник праздничать. Вся масляную, первые три дня пасхи и храмовые праздники, словом, дней пятнадцать в году, мужики ездят гурьбой из деревни в деревню на хмельное пиво. Приедет, например, мужик из деревни в другую, к знакомому, да навезет с собой не только родных и свойственников, но и гостей, часто вовсе незнакомых хозяину; хозяин с хозяйкою встречают приезжих с поклонами и всех угощают, никого не обносят: таков обычай. Наберется, например, в избу человек сорок, надо на них ведер 10 пива, вина 1/2 ведра или ведро, да всякого угощенья: лапши, киселя, рыбы, мяса, пирогов. Поедят, попьют приезжие гости, потом вместе с хозяевами сядут в сани или телеги, да и поскачут во всю лошадиную прыть, с песнями, колокольчиками и бубенчиками, в другую деревню или село, где одновременно празднуется престол. Они привязывают к лошаденкам своим, для украшения, гривы и челки из конского белого волоса. На храмовые праздники собираются обыкновенно со всех окрестных селений попраздничать не только у крестьян, живущих в том селе, где престол, но и у батюшки (приходского священника) и у всего причта.

Как ни беден Парфентьев, а в нем две черные съестные харчевни и два кабака, что, надеюсь, весьма довольно на 812 городских жителей обою пола¹, для образования которых, кажется, вовсе нет школы. Деревенские старосты часто ездят в Парфентьев, как будто по делам, а на самом деле — чтоб покутить. Бывали случаи, что старосты пропивали господский оброк, а иногда и часть подушных.

Парфентьевские крестьяне вообще смиреннее и уступчивее галичских. Проезжий мужичек только завидит кибитку или слышит колокольчик, — сам сворачивает с торной дороги в рыхлый снег. Если ямщик, по желанию седока, возьмет немного в сторону, чтоб облегчить бедняку проезд, то мужик непременно снимет шапку, низко поклонится и скажет: «спасибо, кормилец». Здешние мужики при

¹ 266 мужского и 316 женского пола. См. Статистические таблицы Российской империи за 1856 год.

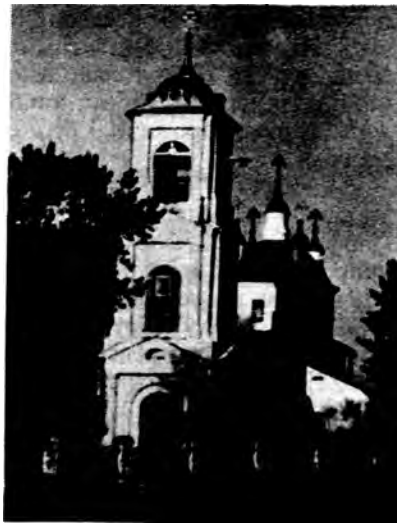
встречах всегда кланяются, снимая шапки.

От Парфентьева вплоть до Задоринского волока почва для хлеба плохая: песок да камень. Хлеб сеют на горели или на огнище года два сряду; потом это место оставляют в залежь лет на десять, и когда древесные коренья сгниют, тогда на старой горели сеют хлеб еще раз два без назема, затем надо постоянно уваживать поле, если не хотят его запустить под лес. У здешних крестьян приходится на тягло от 3-х до 5-ти коров и одна или две лошади. Овец мало, потому что сеном не богаты, луга плохие.

Между Парфентьевым и Кологривом крестьянские строения очень хорошие и больших размеров; часто попадаются черныя избы, которые многими крестьянами предпочитаются белым, потому что лучше, будто бы, держат тепло. Жители имеют склонность к грамоте; некоторые грамотные женщины промышляют тем, что обучают по деревням чтению и письму. За выучку читать им платят по 1 р. и по 1 1/2 рубля серебром, а за обучение чтению и письму по 2 р. и по 2 р. 50 к. серебром за каждого ученика. Детей обучают также и станционные смотрители. Я видел у задоринского смотрителя 6-ть мальчиков, чинно сидевших за длинным столом и старательно писавших с прописей, между тем как смотритель занимался своим делом в соседней комнате.

В здешних местах, по редкости населения, очень мало сел, и приходы так обширны, что одному священнику не управиться; вследствие этого в некоторых особенно обширных приходах есть по два и по три священника; церкви везде каменные, хорошей постройки и содержатся в порядке.

От Задоринской до Ивановской станции 21 верста. Костылицкий волок прекращается на 11-й версте и за ним до самой Ивановской станции безлесное и ровное место, усеянное по самой дороге деревнями. Все деревни здешней округи господские разных помещиков; есть, например, вотчина душ в 600 г. Куприянова. Приходское их село, с двумя церквями, и будто бы с шестью священниками, находится

Ризоположенская церковь
в Парфентьеве.

в версте от Ивановской станции; некоторые деревни, приписанные к этому приходу, отстоят на 23 версты от села.

Я застал на Ивановской станции двух крестьян куприяновской вотчины, состоящей, по их словам, с лишком из 20-ти деревень, разбросанных на большом пространстве. «Господа наши хорошие, добрые, — говорили мужики, — мы без запрету владеем и лесом и всякими угодьями, сколько силы хватит, и повинности платим небольшие. Мужик рубит себе лес, им и оброк платит, и подушные, а угодья приходятся даром. Сплаваем мы лесные плоты по Нелше и Унже в Нижний.

В нашей вотчине на 600 душ 300 тягол: одни на чистом оброке, другие на полуоброке. Полуоброчники высевают барину 100 четвертей. В вотчине есть тягол пяток медвежатников; тем они больше и живут, что медведей промышляют. Ходят они на черного зверя (медведя) артельно, человека по три, а случается и одному идти на медведя. В прошлом году один медвежатник убил десять зверей; за каждую шкуру выручил по 20 р. да за каждый пуд сала по 10-ти рублей ассигнациями. Живем, нечего Бога гневить, без притеснения, только тем у нас не ладно, что управляющих часто сменяют. Вотчиной нашей управляет теперь немец, человек хороший. Коли на миру какой спор или несогласие — тотчас к немцу: он рассудит, пожа-

луй, лучше своего брата и справедливость всю, как надо, соблюдет.

Вина пьют в нашей вотчине немного: этим баловством не занимаются, барин не позволяет. На масляной выйдет на тягло, пожалуй, с четверть ведра, и полно. В первые три дня масляной самое большое гулянье, в четверг и пятницу хоть и пьют, да уж поменьше, а в субботу нельзя: батюшка поп не велит, да и старики начинают молиться.

В вотчине нашей жить можно: оброки небольшие, и порядок есть. Нет у нас тяжелее времени, как отдача в солдаты. Как придется ставить рекрута, тут плач по всей деревне. Знаемое дело: кому не будет тяжело, как скажут: довольно, мол, сидел на печи: слезай, брат, с полатей, да прощайся, может, навеки, с отцом с матерью.

От Ивановской станции до Кологрива 29 верст. На Ивановской станции писарь молодой, но большой. «Здесь беда заболеть, — проговорил он стоная, — кто здесь поможет, лекарей нет. Кто заболел, так терпи или ложись и умирай». Грустно слушать эти стоны. А мало ли у нас таких страдальцев, при отсутствии медицинских пособий. Боже мой! Сколько еще дела, чтоб доставить обществу довольство. Школы и больницы — одни из первых потребностей, а их-то у нас и недостает.

На станции я застал моих рассказчиков, мужичков Куприяновской вотчины, угостил их чаем и завел прежний разговор о здешнем крае. «Что в Ивановском, что в Суховеркове, и под Кологривом — земля все одна, иловка. Как ни плоха земля в Суховеркове, а тамошним мужичкам привольнее, чем здешним, потому что там место бойкое, на большой судоходной реке и под самым городом. У Кологривских мещан земли мало; они очень этим обижены; куда ни обернись, — кругом облегли город чужие Суховерковские поля; поневоле горожанам надо нанимать землю у мужиков.

Суховерковские крестьяне, правду сказать, живут хорошо, и строения у них изрядные, а могли бы жить еще лучше. Кому и быть богатым, как не им? Да беда в том, что народ ленивый и любит попить. Глупый они народ, своей

пользы не разумеют, главное потому, что спят».

Отчего же спят, что ты хочешь этим сказать? — спросил я.

«Да так: ленятся да пьянствуют, потому и спят. Подгородные крестьяне всегда больше пьянствуют, чем наш брат, серый мужик, потому что под городом кабаки близко. Суховерковцы занимаются стройкою гусянок, унженков и форменок: кто побогаче, тот строит суда на свой счет, а кто победнее, тот нанимается в работники».

Не доезжая Кологрива, на противоположном берегу реки Унжи, расположена большая деревня Суховеркова. По широкой улице лежат во множестве бревна и до-

село Инчино. В старом Кологриве остались, кажется только ветхая церковь и несколько изб.

В 1798 году в городе было 2 церкви, 65 домов и жителей 138 человек мужского и 182 женского пола, в том числе 6-ть купцов и 22 мещанина. В 1856 считалось: церквей деревянных 3, домов 198, купцов 3-й гильдии 35, мещан около 300, а всего жителей 655 мужского и 614 женского пола. Город расположен на левом или луговом берегу Унжи, при впадении в нее судоходной речки Киченки, протекающей через самый город. По суровому климату Кологрив может быть назван Сибирью Костромской губернии; в

кой горнице, в которой по случаю воскресного дня жена хозяина принимала гостей и угощала их чаем. Эта женщина, набожная и добрая, по страсти к чистоте, порядку и по своей заботливости не уступит любой ревельской немке. В то время, как она мне жаловалась на то, что в Кологриве по случаю ранних заморозков не зревают на грядках огурцы и что их сюда привозят из Галича и продают дорогой ценой, — дверь из сеней отворилась, вошли два нищих крестьянина, перекрестились на образа, отвесили поклон хозяйке и стали, не говоря ни слова, у самых дверей.

«Здравствуйте, батюшка Петр Иванович, как ваше здоровье?» — приветствовала нищих хозяйка.

«Плохо вижу, матушка, совсем почти ослеп, да и ноги худо служат, вот если б не Дмитрий Егоров, так и ходить бы мне нельзя по добрым людям».

Петр Иванович мелкопоместный дворянин, владелец одной крестьянской семьи, человек старый, вдовый и, к счастью, бездетный, — был в Крымской компании в ополчении, возвратился оттуда с лихорадкой и главною болью и поселился на жительство к своему крестьянину. Тяжело было Дмитрию Егорову и свою семью кормить и Петру Ивановичу служить, а Петр Иванович, когда здоров был, и тогда к крестьянской работе не был склонен и любил сваливать работу на единственного своего подданного. Держался кое как Дмитрий Егоров, да наконец мочи не хватило, и пошли они вдвоем, мужик с барином, побираться Христа ради. Добродушная хозяйка простилась с ними, дав им ломоть хлеба да копейку; они вышли со смиренным поклоном, и видно было из окна, как они направились к торговой площади, пошатываясь на истощенных старческих ногах, как будто с похмелья, и мотая своими высокими, набитыми паклей, шапками, которых тулья свесились на сторону.

Пробыв в Кологриве двое суток, я поехал в Чухлому и Соль-Галич.

Въезд в Кологрив по улице Романовской

ски, на берегу строятся суда. Избы у крестьян большие и каждый двор или усадьба занимает большое пространство, обнесенное загородью. Здешние крестьяне имеют прекрасный обычай жить большими семьями; два, три женатых и семейных брата живут нераздельно в одной усадьбе; если они не могут поместиться в одной избе, то строят в той же загороди другую отдельную избу. С высокого берега, на котором стоит деревня, виден город и скромные деревянные домики Кологривских мещан, которых крестьяне называют галками. Этот маленький и невзрачный городок находился прежде на правом берегу Унжи, в 35 верстах выше нынешнего места. В 1798 году, при открытии Костромского наместничества, город перенесен на настоящее место, где до того времени было

здешних огородах не созревают ни огурцы, ни ягоды.

Я въехал в город в то время, когда народ выходил из церкви. Все были скромно одеты: здесь не шеголяют нарядами. День был воскресный, базарный. На церковной площади расположены были в беспорядке возы с крестьянскими товарами; выпряженные лошаденки, малорослые и довольно тощие, стояли между оглоблями и подбирали на снегу охапки сена.

Я остановился в доме знакомого мне купца, гостеприимно меня приютившего. Комната моя, с маленькими окнами, с покатым к наружной стене полом, с выбеленными печью и стенами, на которых висели в рамках несколько картин и портретов московского изделия, примыкала к хозяйс-

«ОТ НАЧАЛЬСТВА НЕ УКРЫВАЛСЯ НИ ОДИН ПРОСТУПОК»

Поиски материалов к биографии В. В. Розанова вывели меня на документы Костромской духовной семинарии, в которой обучалось не одно поколение предков известного философа, писателя и публициста.

Дед Василия Васильевича, Федор Никитич Елизаров, закончил сие заведение в 1813 году, и поэтому семинария начала прошлого века вызвала мой особенный интерес. Невозможно, чтобы Федор Никитич не подал о себе знака, прошел (учились ведь самое меньшее 8 лет), не оставив следа. Но вполне возможно, что интересующие меня документы уничтожил горькой памяти пожар 1982 года: фонд изрядно опустошен, а многие листы сохранившихся документов погибают сейчас, расплываясь прямо на глазах, не дождавись своего срока реставрации. Последнее-то обстоятельство, собственно, и заставило меня отвлечься от основной цели поисков.

Да, ничего нового о деде В. В. Розанова найти мне не посчастливилось. И разочарование мое было бы полным, если бы ... не Преосвященный Евгений! Именно он с 1800 года принимает управление Костромской епархией. Отдавая должное хозяйственным и учебным делам семинарии, основной своей заботой Преосвященный Евгений считает все же «часть нравственную». Имея перед собою безусловно цель благородную, он предпринимает время от времени различные действия, способствующие ее достижению. Так, в 1805 году запрещены были (разрешенные, кстати, регламентом) поста-

новки комедий, ибо «... от семинарии не комедиантов, а проповедников и добрых пастырей ожидают»¹. В 1811 году отменены публичные диспуты и введены публичные испытания: умение рассуждать, спорить вытеснялось умением правильно и грамотно отвечать на вопросы. Наконец, «были сделаны инспекторы и из учеников (взрослые-то были и до него — И. Т.), которые следили за воспитанниками и в церкви, и в классе, и в квартирах; т. ч. от начальства не укрывался ни один проступок»². Никогда еще не были документы семинарии так интересны и объемны по информации, как во времена мудро организованного контроля. В размеренно-строгую череду указов о назначении, увольнении и перемещении, «покорнейших прошений» об определении «малолетних сынов» в обучение, о выделении помощи особо нуждающимся, рапортов о поведении воспитанников во время каникул и о поступлении новых книг в библиотеку ворвались отроческие и юношеские голоса, рассказывающие свою историю семинарии, по известным причинам не жалованную официальными изданиями.

«В Костромское Семинарское правление от ученика Реторики Павла Потехина.

Рапорт.

Сего 1807 года декабря месяца 20 дня соученик мой Николай Анонимов ноносил меня непотребными словами, в чем могут засвидетельствовать Семинарскому правлению мои же соученики, бывшие в то же самое время Федор Теплиновский, Макар Авдеев и

Федор Костров. Сей вышеозначенный Анонимов столько меня обидел, что я не могу стерпеть, дабы не объявить Семинарскому правлению, и потому прошу я, Потехин, разыскать оное дело, и потребовать причины от оного Анонимова, почему меня поносил такими непристойными словами?!

К сему рапорту вышеозначенный ученик /.../ руку приложил»³.

Оскорбленное чувство собственного достоинства ученика младшего класса Павла Потехина вполне было удовлетворено: «... Николай Анонимов за скверные слова, непристойные поступки штрафован был розгами». Вообще ученики младших классов за проступки различного свойства: неявку в срок после праздников, самовольные отлучки, пропуски занятий и проч. штрафовались обычно «чищением дорог около Семинарии», в особо тяжелых случаях — розгами. На старших имелись свои способы воздействия, да и шалости их были совсем иного характера:

«Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Костромской Духовной Консистории Костромскому Семинарскому Правлению.

Сего октября 1 дня Его Преосвященству оной Семинарии префект Иерей Иоанн рапортом между прочим представлял, что /.../ ученик философии Павел Соболев из начиненного порохом пера стрелял в келье во время вечера, а 12 числа того же сентября месяца, стрелял под вечер близ казенной бани из ружья ...»⁴.

Приказано: сей поступок семинарскому правлению рассмотреть и представить «с мнением» Его Преосвященству.

На требование семинарского правления правдивый ученик Богословия Никита Мегалинский с готовностью показывает: «... ученик ... Павел Соболев /.../ замечен был мною в стрельянии /.../ в келии во время вечери /.../ и близ казенной бани, и все сие чинил безо всякого позволения ...».

Картина в общем-то ясна, и только сам виновник «следствия» пребывает как бы в некотором недоумении: «... сего 1807 года сентября 10 дня выстрелил я из начиненного порохом перышка однажды не по злomu намерению, но потому, что сам не воображал, чтобы могли сей поступок почесть опасною шалостью. Ибо сие случается во многих местах — что для потехи стреляют из перышка, яко вещей мало опасных. Перышко сие начинено было мною весьма слабо. Пороху для забав побобных, тому у меня в запасе не водится, а сие малое количество, которое употреблено было для потехи, попало мне нечаянно от одного дворового человека /.../. Что же касается до стрельяния из ружья, то я стрелял не возле бани, а на другой стороне реки Запруденки, откуда никакой опасности для Семинарии быть не могло. — Ружье также было не мое, но постороннего человека, который мне попался нечаянно... В чем и даю сие показание /.../ Павел Соболев».

Но преосвященный Евгений, и вообще-то не питавший симпатий к комедиантам, поимел свой взгляд на происшедшее и «предписал резолюцией»: «... оправдание ученика Соболева нимало не уверяет меня в его степенности. Семинарскому правлению иметь за ним особый присмотр ...» В результате «ученик Соболев «был оштрафован «выдержанием неделю на хлебе и воде».

Не могу не отметить, что в резолюциях Преосвященный Евгений был краток, четок и по-своему оригинален. Так, например, на докладе о том, что старый мерин «не может более по причине старости служить» при семинарии, и что надобно бы решить вопрос о покупке другого, последовало ар-

хипастырское распоряжение: «Мерина за старостью от службы уволить. А на его место определить молодого и способного».

А вот еще одна жалоба.

«В Костромское семинарское правление ученика Реторики Сергея Островского

Рапорт.

Сего 1807 года прошлого февраля 28 дня шел я из Троицкой церкви после вечерней службы на свою квартиру и, проходя Власьевскую улицу мимо полиции, встретился с отсланными в военную службу учениками — Василием Радиковским и Павлом Белоручковым. Они же безо всякой причины,

Епископ Евгений

напавши на меня били кулаками по спине, по голове, по лицу, по ушам и пинали пинками. Что самое происходило при учениках /.../, которые о сем могут в точности свидетельствовать. От сих побоев, как я, низжайший, еще и до сих пор нахожусь в болезни, то донося Семинарскому правлению, об обиде мне нанесенной, прошу всепокорнейше, дабы оно, для защиты меня от подобных впредь быть могущих обид, отнеслось с жалобой к кому следует и к кому заблагорассудит ...»⁵.

Не знаю, какое наказание понесли обидчики Сергея Островского, но совершенно точно, что сам он к маю вновь твердо стоит на ногах. Более того, вместе с

группой друзей бойко доносит на некоего Ивана Левашова: дескать, семинарист этот постоянно «окажется в поступках противных правилам честности и целомудрия», а он, Сергей Островский, «лично усмотрел его /Ивана Левашова/ в непозволительном обращении с молодой /.../ квартиры хозяйкой ...» Невольно возникает вопрос: так ли уж «безо всякой причины» был бит «по спине и ушам» сей «ученик Реторики»?

Впрочем, из показаний ученика философии Алексея Звездкина «со товарищи» становится ясно, что старшекурсники питали слабость не только к прекрасному полу, — не чужды им были и «Вакха кубок пенный и звонких струн веселое бряцанье»:

«Доносит ученик Богословия Соболев, что он слышал на квартире моей почти непрерывное как бы пиршество бунтующих пьяниц обоего пола, и играющих в протяжении всего постыдного собрания то на скрипке, то на балалайке. Но сей донос есть совершеннейшая нелепость ...»

Далее цитировать невозможно — текст угасает, но по некоторым с трудом разобранным словам и полужразам ясно, что «непрестанные торжества и ... собрания» с возмущением и категорически отвергаются, причем в последовательности аргументов уже чувствуется знание законов риторики. «Ни пения, ни скрипки /.../, ни игры на балалайке в квартире моей никогда не бывало... Кроме того, когда учу братьев октоуху...» «...Почему Соболев мог знать, кто играл? — Сие пусть он докажет!...». И в заключение, без умысла сообщив, что /Соболев/ порочит «мою квартиру» потому, что «сам имел стол у женщины зазорного поведения» и хочет теперь на всех «распространить свои грехи» — «ученик философии Алексей Звездкин» энергично уверяет «в самой сущей правде» своих показаний.

Алексею Звездкину вторят его друзья и защитники, припоминая, кстати, что сам он, Соболев,

«не так давно просил Префекта разрешить переехать» на сию почтовую квартиру, — да что-то не вышло у него, а посему донос его несправедливый и мстительный.

Жаль, что семинарское красноречие не возымело действия ни на Ректора семинарии Архимадрита Августа, ни на Префекта иерея Иоанна:

«... Хотя Звездкин, признаваясь в изграни на скрипке, оправдывает себя тем, что сие делает по просьбе Сидоровского, желающего узнать скрыточные ноты, а не для собственного удовольствия, сопровождаемого бесчинным шумом, криком и топотом, однако /.../ сему давать веры нельзя, потому что он сим способом старается утончить вину свою... Так что его, как и /прочих/ оштрафовать в классе стоянием у дверей...»⁶.

Разного рода ведомости, списки, столь естественные для фонда любого учебного заведения, в делах семинарии нашего периода встречаются крайне редко. Но и те, что уцелели, содержат немало любопытного.

«Ученики, не исполняющие работу /класса/ Богословии:

Попов, Велиардов, Никольский — болен, Лебедев — болен, /.../, Высоцкий — ничего не работал, Рубинский, Добровольский — болен, Махровский — уволен, Никольский — упрям, Диев — ничего не работал ...»⁷.

Еще год остается учиться этим молодым людям. Мне не известно, как сложится в дальнейшем жизнь каждого из них, вот только о последнем из этого списка мы с уверенностью можем сказать, что будущий историк, этнограф, краевед Михаил Яковлевич Диев в скором времени не только отработал «долги», но и, явив собою пример благородного бескорыстного труженика, ученого-подвижника, оставил потомкам богатое духовное наследие.

Многие родители, служившие в городских церквях, брали на себя труд по обучению детей нотному пению. Семинарское правление

тому не препятствовало, но с условием положительных результатов на ежемесячных проверках. Итоги одного из таких испытаний представлены в ведомости. Две знакомые фамилии: Федор Голубинский — в графе «кто сколько знает» — отметка «до 8-го гласа», «кто как знает задание» — «исправно», Николай Островский — «весь» и «порядочно»⁸. Вы, наверное, уже догадались, что этим двоим суждено было сыграть весьма заметную роль в развитии отечественной культуры. Федор Александрович Голубинский — будущий студент и преподаватель Московской духовной академии, положивший начало русской теистической философии. Второй, Николай Федорович Островский, — отец знаменитого драматурга, имя которого особенно дорого костромичам.

А если мы снова откроем дела за 1807 год, то найдем там и автографы их отцов. Позволю себе полностью привести прошение одного из них — священника Благовещенской церкви Федора Островского:

«Сын мой, Николай Островский, и шурип Николай Кодешин ученики Поэзии, и другой сын — Геннадий Островский, ученик информатории, не имеют квартиры вблизи Семинарии, а живут в доме моем для удобного содержания их и для надзиранием над поведением их. Хождение их в Семинарию из дома моего, отстоящего от оной не менее трех верст, бывает с немалою трудностью и утратою времени. Я для облегчения их трудов и сбережения времени, желаю сам обучать их нотному пению. Чего ради всепокорно прошу, дабы благоволило Семинарское правление, реченных учеников, уволив от певческих классов, возложить на меня попечение в обучению их нотному пению ...»⁹.

И Николаю Островскому, и Федору Голубинскому домашнее обучение пошло на пользу: оба они показали на испытаниях хо-

рошее знание гласов октоиха. Но вот еще один документ, с которого начинается целая история, связанная с семинаристом Николаем Островским.

«В Костромское Семинарское правление Ученика Богословии Алексея Зыкова

Рапорт.

1812 года прошедшего февраля /не упомяну какого числа/ ученик философии Николай Островский отломал замок у сундука ученика Реторики Дмитрия Зотикова, в коем прежде хранились у него деньги. В чем, означенный ученик Зотиков объявил /.../ и приносил мне жалобу /.../. И по розыскании мною дела, оказался Островский виновным, в чем и признался мне, и деньги 40 коп. за отломанный замок отдал мне для удовлетворению Зотикову /.../. Отдавши мне деньги, пошел в свой покой и признался в оном своим товарищам Щекину и прочим. О чем благопочтенно Семинарскому правлению рапортую /.../»¹⁰.

«Против рапорта, поданного на меня Алексеем Зыковым, показываю следующее: я, Николай Островский, признаюсь, что я /только/ за своей книгой залез в сундук Зотикова, и, как у меня не было ключа, то я открыл сундук гвоздем, и не догадался — изломал замок или нет. Но после узнал, что замок изломан, и заплатил на замок Зотикову через Зыкова. А Зыков доносит, что у Зотикова лежали в сундуке деньги. А я, что в сундук ходил не для похищения, оправдываясь тем, что у Зотикова ни полушки денег не пропадало, и даже ничего, что было в сундуке, не утратилось, кроме моей книги, которую я взял. В чем и показываю суцую справедливость».

Как видим, провинившийся студент философии в основном не отрицает того, о чем сообщил Зыков, но в интонации его чувствуется затаенная обида. И для обиды этой есть причина, о которой не мог и не хотел рассказывать Николай Островский: оказывается, платил он Зыкову деньги «за то, чтобы тот не доносил на

него в Семинарское правление», а сениор и плату взял и «отрапортовал» куда следует. Чем закончилась для Николая Островского попытка незаконным путем извлечь свою книгу из чужого сундука, остается только гадать, но то, что в характере его простодушие соседствует с независимостью и вспыльчивостью, не вызывает сомнения. Не прошло и месяца, как все те же лица становятся героями еще одного происшествия.

«В Костромское Семинарское правление ученика Богословии сеньиора Алексея Зыкова

Рапорт.

Сего 1812 года марта 20 дня /.../ ученик философии Николай Островский сел за стол на место подсеньора, с коего места подсениор стал его сгонять. Раздразнился упомянутый ученик Островский и, схватив в ярости нож, пытался зарезаться. Чего испугавшись подсениор выбежал из покоя.

Дверь Островский запер на крюк /текст угас/... Через несколько времени подсеньор стал стучаться в двери, и когда ученики философии Петр Щеткин и /текст угас/ Никольский услышали стук и хотели отпереть, то Островский выскочил из-за стола с ножом /текст угас/ и по чрезмерной дерзости своей, махаясь ножом, порезал у тулуна правый рукав ученика Никольского /остальное сгорело/...»

Далее все развивается уже по знакомому сценарию.

Петр Щукин свидетельствует: «Поданный учеником Богословии Алексеем Зыковым на Ученика философии Островского рапорт в том, что он намеревался действительно зарезать ножом Никольского, ученика философии же, — утверждаю. Хотя в показании своем на оный рапорт оправдывал его: будто бы сие происходило от шутки. Но признаюсь Семинарскому правлению, что таким образом я поступил по усиленной просьбе всех моих товарищей, о чем испрашиваю извинения у семинарского правления».

Со стороны сочувствующей доносится такой голос: *«В рапорте, поданном /.../ на Николая Островского, показано много лишнего. /.../ Сениор написал все это в Семинарское правление для того, чтобы его испугать, ибо все между нами происходило по одной только шутке — в чем показываю полную правду. А то, что ученик философии Петр Щеткин и ученик Богословии Алексей Зыков писали в рапорте, что Островский намеренно угрожал Никольскому — сие ложно. Потому что Островский в шутке /задел только несколько тулупу Никольского...»*

Будущий же отец реформатора русского театра предложил свою версию происшедшего: *«Прошлого марта 20 дня я писал на подсеньорском месте стихи... Подсеньор меня с места в то же время сдвигал... Я совершенно не похвалялся никого зарезать ножом, дверей я никогда не запираю, и совсем /.../ не порезал тулуп у Никольского, что могут свидетельствовать /кто именно непонятно: текст угасает/».*

И я, заражаясь непосредственностью показаний Николая Островского, задаюсь вопросом — что если бы события приняли другой оборот? ... Молодой поэт... Зловредный его гонитель ... Вот уж и нож в руках ... Что, если бы?! ... И никогда замерший партер не запечалился бы вместе с Катериной о том, что «люди не летают, как птицы», и не будила бы в нас Лариса своим вечным и неповторимым романсом желание «погибнуть иль любить», и не прозвучал бы вдохновенный спич красоте и таланту провинциальной актрисы Сашеньке Негиной трогательного Мартина Нарокова ... Боже, как хорошо, что история не знает сослагательного наклонения! И в постановлении семинарского правления мы имеем счастье прочесть, что «... Островского, его собственными товарищами избличенного в азартности и наглости, простершихся до того, что у сотоварища разрезал казенный тулуп, оштра-

фовать /.../ в трапезе ношением чаши во время обеда /.../ и содержать на хлебе и воде. А подсениора, Никольского и Щеткина за разноречия в доносе и свидетельства ... шуткою бумагою /если только в самом деле происходила шутка! / на неделю /лишить/ обыкновенного стола, и довольствоваться только хлебом и водою, сажая ниже всех учеников...»

... Вот так жили семинаристы: влюблялись, устраивали пирушки, стреляли из перышков, играли на скрипке, писали стихи... А еще изучали греческий и латынь, математику, историю и философию и богословие. В числе выпускников семинарии — философы и историки, священники и писатели, врачи, учителя и просто образованные чиновники разных ведомств и учреждений, с благодарностью вспоминая старейшее на костромской земле учебное заведение.

А что же Преосвященный Евгений? — спросите вы меня. А Преосвященный Евгений, устав от земных трудов, мирно почил в Бозе, овеванный искренней печалью юных подопечных, столь докучавших ему несовершенством нравов, и для которых он ничего кроме добра не желал.

В 1812 году руководство Костромской епархией принял Преосвященный Сергей, но это уже другой период в истории семинарии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Н. Андроников. Исторические записки о Костромской духовной семинарии и Костромской губернской гимназии. Кострома, 1874. С. 39
2. Там же, с. 38
3. ГАКО, ф. 432, оп. 1, д. 21.
4. ГАКО, ф. 432, оп. 1, д. 21.
5. ГАКО, ф. 432, оп. 1, д. 20.
6. ГАКО, ф. 432, оп. 1, д. 30.
7. ГАКО, ф. 432, оп. 1, д. 27.
8. ГАКО, ф. 432, оп. 1, д. 27.
9. ГАКО, ф. 432, оп. 1, д. 21.
10. ГАКО, ф. 432, оп. 1, д. 30.

КЛАДЫ, ПАНЫ И РАЗБОЙНИКИ

II. ПАНЫ

Значительно больше кладов относит народная память к эпохе XVII века, когда в пределах костромского края бродили шайки поляков и литовских людей — «паны», представление о которых иногда отождествляется с понятием — разбойники. Любопытно, что в некоторых местах костромского края никаких воспоминаний о панах не сохранилось и даже не знают самого слова «пан», например в Уренском крае Варнавинского уезда, а также в Кологривском и в Галичском уездах легенд о панах не встречено, тогда как легенды о разбойничьих кладах здесь обычны. Многочисленные сказания о «панах» сохраняют в себе, как увидим ниже, элементы преданий, сложившихся в гораздо более раннюю, нежели смутное время, эпоху. В д. Душино, Солигаличского у., в семье крестьянина Ф. М. Максимова сохраняется такое предание, переходящее из рода в род: в 6 верстах от деревни, в лесной даче «Дичь», находятся пещеры, в которых жили паны-разбойники. Несколько раз паны приходили в д. Душино к прапрадеду этого крестьянина попить. В одно время паны были захвачены «на работе» и из тюрьмы прислали письмо к прадеду, в котором просили его сходить на их место и, идя на восток от пещер, в ключе взять кошель с золотом, а если от ключа идти в ту сторону, где солнце восходит в самый длинный день, так под сосной можно выкопать спрятанные два корыта с ружьями. Прапрадед Фед. Михайлова почему-то не ходил туда. Вход в пещеры уже обвалился, так что

размер их нельзя определить. «Крестьянин Максимов говорил мне, — пишет местный священник Н. Стригалева, — что он раз пробовал, глубоко ли уйдет в землю кол и кол уходил всего аршина на 1-1½, а дальше не пускало что-то твердое».

Верстах в 30 от деревни на берегу речки зарыто 40 кош. золота, 6 бердышей и 12 ружей. Есть также зазвонное колоколо. Озеро Паново (верстах 12 от деревни) названо, как говорят, так потому, что тут жили паны. Паны эти шли как-то в село ограбить церковь. Узнавши об этом, жители оставили всех, кто шел молиться, звали бить панов. Но убить их никак не могли. Пробовали отравить их угаром. Для этого в печь избы, где они располагались ночевать, набросали травы «багуну». От багуну они угорели, но остались живы. Старанья были безрезультатны до тех пор, пока один из панов не сказал, что их можно убить только трехгодовой осью из-под телеги. Этим воспользовались и перебили их.

В с. Борщине Костромского у. передавали: на том месте, где было с. Артемьево, есть колодец, в настоящее время заброшенный землей и камнями, но все еще заметный. По преданию, поляки, разграбив Артемьево, сбросили туда колокол и там же скрыли клад. Были попытки разрыть колодец, но они не увенчались успехом, ничего не могли найти кроме камней. О дальнейшей судьбе панов передает другой вариант легенды: в полуверсте от с. Борщина на берегу Волги одно возвышенное место носит название Пановой горы, когда-то покрытой дремучим лесом. Говорят, что поляки, пробираясь в Ипатьевский монас-

тырь, долго жили тут, требуя у местных людей перевоза на другой берег Волги. Перебравшись на другую сторону, они направились к Ипатию, но заблудились и все потонули в озере.

Село Баран Костромского у., по местному преданию, получило свое название от того, что поляки, заходившие в село, схватили, принадлежащего одной вдове барана, который, когда его зарезали, превратился в камень. Камень этот цел и теперь — он имеет овально-продолговатую форму. (Сообщ. И. Соболев 1900 г.). Многочисленные курганы с названиями «паны», «панки», «панские могилки» рассеяны по всем уездам Приволжья. С некоторыми из них, как, например, «Панская гора» у с. Воронья, в 1 версте от села к северу, Костромского у., связано предание о скрытом здесь отрядом поляков клада, с другими, как, например, курганы у д. Гороженица Ильинской вол., связаны предания, что здесь похоронены паны.

III. РАЗБОЙНИКИ

К циклу сказаний о панах близко примыкают излюбленные народные рассказы и предания о разбойничьих кладах и разбойниках, когда-то гулявших по Волге, Унже и Ветлуге, по дремучим лесам десятиверстного волока и другим торговым путям. Разбойничья кладовая эпоха приурочивается народной памятью ко времени, начиная с XVIII ст. по первую половину XIX ст., и прежде всего, конечно, ко времени Степана Разина.

В 2-3 верстах от с. Конева Ветл. у., на левом берегу р. Неи — курган «Чурбан». Местное население происхождения кургана связыва-

ет с легендами о разбойниках. В одном овраге на берегу р. Ветлуги, где теперь стоит д. Шилиха, жили разбойники, «недаром одному крестьянину посчастливилось найти здесь большую (арш. 1-1½) ржавый тесак, который, кстати сказать, он употребил на заклепки к топорам; другие находили колокольчики, кольца и бусы».

В Ковернинском уезде упорно говорят о кладе, находящемся на так называемой «Каменной Закладки». Это место — в лесу, на громадном Пеузском болоте, на границе четырех волостей — Ковернинской, Пелеговской, Юровской и Мамонтовской. Закладь эта представляет место, выстланное каменным плитняком, подойти к ней можно только с одной стороны, с остальных мешает болото и лес. Каменную Закладь нашли не очень давно, когда стали рубить просеки для устройства лесных дач. Но и сейчас не каждый найдет это глухое место. Здесь жили разбойники, ездившие с Волги по Унже, Шемохте и Пеузе в болото. Говорят, что и теперь в большую воду свободно можно проехать на Закладь с р. Волги. Крестьяне рассказывают, что здесь находили старинные кубки, железные палки и другие вещи. Передают, что в одной стороне Закладки находится очень глубокий омут, а среди омута плавает бочка на якоре, от времени покрывшаяся мохом, так что имеет вид кочки. В этой бочке есть указания на счет того, где находится клад. Но бочку достать нельзя — плыть к ней никто не решается, а лодку нести далеко, так как самая близкая деревня находится в 12 верстах. (Запись Н. А. Парфенова).

Верстах в 7 от с. Троицкого на р. Ветлуге находится деревня Городище, и невдалеке от последней «утесистый выступ, очевидно природный, но имеющий все характерные особенности тех холмов, на которых открывались признаки древних городищ. Утес этот несколько возвышается над уровнем прилегающей к нему террасы, с двух сторон он окружен оврагом и соединен с остальной поверхностью террасы узеньким пере-

шейком; этот утес называется Бабьей горой; про него существует следующая легенда: была здесь в стародавние времена разбойничья стоянка, жило здесь 12 разбойников, а атаманом у них была баба Степанида. Долго она ими верховодила и с ними выезжала на разбой, пока наконец не поссорилась со своей шайкой; ее убили разбойники и закопали тут же в землю. Теперь в осенние глухие ночи здесь слышен стон умершей без покаяния разбойницы, говорят, что будто она по временам показывается на этой скале, что ее не раз видели сидящей на краю утеса, пригорюнившись».

За Лялиной горой есть деревня под названием Бархатиха. Деревня эта буквально находится в лесу. Кругом нее нет человеческого жилья ближе как за 15 верст. «При-

ты знаешь ли кто мы? Не знаешь? Ну, так я тебе сейчас покажу!» — выпрыгнул разбойник и выхватил нож. Но, несмотря на усилия, встать с места не мог. Все семейные перепугались. «Ну, чего вы перетрусили!» — кричит молодка. — Ступай, батя, кричи народ, да вяжите их: теперь с ними нечего церемониться». Собрался народ и стал разбойников связывать, но какая-то невидимая сила мешала — оковы спадали. «Ткните булавкой им в ноги-то, — посоветовала молодуха, — пустите кровь, тогда свяжите». Сделали так и, действительно, удалось связать разбойников. Запрягли телеги, рассадили их и отправили в уездный город, где давно уж их дожидались».

Даже финское название посада «Решма» народной легендой приурочено к разбойничьему эпосу и

шли, это, разбойники в д. Бархатиху и остановились у одного крестьянина с целью сорвать с него свой разбойничий куш. Хозяева их угощают, всячески задабривают всем, чтобы они не так были требовательны и не так уж обрали начисто. В это время входит молодая сноха, прошла за пeregородку и не поклонилась гостям. «Ах, ты свинья такая! Ты нам не хочешь и кланяться!» — закричал один из разбойников, обидевшись ее невниманием. «Ты сам свинья, от свиньи и слышу!» — получил он ответ. «Как ты смеешь с нами так-то разговаривать! Да

осмыслено так. Когда Стенька Разин похитил у какого-то купца дочь и хотел ее обесчестить, она кричала: «режь мя» — режь меня и т. д.

«Давно в старину в нашей местности был лихой атаман разбойник Иван Фаддеич, огромного роста, косая сажень в плечах и красавец собой. Имел шайку из таких же молодцов, человек в двадцать, с которыми и делал набеги на помещичьи усадьбы во времена крепостного права. Горе было тому баринку, про которого слышал Иван Фаддеич, что он чем-нибудь да притеснял свою вотчи-

ну. Постоянное местожительство Ив. Фаддеича был огромный глухой бор Корево, где он умел всегда скрыться от преследования и где впоследствии оказался огромный клад, который многие видели, но взять его никому не удалось; он находится и по сие время тут. В описываемое время на большой горе, называемой «Холм», недалеко от деревни Афонасовки, находилась усадьба помещика Усачева, барина холостяка, в высшей степени развратника жестокого и самодура. Вот этому-то барину и понравилась в монастырской деревне красавица девица, единственная дочь вдовы, звали ее Татьяной. Усачеву захотелось во что бы то ни стало завладеть красавицей, и он в один прекрасный день явился самолично к старухе вдове и предложил, чтобы она дала ему дочь в горничные. Но старуха, зная хорошо распутство барина, наотрез отказала. Барин сильно рассердился, но не имея власти над монастырскими, ничего не мог поделывать и решил увезти Таню увозом, что в скором времени и исполнил. Вдова, хватившись дочери, догадалась, что ее похитил барин и, не долго думая, отправилась в усадьбу Усачева, стала требовать, чтобы барин отпустил ее дочь. Усачев до того рассвирепел на старуху, что велел ее немедленно отправить на конюшню и отодрать как сидорову козу. Старуха после такого угошения еле живая ушла из усадьбы, но недалеко отойдя, потрясенная до глубины души поступком барина и, зная, что дочь ее уже опозорена и что она нигде не найдет на барина управы, повесилась на сучке большой сосны. На другой день Усачев поехал на охоту и увидел старуху висящую на дереве и велел своим псарям похоронить ее в лесу недалеко от дороги, которая ведет в торговое село Колшнево. Таня долго не знала, что мать ее удавилась. Но когда впоследствии узнала, то часто можно было слышать вечерней порой, как она плакала и причитала на могиле своей матери, и бабы, которые заходили в этот лес по грибы, видали постоянно свежие цветы

на могиле давленницы. Это место с той поры стали называть «Бабой давленной». Однажды зимней порой в деревне Афонасовке, девицы сидели беседой в одной избе, пели песни и пряли, в это время дверь отворилась и в избу вошли как на подбор десять молодцов в нагольных полушубках и бараньих шапках, они все помолились на иконы и поздоровались с девицами. Девицы между собой переглядывались, спрашивая друг дружку, чьи это молодцы к ним пришли? Но никто не знал. Молодцы долго сидели в беседе, угощали девок пряниками и вином, шутили с ними и пели песни, а самый здоровый и красивый из них все время расспрашивал девок, как поживает барин Усачев. Девки рассказали все, что знали, рассказали и про Таню и про ее мать. «Довольно!» — сказал Иван Фаддеич (это был он), — будет, барин, потешился!» И с этими словами разбойники ушли. Все афонасовские мужики в эту ночь видели зарево над «Холмом», но никто на пожар не ходил. Только на другой день сходили поглядеть, что стало с усадьбой Усачева. На месте усадьбы были только обгорелые пни да стояли целыми печи. Ни скота, ни людей, не было никого. Между головешками много было обгорелых человеческих костей. С тех пор про Усачева не было ни слуху, ни духу, а на могиле по-прежнему часто были слышны плач и причитание Тани. Ее разбойники спасли, и она доживала свой век с атаманом Иваном Фаддеичем». (Зап. 11 февр. 1921 г. Н. В. Ячменевым в д. Афонасовке Шишкиной волости).

Прот. М. Диев сообщает еще о следующих здешних разбойниках: «Из подобных Фатечу в народной памяти сохранились: а) Бабаев Онуфрий, нерехтчанин; еще доселе свежо предание, что делал разбой на Арменской дороге, проживая в Сыпановом бору, пойман и повешен в Москве в царствование Петра I. Это должно быть в исходе XVII в. или в начале XVIII в., б) Гаранька-атаман; есть предание, что с шайкой он проживал в Келохтах — это лес от Сыпанова к

селу Княгинину, а от Нерехты на юг верстах в 3; соседние деревни не обижал, потому что у них брал с ночнины по ночам для воровства лошадей и за это часто поил соседей вином, для сего они нередко к нему ходили в гости; по рассказам заметно, Гаранька жил в половине XVIII века; Келохты тогда были очень пространны».

Из других разбойников, оставивших яркий след в народной памяти, которая при том приурочила их имена ккладам, известны атаманы Шапкин и Свеклин. Первый проживал с шайкой близ с. Воздвиженского и у с. Пыщуг, Ветлужского у. «В 10 верстах от с. Пыщуга, Ветлуж. у. за деревней Сосновкой скрывался разбойник Шапкин, совершивший убийство Кажировских монахов в 1713 г. В 1714 г., живя в упомянутой стоянке, один крестьянин д. Ерыкалихи нашел здесь корчагу серебра, из которого г. Дементьевым приобретены две серебряные рублевые монеты времени Петра I и Петра III (И. Миловидов — Нов. свед., 66 стр.).

«Жил разбойник, Валуи по прозвищу (в Буйском уезде). Сила у него была необыкновенная: один на 14 человек выходил. В своих деревнях никого не трогал, разбойничал по сторонам. Бывало с шайкой торопится куда-нибудь, навстречу едет бедный мужик на лошади: «Давай лошадь, на тебе расписку!». А потом, погода немного, к мужику в гости. «У тебя, слышь, Валуи лошадь отнял?». Мужик смеет: «Нет, не видал я Валуя!» — «Не видал, так на!» — и приведут мерина, что ни есть лучшего. Подземные навесы в версту — тройками там лошадей прятал. Попался как-то, церковь ограбил в одном селе. Все село кольями било. Думали, что убили, смотрят — на другой день гуляет, как ни в чем. Кровью, говорят, своей смазывал себя. Этим и заколдовывал — ничто не брало». (Расск. М. Ерунов).

(Публикуется в сокращении. Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. XXVI. Кострома, 1921 г.)

Евгений СТЕПАНЕНКО

Театральные традиции

ГОЛУБЫЕ ЛИСТЬЯ В СВЕЖНОЙ КОСТРОМЕ

В 60-е годы прошлого века впервые в России, в том числе и в Костроме, гастролировал знаменитый американский актер, трагик-негр Айра Олдридж. «Странствующий миссионер искусства» не только просвещал русскую публику светом бессмертных творений Шекспира, но силой своего огромного дарования и мастерства разрушал преграду языкового барьера, делал свою игру понятной для самых простых людей. Это о нем провинциальная публика с благодарностью отзывалась: «Чувства грусти, отчаяния, ненависти, любви, гнева, злобы и радости передаются Олдриджем так изумительно верно и так понятно для всякого зрителя, что, хотя бы, этот артист играл свою роль на китайском языке, было бы все равно».

С тех пор минуло почти полтора века, и на костромской сцене вновь зазвучала английская речь: новое поколение американских «миссионеров искусства» работает с коллективом старейшего русского театра над постановкой спектакля «Дом голубых листьев».

Автор пьесы Джон Гуэр, признанный в США одним из самых смелых современных драматургов, в письме, адресованном костромским зрителям, пишет:

«Постановка моей пьесы «Дом голубых листьев» в России в этот момент российской истории и именно в Костромском драматическом театре так тесно связанном с именем великого русского драматурга Александра Николаевича Островского, — чрезвычайно важное событие в моей жизни. Знать, что твоя работа пересекла международные границы — это такое для автора вознаграждение в самом глубоком смысле этого слова... Постановка этой пьесы для русской публики — сложная, рискованная, но чрезвычайно увлекательная творческая задача. Я приветствую режиссера Дагласа Хьюза за его смелость и желание превратить в жизнь этот труд с помощью переводчиков. Тот факт, что декорации спектакля создает американский художник Даглас Фитч, является свидетельством преемственности американской театральной традиции...»

Сам Джон Гуэр четверть века пишет пьесы об опасном умении человека грезить и о жестоких парадоксах человеческой жизни. Он страстный приверженец драматургии А. П. Чехова, и потому его пьеса «Дом голубых листьев» по мироощущению, пристальному исследованию психологии человека, манере письма очень близка произведениям русского

писателя. Есть в ней и лирическая грусть, и что-то от «Палаты № 6», да и элементы фарса не чужды. Джон Гуэр показывает обыденную, неприкрашенную жизнь, жестоко и бессердечно перемалывающую судьбы «маленьких» людей.

Режиссер-постановщик спектакля «Дом голубых листьев» Даглас Хьюз, выпускник Гарвардского университета, ныне режиссер Сиэттлского репертуарного театра, по собственному признанию, «рос вместе с Джоном Гуэром». В его послужном списке тридцать постановок как классических, так и современных пьес. В восьмидесятые годы Даглас Хьюз служил в Ассоциации содействия режиссерам США, преподавал на театральном факультете Института Линкольн Центра, работал режиссером в театре Манэттен Тиэтр Клуб, самом известном в Америке театре, ставящем пьесы современных драматургов. Одна из последних работ — спектакль «Дом голубых листьев».

Его-то два года назад и увидел директор Костромского драматического театра имени А. Н. Островского Сергей Дубов, который в ту пору стажировался в Сиэттлском театре. Увидел и высказал Дагласу Хьюзу пожелание поставить «Дом голубых

Последняя репетиция. Режиссер Даглас Хюз с актерами.

листья» на костромской сцене.

— С чувством глубокого волнения я воспринял предложение впервые в России и впервые на русском языке дать жизнь пьесе Джона Гуэра, — говорит Даглас. — Это предложение я расцениваю как большую честь именно себе лично, особенно учитывая тот факт, что ваш театр носит имя Островского. Я глубоко почитаю великого русского драматурга и несколько лет назад поставил его комедию «Лес».

— Но почему — «Дом голубых листьев»? — интересуюсь. — Насколько я знаю, пьеса имела в переводе и другое название — «Дом грустных расставаний»?

— «Дом голубых листьев» — звучит очень красиво. Но его не существует, — поясняет Даглас Хюз. — Это воображаемое место, куда мы пытаемся уйти, но где теряем надежду, что наше внутреннее «содержание» когда-нибудь сгармонизирует с тем, что нас окружает. Когда я ставил «Дом голубых листьев» в Сиэттлском репертуарном театре, на титульной странице моего экземпляра написал: «Бороться за то, чтобы быть здесь. В настоящей жизни. Убедать от грёз». И очень благодарен костромским

артистам за взаимопонимание. Они с такой самоотдачей, так психологически глубоко, эмоционально и заразительно сопереживают судьбы персонажей пьесы, что во многом превосходят своих американских коллег.

Возможность познакомиться русскую публику с творчеством неизвестного ей доселе драматурга Джона Гуэра, успех пьес которого, по отзывам американской критики, основывается на его невозмутимом романтизме, углубленном исследовании трагических и абсурдных явлений жизни, его природном инстинкте театральности, увлекла не только Дагласа Хюза, но и его соавторов по постановке — художника Дагласа Фитча и ассистентку режиссера и переводчицу Эрику Вармбрунн.

Даглас Фитч хоть и молод годами, но, как и его тезка Даглас Хюз, личность незаурядная, многоодаренная. Где и на каком поприще он только не проявлял себя.

По окончании Гарвардского университета Фитч работал в Венеции в мастерской дизайнера-архитектора Газтано Пеше, создававшего произведения призрачно-фантастического характе-

ра, а после того в Нью-Йорке у японского художника концептуалиста Аракова. Как ни странно, университетского образования Фитчу показалось мало и он отправился в Париж, где окончил школу поваров, получив диплом шеф-повара французской кухни. Однако сфера общепита его не увлекла, и Даглас Фитч стал студентом театральной школы Питера Айвера. Здесь он писал пьесы, выступал в качестве режиссера, сыграл множество ролей. Но и на этом не успокоился. Фитч загорелся идеей создания оригинальных проектов домов, мебели, стал одним из основателей и главным художником компании на Филиппинах, специализирующейся на создании произведений фангастического жанра. Его деятельность была отмечена стипендией Фонда Рокфеллера, получив которую, неутомимый Даглас Фитч отправился в Японию стажироваться как театральный художник. Совместно с Дагласом Хюзом им поставлено несколько спектаклей, последний из которых — трагедия В. Шекспира «Перикл».

И вот творческая судьба привела их в Кострому, где Даглас Фитч буквально днюет и ночует в театре, заражая своей энергией, жизнелюбием, творческой одержимостью всех работников технических цехов, причастных к изготовлению декорации, костюмов, бутафории к спектаклю «Дом голубых листьев». Несмотря на огромный объем работ (а оформление замыслено им воистину масштабное и впечатляющее), с самого начала процесс пошел в деловом темпе, ритмично и слаженно, без привычной нервозности, сопутствующей выпуску каждой премьеры, в чем немалая заслуга Дагласа Фитча. Его мягкости, деликатности, уважительного отношения к труду каждого создателя спектакля.

Искренне восхищаясь трудолюбием и высоким профессионализмом работников технических цехов, Даглас Фитч не перестаёт удивляться:

— Как может театр работать

нормально с таким количеством людей, обеспечивающих оформление спектаклей?

И его понимаешь. В Сиэттлском репертуарном театре в штате 8 актеров и около 100 тех, кто трудится над обрамлением для «золотого венца». У нас, как и во всех театрах России, все наоборот. Сложившаяся традиция давно переросла в серьезную проблему, ибо минули времена, когда оформление делалось на «подборе». Сегодня любая постановка требует нового «штучного» изготовления каждой малости, а кому

делать — рук не хватает. И перед каждой премьерой возникает трудноразрешимая ситуация: артисты готовы — цеха отстают! — порождающая далеко не творческие конфликты.

Кстати, несколько премьерных спектаклей вместе с костромскими артистами сыграет и американка Эрика Вармбрунн, выпускница Брайн Мавр Колледжа. Как актриса она приобрела известность, исполняя главную роль в грузинско-американской постановке «Сокол». Правда, последнее время Эрика больше тя-

готее к режиссуре. Как ассистентка работала с режиссерами-соотечественниками в театре имени М. Горького во Владивостоке, московском «Современнике». Эрика является автором и исполнителем синхронного перевода чеховской пьесы «Три сестры», которую театр «Современник» с огромным успехом показывал в Сиэттле на сцене Интиман театра.

И хотя в настоящее время Эрика Вармбрунн пишет книгу о своих приключениях во время путешествия, совершенного ею в прошлом году в одиночку на велосипеде через всю Монголию, Китай и Вьетнам, однако возможность приехать в Кострому в качестве ассистентки-режиссера, переводчицы и участницы спектакля оказалась заманчивее писания приключенческих мемуаров.

В свое время Айра Олдридж, выступавший в России как актер и режиссер, стал, по отзывам очевидцев, товарищем-учителем и другом-наставником многих русских артистов — как великих, так и безвестных тружеников провинциальной сцены. Здесь он испытал величайший успех и величайшее признание. В России нашел своих единомышленников и ценителей, потому что в его искусстве была та жизненная правда, которая так близка и дорога русскому зрителю.

Художественное осмысление жизненной правды наших дней и поныне остается высшим мериллом для театральных деятелей двух стран. Однако значение совместной русско-американской работы над «Домом голубых листьев» воспринимается сегодня намного шире. И тут нельзя не согласиться с Джоном Гуэром, который в обращении к костромским зрителям отмечает: «Постановка этого спектакля не только соединяет творческих людей из Сиэттла и России, но и позволяет связать поколения артистов, повествующих о своем времени на нашей планете. Работа Дагласа Хьюза позволяет зажечь еще один светильник, освещающий дорогу, соединяющую нас».

Фото Сергея КАЛИНИНА

Сцена из спектакля. В ролях: арт. А. Кашина, арт. В. Викторенко, засл. арт. России Э. Очагавия

ГРАФЫ МУСИЧЫ – ПУШКИЧЫ И КОСТРОМСКОЙ КРАЙ

ЧАСТЬ II.

Основанная Иваном Алексеевичем Мусиным-Пушкиным первая графская отрасль состояла из двух впоследствии пресекавшихся ветвей: одна, уже рассмотренная, от его старшего сына Платона, а другая от младшего — Епафродита.

В государственном архиве Костромской области удалось обнаружить ряд материалов, относящихся к внуку последнего — известному химику и минералогу графу Аполлосу Аполлосовичу Мусину-Пушкину (1760–1805). Биографию его нельзя назвать заурядною: отец его Аполлос Епафродитович (умер в 1771 г.) принадлежал к редким представителям русской аристократии, посвятившим жизнь науке. Он возглавлял Берг-коллегию, будучи ее президентом. Это почтенное учреждение управляло горно-рудной и металлургической промышленностью России, руководило строительством казенных рудников, металлургических заводов, организовывало геологические разведки. Президенту приходилось выезжать в долгие и дальние поездки то на Урал, то в Сибирь. Иногда он брал с собою семью. Не удивительно, что единственный сын его Аполлос родился не в Петербурге, а в Тобольске 18 февраля 1760 года и с раннего детства окунулся в мир естественной и дикой природы, что предопределило его будущую профессию. Однако вначале он пошел по военной стезе. Не исключено, что в этом участвовала мать Елизавета Федотовна Каменская (1731–1800) — родная сестра знаменитого фельдмаршала Михаила Федотовича Каменского (1738–1809), взявшая воспитание сына на себя, поскольку мальчик рано лишился отца.

С юных лет Аполлос был записан в лейб-гвардии конный полк. На службе по порядку получал чины, и вместе с тем с 1785 года продолжал ее при Высочайшем дворе камер-юнкером. Дослужившись до чина ротмистра, он в 1796 г. получил от

Императрицы Екатерины II камергерский ключ. В гвардии он дослужился до чина капитана, потом, перейдя на статскую службу, стал первым членом Берг-коллегии. Впоследствии получил чин тайного советника и орден Анны I-й степени. Открывшаяся придворная карьера не помешала ему в серьезных и углубленных занятиях естествозна-

Аполлос Аполлосович
Мусин-Пушкин

нием, и постепенно он вырос в европейски известного ученого. Его труды очень специфичны, как и вопросы, им изучаемые, например, «о причинах звучания водородного пламени в стеклянной трубке» или «предположения о общих понятиях селитры и об учреждении искусственной нитровки». Санкт-Петербург 1799 г. Всего ученым издано свыше двадцати трудов.

Ряд его работ остался только в рукописи: так, в 1803 г. он препроводил в Академию наук свое рассуждение о способе сделать платину удобною дляковки.

Граф Мусин-Пушкин совершил

ряд блестящих открытий в химии и минералогии: впервые получил хлороплатинаты магния, бария и натрия (1797 г.), выделил амальгаму платины, открыл хромовые квасцы (1800 г.), получил вольфрамат натрия.

За эти заслуги он был избран членом Петербургской, Берлинской, Стокгольмской, Туринской академий, а также Лондонского Королевского общества.

При всей своей занятости граф умел, однако, и отдыхать: выезжал в свет, на балы, участвовал в домашнем театре в качестве талантливого актера, в общем, был душой общества.

Его семья была немногочисленной: он сам, да жена княжна Анна Николаевна, урожденная Голицына. Детей они так и не завели. Родственный и дружеский круг графа составляли представители фамильного клана: Мусины-Пушкины, Голицыны, Каменские, Черкасские, Долгоруковы ...

Князь Долгоруков в своих мемуарах под названием «Капище» писал о А. А. Мусине-Пушкине, с которым он в молодости был хорошо знаком: «... вместе разыгрывали разные роли, живали в одном месте, одним кумирам поклонялись ...»

Граф А. А. Мусин-Пушкин владел обширными имениями в различных губерниях страны, в том числе и в Костромской Варнавинского уезда. Его костромское имение — село Лапшанга, Никольское тож, с деревнями располагалось при реке Ветлуге в шести верстах от уездного города. В ГАКО хранятся два дела, касающиеся этого имения.

Одно из них называется: «Дело по предписанию министра юстиции о доходе с вотчины графа Мусина-Пушкина, принадлежащем госпоже Каменской». Началось с письма тетки Мусина-Пушкина — Пелагеи Федотовны Каменской костромскому губернатору Николаю Ивановичу Кочетову, где она жаловалась, что с Варнавинских дере-

вень ее племянника собирается «по плутовству бурмистров» доходу менее, чем должно. В то время граф Мусин-Пушкин со своим управляющим англичанином Бердтом находился в Грузии в экспедиции и имения контролировала незамужняя тетка его Пелагея Федотовна, родная сестра знаменитого полководца Михаила Федотовича Каменского. Она мало понимала в подсобного рода делах. Как видно из документов, по вине господина Чекерляна, опекуна нижегородских деревень графа, произошло недоразумение: он принял оброк первого взноса в совокупности с недоимками предыдущего года за весь оброк 1805 года и поднял тревогу. Дело разрешилось, и мы могли бы поставить здесь точку, если бы не обнаружили в нем пару интереснейших документов предыдущего времени, а именно, два собственноручных приказа Аполлоса Аполлосовича своим варнавинским крестьянам и бурмистру. 1-й приказ написан 14 декабря 1799 года:

«Уведомлен я, что крестьян оной вотчины всякие промыслы против прежних лет гораздо преимущественнее вздорожали, то девятирублевый оклад отменяю, а определяю взysкивать с крестьян моих с будущего 1800 году вместо по девяти, по десяти рублей с ревизской души и с дворовых людей, то есть с 731 души. При сборе ж оного оброку иметь старание, чтоб не было никаких недоимок и крестьянам в том послабления не чинить, а если таковые окажутся, то не избегнут оштрафования. Собрать же оброк не на две половины, а весь одновременно и окончить в генваре месяце. Декабря 14 дня 1799 года. Подлинной подписал граф Аполлос Мусин-Пушкин».

О каких же промыслах упоминает в своем приказе помещик?

Дело в том, что Варнавинский уезд Костромской губернии славился своими лесами, и основными занятиями крестьян были рубка и сплав древесины. Из промыслов же наиболее распространены были бондарный, столярный, токарно-посудный, производство лаптей, берестяных изделий, саней и т. д.

Похоже, что крестьяне возроптали на повышение оброка, что вызвало следующий грозный приказ графа:

«Поелику крестьяне дерзнули против точного и саморучного моего повеления оказаться неповин-

ными и находят обременительную прибавку одного рубля к оброку и единовременный сбор оного, пользуясь величайшими выгодами лесными каковой промысел по нынешней дороговизне удвоить почти должен их барыши, то в наказание их буйства вместо одного я прибавил по два рубля с ревизской души, которые нынешний год собрать в две половины в будущие ж годы единовременно в течение февраля. Хутор для того не могу отдать для поселения деревни, что намериваясь в случае и в будущее время недоимок завести стеклянный завод и поташной намерен завести... Если паче чаяния, хотя малейшая противность от крестьян на сие повеление последует, то повелеваю бурмистру уведомить меня о именах неповинующихся, которые отданы будут на поселения. Присланные же от миру за вздорным прошением наказаны, что последует и с бурмистром, если впредь позволит против моих собственных повелений приходить от миру с просьбами. Подлинное подписал граф Аполлос Мусин-Пушкин».

Второе дело, касающееся имения графа и хранящееся в ГАКО, называется: «Производство палаты по делу господ Мусина-Пушкина и Волынского о спорных пожнях» (ГАКО, ф. 116, оп. 6, д. 458, 1804 г.)

Оно представляет собой апелляцию Аполлоса Аполлосовича на решение Варнавинского суда, решившего в 1803 году дело не в его пользу. А суть дела заключалась в следующем: крестьяне графа увезли с пожни на песку Кривовском по реке Ветлуге восемь стогов накопленного людьми Дмитрием Михайловичем Волынского сена под предлогом, что пожня принадлежала не Волынскому, а их хозяину графу Мусину-Пушкину. Решение суда полагало утвердить за крестьянами Волынского пожню и взysкать за увезенное сено с крестьян Мусина-Пушкина. Опротестовав решение, граф пытался доказать, что в купчей, на которую ссылался Волынский, от 23 августа 1770 года, по которой его сестре Анне Михайловне продано заводчиком Иваном Борисовичем Твердышевым недвижимое имение в Галичской провинции в Унженском уезде в Лапшангском стану в селе Никольском с деревнями, но в ней не была упомянута Кривовская пожня, в то время как она со времени межевания 1779 года да и после нее состояла во владении

крестьян его, графа Мусина-Пушкина, на что план и межевая книга имеются, а законом повелено план и межевую книгу почитать за настоящую на землю крепость. К сожалению, из-за неполного состава дела результат апелляции нам неизвестен.

Как уже упоминалось, в то время граф находился в геологической экспедиции на Кавказе для минералогических исследований. Он собрал в Араратских горах уникальную коллекцию камней и ископаемых и переслал их в Петербургскую академию наук. За долгое время, проведенное в Грузии, он вошел в доверительные отношения с царем Георгием и внушил ему мысль о воссоединении двух государств. Результатом их частных переговоров стало донесение А. А. Мусина-Пушкина к императору Павлу I: «Мнение графа Мусина-Пушкина о пользах, простирающихся от присоединения Грузии к России». А годом позже он послал в Государственный Совет свой проект о соединении, которое в конечном счете уже при Александре I и осуществилось.

Граф договорился с царем Георгием и об уступке грузинских рудников России для их обработки.

Сразу после присоединения граф Мусин-Пушкин едет туда еще раз, чтоб поставить в лучшее устройство горную часть, для чего он получил значительные капиталы. Кроме того, ему была поручена чеканка монет. Он успел изготовить медных денег на 100 тысяч рублей, но золотых и серебряных монет гораздо меньше. Полезная для России деятельность графа прервалась болезнью и последующей смертью (18 апреля 1805 года). Он прожил на свете всего 45 лет. Его друг князь Долгорукий говорил, что граф Мусин-Пушкин «человек придворный, но рожден был для наук, и упражняясь в натуральных изысканиях в Грузии, нашел конец своей там, где ожидал ученой славы. Лучше бы продолжал играть комедии, и может быть, он еще и теперь наслаждался бы физическими благами; зато он не боится уже так, как я, каменной болезни и не предан докторами в аренду лихим аптекарям. Худо умереть рано, а иногда и того хуже жить запоздавши».

Со смертью графа Аполлоса Аполлосовича пресеклась вторая и последняя линия первой графской отрасли рода Мусиных-Пушкиных.

ПОВЕСТЬ

ледующее важное воспоминание оснащено белыми пятнами, которых сегодня уже не запомнить.

Все началось на сломе зимы в дни затяжной слякотной оттепели. Сереньким утром дед провожал меня в детский сад. По мостовой, расшлепывая сапогами мокрый снег, шел взвод.

— Вон солдатики идут! — звонко поведала я миру.

— Не солдатики, а красноармейцы, — недовольно поправил дед.

В ту же минуту нас обогнал некто в длинном черном пальто и каракулевой шапке пирожком. Быстро на ходу оглянулся и словно сфотографировал наши лица прицельными водянистыми глазками.

Через день дед пошел в баню ... и не вернулся. Бабушка завололошно металась по квартире, роняя вещи и немецкие слова. Я забилась от страха в любимый угол между шифоньером и стеной.

Полагаю, что мама была в отъезде: она зачастила в Ленинград к дяде Вове.

Ночь и половина следующего дня прошла в странном безвременье. Никто не отвел меня в детский сад и не заставлял есть нелюбимую манную кашу. Я нашла в нашем громоздком дубовом буфете хлеб и варенье, а в кофейнике — остывший кофе. До этого случая мне не доводилось есть что-либо добытое собственной рукой. Я блаженствовала! А бабушка лежала в светелке на постели и дрожала так сильно, что позванивали шишечки на кровати.

Я волоком по полу притащила тяжелый, прозывавшийся у нас «буковинским» плед с дивана и накрыла ее им. Но колотун ее не отпускал.

Удивительно, но происходящее испугало меня ненадолго. Более того, свобода очень даже пришлась мне по вкусу!

Пепельный полузимний день угасал, когда к нам пожаловал незнакомый мужчина в военной форме. Крупное рябоватое его лицо почему-то мгновенно мне понравилось, и я исполнилась к нему доверия.

— Владимир Леонидович Гуссаковский здесь живет? — спросил гость.

— Это мой дедушка! — гордо сообщила я, без спроса открыв дверь.

От выпитого кофе голова моя слегка кружилась, но мир казался расширившимся и многообещающим.

— А взрослые-то есть кто — нет?

— Вон бабушка ...

Он прошел за мной в светелку, глянул, качнул головой:

— Намаялась, спит. Бельишко-то дедово найдешь? Обокрали его в бане начисто.

— Я попробую ...

Непонятный человек помог мне собрать, что надо, сама бы я не справилась.

— Пойдем со мной, отнесешь. Не бойся, не обижу.

— А я и не боюсь. Пойдемте!

И мы отправились уже в полных сумерках куда-то в сторону центра города.

Мужчина шел быстро; несмотря на природную прыть, я с трудом за ним поспевала. Не знаю, на какой улице мы в конце концов оказались.

Но на всю жизнь запомнила комнату, куда меня привели и где велели ждать деда.

Большая, с черным от копоти и сырой плесени потолком, она была перегорожена залосненным барьером. За ним — стол с бумагами, лампа и очень усталый, охрипший от ругани, молодой человек в форме.

На барьере висела боком пьяная баба с разбитой рожей. На одной босой ноге валяный опорок, на другой — калоша. Она все время вытирала кровь рукавом кацавейки и скулила:

— Убили ... убили ...

На полу в уголке на корточках притулилась пестрая цыганка. А на лавке, вжавшись друг в друга плечами, сидели двое вороватого вида мальчишек, изо всех сил старавшихся отстраниться от чужого мрачного мужика на той же лавке.

Цыганка, увидев меня, бесшумно и легко, как кошка, встала и пошла ко мне, расплываясь в улыбку:

— Ой, какая красавица к нам пришла! Ой, какая шапочка на ней!

На мне был лиловый бархатный капор, отороченный белым мехом муфлона — мамино изделие.

— На место! — скомандовал ей мимоходом мой провожатый.

Цыганка нехотя отступила, а он исчез за неприкрытой дверью.

На меня больше никто не обращал внимания, и я всеми порами впитывала в себя больные, отравленные образы незнакомой доселе жизни. Никогда

Продолжение. Начало — "ГД" №2/94, 4/94, 5/94.

прежде я не дышала табачно-винным перегаром, не ловила хитрых, ускользающих и боязливых взглядов. В этой комнате сами стены пропитала беда и черной слезой стекала с подоконника.

Дверь снова открылась, и я увидела деда в той одежде, что мы принесли. И того же человека. Дед сердито сокрушился:

— Ребенка-то зачем привели?

— Ну, а как же иначе? Вещи ваши, не мои, должен ведь кто-то присмотреть, что все принесено? — рассудительно ответил рябой.

Дед махнул рукой и позвал меня:

— Идем отсюда! Как вы там обошлись-то без меня? Как бабушка?

— Бабушка все дрожала, я ее укрыла! А теперь она спит! — беспечно сообщила я.

Мы пошли домой уже в полной темноте. Даже не знаю: существовало ли тогда уличное освещение? Что нашу улицу имени Трудовой школы им обделили — это точно. Но мне нравилось всматриваться в знакомые и одновременно чужие громады домов. Ночь лишила их очертания твердости и сделала неузнаваемыми. Улица стала шире, дома — выше, а в небе над ними в узкой промоине среди облаков благобно мерцали звезды. Страх ко мне так и не пришел.

Что еще я знаю о происшедшем?

Деда действительно обокрали в бане. До самой смерти он жалел о неизносимых брюках из альпака, которые увели воры ...

Но из ближнего с баней и никогда не пустующего отделения милиции его в банной «разменной» рванине увезли в другое место. Оказалось, что некто (тот, в шапке-пирожке?) донес, что опознал в деде белого офицера. Однако выяснилось, что речь шла не о гражданской, а о русско-японской войне. Да, скорее всего, опять встала за дедовыми плечами мученическая охранительная тень сына-комиссара ...

Так или иначе, деда препроводили обратно в милицию, а за вещами послали «агента». Не ошибусь: доброго и честного человека. Знать бы, чем он кончил? Вряд ли хорошим ...

Не такие кадры ковала эпоха.

Чуть позже еще и арест отца коснулся нас скорым и поверхностным ночным обыском.

Незамысловатая книжка его, что сейчас лежит передо мною, спаслась у меня в постели. Ребенка тревожить не стали, да и вообще искали не лихо. «Конфисковали», вероятно на память, бабушкин золотой браслет с рубинами. На том и успокоились.

Больше с главным и вездесущим учреждением того времени наша семья дела не имела.

из-под этого камня выбилась и потекла через всю мою жизнь река неисполненных желаний.

Зима и весна борются из последних сил. То зима захлестнет стекла мокрым снегом, то весна развесит по карнизу веселую канитель сосуллек.

И у мамы настроение под стать погоде: в иной день на нее не угодишь, и я — Ольга; в другой она с утра, поливая цветы на окнах, напевает арию Миньон, и тогда я — Тотошка. Поет мама так красиво, что сердце замирает от трогательной мелодии.

В светлый день, когда на помощь весне и сосулькам прилетели грачи, мама сказала:

— Пора цветы пересаживать. Поедем сегодня за землей. В садик можешь не ходить.

— Ура! — я запрыгала от радости.

Ехать за землей — это целый поход через весь город, в конец улицы Шагова. Но мне чем дальше, тем лучше! И я никогда не бывала до этого в теплице, а там — цветы!

Мама не могла не заразить меня цветоводством: слишком была велика сила ее собственного невостребованного таланта.

Кто-то, не умея читать, рассматривал картинки в книжках сказок, а я — в «Комнатном цветоводстве» Гейсдорфера, книге мудрой и забавной благодаря вставкам ее переводчика. Жили на тех рисунках цветы очень мне нравившиеся: страстоцвет, розы. Нейтральные: все кактусы. И неприятные, даже пугающие: бромелиевые и алоэ.

Но попасть в теплицу! Я начала поскорее одеваться: вдруг мама передумает? Хотя и знала, что она не меняет решений.

И вот мы вдвоем возьмем санки с двумя ведрами и корзинкой (на случай цветочной покупки).

Весна одолела-таки зиму. Небо, в прогалах облаков, глубокое и синее. Солнечные лучи счистили с него линялую зимнюю белизну. Санки то и дело дергаются, споткнувшись о вытаявший навоз. Провожая нас, на старых березах орут грачи. И, возможно, недоумевают: деревья целы, а где же церковь, что стояла в их кольце? Куча щебня... Успели снести за зиму храм, где меня крестили. Но я лишь краем глаза замечаю перемену. Меня больше занимает, что у кого на окнах растет и цветет. Богатство невелико: розовые колокольцы амариллисов на высоких стрелах, да кое-где ранние шапки гераней, либо их родственниц — пелларгоний.

Мама вспоминает: вот в этом окне «прежде» жили орхидеи, а в том непременно по весне стояли вазоны с выгнанными ландышами и нарциссами. Еще дальше всегда в эту пору зацветала камелия.

Революция и цветов не пошадилась ...

Не помню, как мы прошли весь неблизкий путь. Скат с пологой горы — и вот они, теплицы горзеленхоза. Не одна, их много.

Влажный теплый воздух, напоенный землей и зеленью, показался мне райским благоуханием, хотя в нем явственно присутствовал и навоз.

Под стеклянной мелкоячеистой крышей переливался лиловый шелк примул, начинали распускаться ромашки цинерарий непредсказуемого оттенка, клонились от изысканной слабости бутоны роз — все мои давние знакомые.

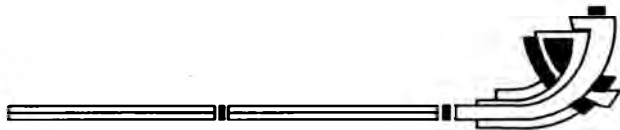
Но всего на одном стеллаже словно нежнейший сиренево-розовый туман клубился над площадками невысокого мелколистого кустарника.

Звездчатые цветы его были непрочны, как морозный узор на стекле! Темные округлые листья зябко прятались в белой шерстке. Не видела я такого цветка у Гейсдорфера!

— Понтийская азалия... — буднично сказала мама.

— И как хорошо выгонка удалась!

Она заговорила о чем-то с подошедшим стариком-садовником. Я не слышала ни слова. В голове пронеслось: «Понтийская... Понт Эвксинский...

Язон... золотое руно .. Медя... в саду волшебницы
цвели азалии ...»

Я глаз не могла отвести от чуда. И, конечно же,
просительню тронула маму за руку:

— Мам, мы купим азалию?

— Ну, что ты! Ей не выжить и дня в нашем дыму.
Азалии очень требовательны к воздуху и свету, — без
видимого сожаления ответила мама.

Никогда до этой минуты я не задумывалась:
хороша или не очень наша квартира?

В «скалозубовском» и соседнем «москвинском»
доме она считалась лучшей. Наталя говорила мне:

— Вы, баре, в трех комнатах телитесь, а мы с
мамкой в одной живем!

— Зато твоя мамка в партии! — не без тайного
схидства напоминала я.

— Да что в партии-то? — сомневалась Наталя. —
В партию приняли, а куда не выбирают, говорят,
малограмотная. Все равно жизни нет! У вас хоть
квартира ...

И вот — плохое оно, оказывается, наше жилье!

— Мама, а если на окно в светелке? Там солнце ...

— А розы куда? Сама же черенки принесла... Да и
рамы там негодные, азалия от сквозняка тут же
листья сбросит.

Ну, вот: и рамы у нас «негодные»! Внезапное
горькое открытие обесило меня, я даже присела
на перевернутую корзину в углу теплицы. И тут же
получила:

— Ты что это раскисилась? Вставай! Нам ведь
санки-то с землей в гору везти.

А я и не заметила, когда в ведра успели насыпать
землю. Корзинка осталась пустой.

Каким неодолимо высоким показался мне улич-
ный въезд... Когда мы уходили из теплицы, я не
оглянулась. Чувствовала: увижу еще раз зыбкий
сиренево-розовый разлив цветов и не смогу уйти.
Прикует ноги сила неисполненного желания.

И, конечно же, не понимала, что впервые сумела
свое желание смирить, чем и обрекла себя на вечное
поражение в жизненной борьбе ... Побеждает лишь
тот, чье желание — закон.

Тянулся вверх бесконечный, обтаявший до бу-
лыжника подъем. Скрежетали по нему потерявшие
ход полозья тяжелых санок. Я изо всех сил подтал-
кивала их сзади, но размышляла о нашем доме.

Изнеженная красота цветов осветила, как фона-
рем, его действительное убожество.

Солнце заглядывало к нам только в окно холод-
ной светелки. Окна двух других комнат слепо шури-
лись, отвыкнув от света. Его заслонял неодолимый
красно-кирпичный брандмауэр.

Высокая железная печка «унтермарковка» быстро
накалялась, но с той же скоростью и расставалась с
теплом. В сильные морозы углы куржавели от инея.
Печурка в светелке тоже грела мало, а дымила
сильно. На углах вечно плачущих подоконников
висели бутылки с тряпичными фитильками.

Ничего похожего я не видела в садике, где всегда
хватало тепла и света, но ...

— Мама, — неуверенно поинтересовалась я, — а
может быть, в квартире, как у нас в садике?

Она поняла:

— Конечно, может! А ты хотела бы в такой
квартире жить?

— Спрашиваешь! — ответила я по-дворовому.

Мама осуждающе покачала головой:

— Опять наслушалась Натали! Так не говорят.
Нужно ответить простым подтверждением. Что же
до квартиры, то, может быть, жизнь твоя скоро и
переменится. Подожди!

В другое время я бы, ничем внешне того не
проявляя, внутренне извелась от любопытства: что
за странное обещание?

Но в тот день я словно бы и не услышала сказан-
ного: меня покинула сила желания, а с ней и
любопытность.

Даже единственная в году пересадка цветов и то
уже ничего радостного не обещала. Пусть мама сама
возится с капризным кактусом «Царица ночи». Все
равно он в нашей жалкой темной квартире никогда
не зацветет.

...Сейчас у меня на диво соседкам среди зимы
распустились махровые, как розы, пестрые соцветия
индийской азалии. Это мое приобретение и мой
успех. Но как далеко ее словно из пластмассы
отлитым розанам до бестелесной прелести немахро-
вых звездочек азалии понтийской ... В замене одного
на другое — сама жизнь. Лишь недостижимое счастье
никогда не надоедает и не теряет шемящей сердце
красоты. Достигнутое, осязаемое — крикливо вы-
ставочно и грубо.

...ядя Вова приехал внезапно, когда первая
зелень осияла березы. Он подарил мне
небольшой террариум, перегороденный
стеклом надвое. В каждом отделении
сидело по красноглазому, в мясницких
черных волосах, пауку-тарантулу. В высокой банке
в бесконечном вежливом поклоне замер рукастый
богомол, похожий на скрипача Чижевского.

Мама поинтересовалась:

— А почему тебе было не привезти пару кобр и
варанчика среднего размера? Очень милые жители ...

— Пусть интересуется насекомыми, — ответил
верный себе дядя Вова.

Кроме того, он привез невиданные мною прежде
тоненькие колбаски под названием «сосиски». При
укусе они стреляли белым соком. И коробку конфет
с красивым и почему-то печальным названием «Шан-
теклер».

Моя жизнь забурлила. В первый же теплый и
светлый вечер мы отправились за Костромку, где в
луговых старицах кишела водяная живность.

Косые лучи солнца просвечивали до дна чайно-
коричневую воду. По устилавшей дно жухлой траве
тащились ручейники в панцирях из песка и тех же
травиннок. Шныряли головастики, за ними гонялся
златокайменный жук-плавунец. Сама по себе гуляла
изгибистая черная личинка мухи-львинки. А вот
нужный нам тритон не попадался! В утешение сло-
вили того самого плавунца: пусть не отравляет
головастикам жизнь.

Большого черно-желтого тритона дядя Вова вы-
смотрел-таки среди корней сусака. Я бы ни за что его
там не увидела: корни темные, пятна падающего на
воду света — желтые, попробуй-ка угадать, где среди
неверного мерцания света и тьмы прячется водяная
ящерица?

Да и поймать хитреца смог только дядя Вова, от меня бы он ушел ... А вот почему дядя Вова не посмотрел, куда я добычу посадила — не знаю. Надо полагать, отвлек его какой-нибудь перепончатокрылый летун. Я же спокойно отправила тритона в банку с каемчатым плавунцом. Когда мы пришли домой, обнаружилось, что жук шныряет вверх-вниз очень довольный жизнью, а выпотрошенный тритон плавает кверху оранжевым брюхом. То-то горя было!

Впрочем, и среднеазиатские дары дяди Вовы у меня не зажились. Я, конечно же, не утерпела и подняла стекло, разделявшее свирепых тарантулов. Только брызги да мохнатые лапы полетели. С тех пор я наглядно представляю, что означает расхожее: «Пауки в банке».

А изящный богомол тихо угас под нашим, для него негреющим солнцем. Его я очень жалела.

Что дядя Вова приехал не ради меня, я поняла быстро. Уже не дедушка, а он страстно спорил о чем-то с мамой. Но французского языка я не понимала по-прежнему.

Уехал дядя Вова так же внезапно, как и появился.

А еще через несколько дней к нам вместе с мамой пришел высокий худой человек с пристальным, словно впитывающим взглядом серых глаз и густой щеткой полуседых усов над нервным ртом. Кабы не этот неуверенный подрагивающий рот и не больная желтизна лица, его можно было бы назвать даже красивым: стати хватало.

— Знакомся, — не своим, гораздо более низким голосом сказала мне мама: — Это Николай Андреевич. Он будет моим мужем, а тебе — отцом, и мы станем жить вместе.

Отцом? Я не знала, нужен ли мне отец? В детском садике у многих отцов не было и как-то обходилось. Хлесткое словцо «безотцовщина» жило только на нашем, скандальном и нищем дворе.

Николай Андреевич натянуто улыбнулся:

— Мы подружимся с тобой, Оленька, ведь так?

В глуховатом его голосе я почувствовала лести-вость, но не нашла ни капли тепла. Более того, мгновенно и бесповоротно я поняла: этот человек меня не любит, более того, я чем-то ему мешаю.

— Нет, я не буду с вами дружить, вы — злой! — безапелляционно заявила я, решив про себя, что сказанного вполне достаточно.

Наступила неловкая пауза, которую разрядила бабушка, позвавшая нас пить чай.

Возле своей чашки на блюдечке я обнаружила блестящую маленькую морковку и огурчик, словно бы вылепленные из пластилина.

— Попробуй, это марципан! — предложила мама.

Я надкусила огурчик и тут же положила его обратно:

— Не хочу! Марципан противный!

Лакомство мне и на самом деле не пришлось по вкусу. Кроме того, я поняла: принес его Николай Андреевич.

С этой минуты я объявила войну человеку, который на самом деле без мамы жить не мог, но которому по этой же причине было немило все, что отвлекало ее от него.

Он нисколько не был виноват в собственнической своей страсти. Так же, как и я в отрицании его фальшивой доброжелательности.

Общим результатом случившегося оказалось то, что мама переехала к Николаю Андреевичу в ту самую квартиру, где не дымили печи, не промерзали углы и не текло с окон, а я осталась с бабушкой и дедушкой в прежних аварийных хорамах.

Сколько я ни читала о подобных случаях, всегда описываются тяжелейшие переживания осиротевшего при живой матери ребенка.

Не могу принять это на свой счет: дед всей мощью своей огромной души заслонил меня от беды. Теперь мы принадлежали друг другу и почти никому больше.

Я привыкла, как к собственным, к его смешным приговоркам. Если я начинала выводить его из терпения, надо мною звучал металл латыни: «Квоус кветандем, Катилина, абутере пациенциум нострум?» И я знала: надо подчиниться, иначе дед вспылит не на шутку. Если мы опаздывали в садик, что случилось нередко, он непременно приговаривал: «Вскипел Бульон, потек во храм ...». А коли сморожу глупость, он скажет: «Дон Сезан де Базар!» Я уже знала: на заре своей театральной карьеры так доложила о приходе героя драмы Гюго моя прабабка. Часто он повторял: «Все это было когда-то, только не помню когда ...» Или, при виде очереди: «У приказных ворот собирался народ густо...»

Все его присловия, саму манеру речи — неожиданно метафоричной — я несла в детский садик и там вгоняла воспитательницу в грусть-тоску. Она не могла понять, что из этих странных слов говорить «можно», а что «нельзя».

Нет, днем я не скучала по матери. Она тревожила меня в снах. Часто я просыпалась от слез, не помня и не понимая, что произошло.

Мне не возбранялось посещать маму, когда захочу, но я не злоупотребляла этим правом.

Цветы мама перевезла к себе, и через полгода на просторных подоконниках ее нового жилья цвел и даже плодоносил райский сад. Мама где-то добыла деревца привитых лимонов и мандаринов, они вскоре изукрасились гирляндами желтых и оранжевых плодов.

Я ходила к маме в гости, возилась с ласковой рыжей собачкой Игрушкой, оставшейся от прежних жильцов. С замирающим сердцем упивалась музыкой, приносимой неслышанным мною прежде радио.

Но никогда не оставалась там надолго. Что-то в самом воздухе светлой и теплой квартиры давило на сердце и поскорее гнало на улицу.

нашем бедном, многоплодном доме новорожденные не переводились. В какую квартиру ни зайди, болтается в углу зыбка, а в ней захлебывается в безответном крике красный сморщенный младенец. Равнодушной рукой сунет ему соску бабушка, хитрющая сестренка качнет зыбку раз-другой, да и сбежит во двор. Отец и мать где-то строят светлое будущее. То ли на лесопилке по колено в воде, то ли на ткацкой фабрике, задыхаясь от въедливой столетней пыли. Вернется мать — сунет потную титку, коли молоко не перегорело. Выживет непрощенный гость — ладно. Нет — сколотит ему невеликую домовину умелец Тягунов и сквозь слезы вздохнет семья с облегчением.

Со своим братом, Андреем, я познакомилась вьюжным февралем по возвращении из садика. Он лежал в широкой корзине, заменяющей люльку, и спал. Никогда я не видела такого белого и благобно спокойного дитяти. Я даже тихохонько коснулась пальцем его щеки: настоящий ли? Он не проснулся, только моргнул сквозь сон. Мама приехала из род-дома с Андреем к нам, потому что помнила муку мученическую со мною и рассчитывала на помощь бабушки.

Но Андрей своим здоровьем и спокойствием настолько мало, сравнительно, требовал сил, что она скоро перебралась с ним обратно к мужу.

Как я отнеслась к появлению брата? Трудно сказать. Он выглядел для меня принадлежностью той новой маминой жизни, где мне не находилось места. Поэтому я много-то о нем и не думала ...

Тем паче, что меня опять водили к невропатологу и поили бромом: дед впервые в жизни взял меня в кино. И не на детскую сказку, а на взрослый жестокий фильм «Александр Невский». Почему? Сейчас я понимаю: он чувствовал, что жить ему остается немного, и хотел, не глядя на возраст, приобрести меня ко всему, что считал ценным. Иногда попадал в цель, как с чтением Карамзина, иногда ошибался, как с непереносимо жутким фильмом Эйзенштейна, но он все равно успел сделать мою душу зрячей.

Потихоньку я и сама почитывала. Выбор, конечно, тоже был диковатым. Сначала «Легенды о Христе» Сельмы Лагерлеф, потом роман Гюго «Ган Исландец», а дальше я, видимо, у кого-то во дворе добыла повесть Фраермана «Шпион». Книгу с таким названием, да еще советского автора, мои близкие никогда бы мне не купили.

Но привлек-то меня в ней не довольно глупый детективный сюжет, а завораживающий мир приморской тайги. Светлое Японское море, в котором корейский мальчик Ти Суеви вместе с отцом ловил серебристую рыбку — иваси. Черные пихты и голубые ирисы в прибрежной тайге.

Я воочию видела таежную синюю красоту. Когда спустя много лет встретила с ними, подлинными, несколько не удивилась, что они именно такие и есть: муарово-синий треножник на гордом стебле.

етом мама предприняла последнюю попытку соединить несоединимое: мне сказали, что я вместе с ней и маленьким Андреем поеду в сельцо Манылово, где живут родители Николая Андреевича.

Меня, прежде всего, озадачило: мы отправляемся в гости к сельскому попу.

Все годы, пока не снесли ближнюю церковь, вдоль заборов нашей улицы кротко семеня старичок с длинными серо-седыми волосами, падавшими на заношенный ворот ряски. Скорее всего дьякон.

Уличной ребятне это было без разницы. Завидев его, вся шарага устремлялась следом, вопя:

— Гром гремит, земля трясется! Поп на курице несется!

Само собой, не отставала и я, благо голос достался звонкий.

Однажды меня из стаи за ухо выудила дедова сердитая рука:

— Не смей издеваться над старостью!

— Так это же поп! — простодушно попыталась я оправдаться.

— Ну, так что же? Разве он не человек?

— Не знаю ... Попы жадные! — искала я себе защиту.

— И это не имеет значения. Он — старик. Травить его стыдно.

Вот и все, что я услышала тогда. Ни слова о христианстве, о высоком долге служения Богу.

Иконы с ободранными серебряными окладами валялись у нас в чулане. Божье имя не упоминалось ни всуе, ни во благи. Его просто не существовало в обиходе семьи. Меня не выучили ни одной молитве.

Я знала, что такое Ветхий и Новый завет. Однако мне точно так же был введом и смысл других мировых религий. Христос для меня не оказывался значимее Будды или Аллаха.

И вот — я еду к самому настоящему попу! Смешно и немного страшно почему-то.

Я только много лет спустя поняла, что мама всегда хотела видеть во мне то, чего у меня не имелось.

В данном случае меня решили сделать ангелом, несмотря на ободранные на чердаках и деревьях локти и коленки.

Об астрологии я и не слыхивала: лженауки дед презирал. Поэтому понятия не имела, что родилась под знаком Обезьяны. А знала бы, так не удивлялась своей опасной страсти к любой высоте. Конек ли углой крыши, шаткая ли вершина старой березы — все едино. На память о тех обезьяньих подвигах осталась мне сегодня травма позвоночника. Но мама жила не со мною и, может быть, даже и не знала, где меня носит нелегкая.

Из куска белого пике мама сшила платьице и сама же изукрасила его вышитыми розовыми гирляндами. В таком наряде только и оставалось идти, щепотно ступая и держась за ручку. Светлые легкие мои волосы стянул огромный пунцовый бант.

Очень жаль, что меня не догадались тогда сфотографировать! Воображаю, как чужеродно вся эта помпезность выглядела рядом с выражением моего, отнюдь не ангельского лица.

Сойдя с парохода, мы пошли сыпучим песком прибрежного пляжа. Не прошли нескольких шагов, как прямо под ногами я увидела сизо-лиловую витую окаменелую раковину:

— Мам, я амманит нашла! — сообщила я радостно.

— Ничего странного, — безразлично ответила мама. — Здесь выходят юрские пески и окаменелости попадают часто.

Ох, не ко времени сказала! Я тут же, сломя голову, помчалась вдоль берега, как гончая собака. Успела, пока меня не остановила мама, усмотреть еще и «чертов палец» — белемнит. Но тут получила шлепка, заревела со злости и в виде протеста содрала с головы бант.

Так, в отнюдь не ангельском чине, и прибыла в просторный дом отца Андрея Писаревского.

Сельцо Манылово невеликостью и небогатостью скорее напоминало деревню.

Раскинулось оно на вершине испаханного до бесплодия холма. Про землю тут говорили: «Супесь вертячая» и не ждали от нее доброго урожая. Жили огородами, скотиной да близостью городского базара.

У подножия горушки клубился и кустился сорный болотистый лесок, и застряла в берегах почти непроточная речушка.

Дом отца Андрея почти не отличался от обычной избы. Чуть пошире, посветлее окна, показистее мебель. В «зале» безголосая фисгармония и роскошный красный гибискус, сплошь в цвету. Но рядом, в летней горнице, наседка с цыплятами. Объяснили: «В сарае нельзя держать, хори всех передушат ...»

В кухне беленая русская печь с полатями. На припечке здоровенный серополосатый котяра с ханжеской постной мордой. Ну, совсем одинаковое выражение, что и у его сдобненькой хозяйки. Сам же отец Андрей — человек неприметный, средний. Не высок, не низок, неопределенно стар. Губы ниточкой, а взгляда не поймать: серо-голубые глазки почти всегда опущены долу, будто бы важнее всего ему смотреть на свои же руки.

Встретили нас преувеличенно шумно и радостно. Позвали к столу с бесконечными извинениями: «У нас по летнему времени просто».

Матушка принесла большую миску «холодного»: кусочки подсушенного черного хлеба, мелко крошенные огурцы и тертый с солью лук, залитые темным домашним квасом. Следом появилась миска густой простокваши, серые подовые лепешки и специально для нас — самовар и мед.

Мне очень понравилось, как отец Андрей маслил «холодное». Держа ложку над миской, он тонюсенькой струйкой лил на нее постное масло, выделявая губами странный пришепетывающий звук: «Пт-пт-пт...» Нацедил ровно две ложки и успокоенно убрал бутылку — не перелил ни капли!

Ну, разве не жадный поп? Я удовлетворенно улыбнулась. Раскапризничался Андрейка. Женщины решили, что ему «в дороге головку напекло», мама понесла его в другую комнату.

Я осталась на попечении девочки-подростка, что как-то незаметно заняла место за общим столом.

Угловатая, некрасивая, но с завидной косой и добрыми ореховыми глазами. Звали ее Леной.

Я поняла, что она имеет какое-то отношение к моему отчиму и что ей поручено меня «пасти».

Но мне не по душе пришлось ее навязчивая услужливость и опекуновство. Не нравился и дух ханжеского прибедрения за столом.

— Уж вы не обессудьте, лепешки-то у нас серые, мужицкие, не городские булки! — оправдывалась хозяйка, а ведь знала, поди, что постряпеньки ее — вкуснятина.

— Ты лепешку-то медом намажь, не жалея, свой ведь... — уговаривала меня Лена, но себе меда не брала.

Захотелось поскорее оказаться на воле.

Я наскоро поблагодарила хозяев, вышла на крыльцо и оглянулась. Близо, в двух шагах, присадистая, белая, как чайка на гнезде, церковь. Вокруг нее на погосте единственные в селце большие деревья: березы, липы и одна разлапистая ель.

А вниз под угор дорожка к лесу. Я по ней и покатила. Лена догнала меня и взяла за руку, чего я терпеть не могла. Руку я освободила, но избавиться от провожатой не сумела.

— Не лезь в кусты! Платье вызеленишь!

А как не лезть, если там целые заросли дикого бальзамина, что прозывается «не тронь меня»? Коснешься пальцем его стручка — так и выстрелит семенами!

— Ой, змея! Бежим скорее отсюда!

Какая змея? Безобидный уж в желтых очках ... Поймала бы, да руки об него неохота пачкать: от испуга уж покрывается вонючей слизью. Все это известно мне давно.

Через стоячую, темную от болотного железа речушку кто-то перекинул мосток из двух плах.

— Не ходи на мостище! Упадешь!

Ну, коли так — на же тебе! Я смаху плюхнулась в воду, по колено провалившись в дымное облако ила.

Когда плачущая Лена вытащила меня обратно на мостки, даже и я поняла: парадное мое платье погибло навеки.

Отгорчило это не меня — маму. Я даже удивилась до какой степени ... Вероятно, жалела она не платье и свой труд, а рухнувшую легенду о пай-девочке, которая должна поведением возместить то, что ей не додала природа.

Незавидная участь: родиться дочерью признанной красавицы. Природа никогда не поднимает планку на одну и ту же высоту: дочь либо краше, либо плоше матери.

С младенчества я слышала, если случалось идти с мамой по улице, ехидно-сожалеющее:

— Да, Валя, дочка-то не в тебя задалась!

И никогда моя мама не пыталась что-либо возразить говорящему эти убийственные для меня слова.

Более того, дома мне внушалось:

— Самое смешное, когда некрасивая женщина воображает, что она хороша собой!

Жилось с клеймом дурнушки рядом с красавицей матерью мне очень нелегко. И чем дальше — тем тяжелее.

Много лет спустя мне, взрослой, один очень умный человек сказал:

— В сущности ты красавица. Только деревенская. Не твоя бы голова, вышла бы замуж за тракториста и была бы счастливой многих. Гордился бы мужик-то такой телкой!

В этих словах и заключается вся двойственность моего существования, вся обреченность судьбы. Не дурнушкой я родилась, а птицей из отцовского гнезда. Да вот беда: способности и притязания у меня оказались не деревенскими.

И никакое воспитание исправить тут не могло ничего. Во всяком случае то, какое выпало на мою долю ...

Впрочем, негармоничность в моей внешности тоже присутствовала. По иронии судьбы мне достались дедовы красивейшие руки, за которые его в гимназии звали «графом».

В юности руки эти убивали мое простенькое милое лицо. В детстве же барская «безрукость» еще и отравляла жизнь.

не не слишком сладко спалось на матрасе, набитом сеном. Встала я рано и вышла в кухню. Выяснилось, однако, что дом давно проснулся.

Матушка процеживала парное молоко, а отец Андрей собирался куда-то, надев рясу.

Вывернулась из-за печки Лена и с таинственным видом поманила меня пальцем.

— Ты крещеная? — спросила она тихо.

— Крещеная, меня бабушка крестила, — кивнула я с уверенностью.

— А крестик у тебя есть?

— Есть. Только дома. Это игрушка такая ... — озадаченно ответила я.

Серебряный католический крестик со светлыми аметистами дед нашел на военных дорогах Польши. Привез домой, как дополнение к другим памятным, случайным трофеям прошлых войн.

Мне разрешали играть им точно так же, как японской лаковой коробочкой или бабушкиным китайским веером.

— Это не игрушка! Крестик носят! — поправила меня Лена сердито. И тут же огорошила: — Иди в церковь брата крестить.

У меня душа ушла в пятки: мама ничего не говорила о крестинах. И где она сама? Уже в церкви?

Несколько неуверенно я вышла во двор. На узкой тропке, что прямо со двора стремилась к церкви, не видно ни души.

Меня догнала Лена, успевшая повязать голову белым платочком. Такой же протянула мне:

— Накройся! Грех с непокрытой-то головой в храм входить.

Еще и в «храм»!.. Но платок я повязала беспрекословно. Томило ощущение близкого присутствия неведомой силы, которой нельзя не подчиниться.

Вместе с Леной мы вошли в пустой гулкий придел. Почему-то я ждала, что увижу в церкви толпу молящихся. Как на картинках из «Нивы»... Но там только причт хлопотал возле облезлой купели да стояла незнакомая дородная женщина с Андрейкой на руках. Он не плакал, но беспокойно вертел снежно-белой головенкой. Увидев меня, потянулся ручками.

Женщина спросила:

— Удержишь?

Я молча кивнула и с усилием взяла братишку — плотного и тяжеленького. Обычную мою болтливость как рукой сняло. Ведь я никогда прежде не бывала в церкви!

Истомно пахло ладаном, пристально смотрели со всех сторон темные византийские глаза старых намоленных икон. Казался недостижимо высоким купол с белым голубем в перекрестьи солнечных лучей и чуть слышно доносились с воли вереск стрижей и шлепанье парходных плниц на Волге.

Сама не знаю: нравилось мне в церкви или нет? Она и успокаивала, и давила.

Пока я разбиралась со своими ощущениями, отец Андрей взял у меня братишку. Его трижды опустили в купель, приговаривая малопонятные слова. Он хотел было зареветь, но передумал. Все кончилось. В общем: я ожидала чего-то более таинственного. Андрейка поехал домой на моих руках, а Лена сказала:

— Теперь ты ему — крестная мать.

Я не успела осознать серьезности сказанного: увидела маму. Она с каменным лицом быстро шла навстречу. Только зеленые глаза сверкали так, что обжечься можно. Андрейку она у меня взяла, но, верная правилам семьи, отношений со взрослыми при мне выяснять не стала. Нам с Леной велено было идти гулять. Платок с моей головы мама сердито сдернула.

Я пошла на берег искать окаменелости. Лена потянулась за мной, как «верная личарда».

Выше полосы наката волн навис крутой глинистый обрыв, затянутый ежевикой и мать-и-мачехой. Тропинка сбегала с него зигзагом. На повороте в глаз мне, словно соринка, попал и исчез лучик света. Я заглядывалась и поняла, что блестит что-то возле седого листа мать-и-мачехи. Добралась и выцарапала из глины камешек с гнездышком горного хрусталя. В музее видела похожую друзу... И, поди ж ты, сама нашла!

Я начисто забыла про крестины. Когда мы, напрасно облазав весь берег и ободрав руки о колючую ежевику в поисках второго чуда, вернулись домой, оказалось, что мама с Андрейкой уехала в город. Меня же, по неведомой мне до сих пор причине, оставила в Манылове.

незапный отъезд мамы больше расстроил добрую чувствительную Лену, чем меня. Я-то к маминим исчезновениям успела привыкнуть.

Зато теперь я могла присмотреться к новой для меня жизни.

Буквально через день-два я поняла, что цедит отец Андрей маслице в «холодное» по капле не потому, что так уж скуп. Оно — покупное. А кормится семья не от церкви: от коровы да с огорода.

К внутренней поле «дорожной» ряски отца Андрея, в которой ходил он с требами по окрестным деревням, матушка пришила поместительный карман. Найдется по дороге гвоздь либо ремешок — в хозяйстве сгодится. Корка хлеба — и то курам в мешанку пойдет. А нет ничего более путного — так хоть горсть зеленых гороховых стручков с колхозного поля.

Лена — одна из многих внучек отца Андрея — исправно полола огород. Занятие это и мне пришлось по душе, видно, сказала отцовская кровь...

А, может, помогло то, что уж сорняки-то я все знала поименно и ни с чем спутать не могла. Нежные ростки благородных овощей выглядели так беззащитно рядом с нахальной захапистостью пырея или мятлика, что невольно хотелось им помочь.

Сельчане к отцу Андрею относились двояко. Старые люди кланялись, подходили под благословение. Молодые глупо задирались:

— Привет долгогривому! Сколько из божьей канцелярии накапало?

А «капали»-то гроши, слезно вымоленные старухами «на церкву» у безбожников-детей. И сейчас вижу узловатые старушечьи пальцы, отсчитывающие гривенники на «помин усопших».

Однажды, когда отец Андрей только что вернулся от заутрени, в дом ввалился рыжий полупьяный мужик в галифе.

— Ну, поп, собирайся! Твоя взяла! Задурил ты матери голову царством небесным! Не хочет без исповеди помирать! А того в ум не берет, что ячейке нашей от ее религии — позор!

Обвел кухню прилипчивым недобрым взглядом. Не знаю, что увидел, но скривился:

— Ишь! Жирком оброс, служитель божий! Ладно, ужо посмотрим!

И, к моему удивлению, отец Андрей беспрекословно подчинился. Они ушли.

— Зачем он пошел с ним? Почему этот человек нахальничает? — возмутилась я.

— Милая, это же председатель сельсовета! Как не пойти-то? — объяснила матушка Евдокия. — Не пойдешь за ним, а он напишет в область, церкву-то и закроют. Нельзя! Покорствоваться надобно.

С этого момента я поняла, что отец Андрей — человек очень зависимый. А, значит, несчастный.

Дед внушал мне:

— Всегда оставайся самой собой. Не подстраивайся ни под кого. Зависимость — несчастье. Отсюда дорога в рабство.

Слова звучали красиво, но не слишком убедительно.

Теперь я узнала, какой ногой ступают на ту безнадежно сумеречную дорогу.

...Мое появление в церкви не пресекалось, но и не поощрялось.

Зайдя туда раза два и видя тех же немногих старух, я потеряла к ней интерес. А вот на кладбище ходить мне нравилось — место привычное.

В давние времена кто-то посадил на могиле гесперис — ночецветку. Она расселилась по всему погосту и в сумерках непритязательное сельское кладбище благоухало изысканно и нежно. Мне легко, вольно дышалось среди по большей части забытых гробниц. Тут обихаживали, и то неподолгу, только могилы недавние, а через пару лет отдавали их во власть травы и бузины.

Мои кладбищенские прогулки тревожили умы сельских мальчишек, а мне то было и невдомек. Я их делами и личностями не интересовалась.

Вскоре после похорон верующей матери председателя сельсовета ко мне подошел белоголовый, с кирпичным лицом парнишка:

— Эй, городская! А слабо тебе ночью с могилы эту саблю принести?

Сабля его, конечно же, была обструганной щепкой.

— Ничего не слабо! — пожалала я плечами. — Ты вот днем-то ее не трусь положить!

Слух о моем согласии, надо полагать, прокатился по всей маниловской ребятне мгновенно. Меня повсюду провожали недоверчиво-боязливые взгляды, но никто больше со мной не заговаривал.

После полудня на кладбище, с разных сторон, чтобы не привлечь внимание взрослых, просочилось шесть доверенных лиц. Я пришла отдельно от них, мне не от кого было прятаться.

Белобрысый с некоторой торжественностью доложил:

— Видишь? Я положил саблю на бабки Манину могилу. И все мы будем вона там за овином ждать. Мы увидим, как пойдешь-то!

Я и отвечать ему ничего не стала: сказала ведь что не боюсь.

Ночи в конце июня короткие, воробьиные, в беззвучном просверке далеких зарниц. Даже рябую курицу-летунью, ночующую на ветле, и то видно, как днем.

Я тихо выскользнула с веранды, где мы спали с Леной, и пошла к кладбищу.

Некрофильское дедово воспитание на всю жизнь избавило меня от страха перед внешними проявлениями смерти. Что мне кладбище? Там покой, сладко пахнет ночецветка и шумят деревья.

Уже несколько дней держалась утомительная жара. К полуночи она спала, и с Волги потянул свежий ветерок. Облегченно залопотали листья на кладбищенских липах. Из-под горы с болота доносился бесконечный недоуменный вопрос сплюшны: «Сплю? Сплю?» Ближе среди лип похохатывал сыч. Кто-то неузнаваемый по голосу вдруг протянул спросонья: «Ка-аак? Ка-аак?» Я даже и не заметила, когда минула кладбищенские ворота. Шла и слушала мирные голоса ночи.

Недавняя могила белела издали. Я подошла, взяла «саблю» и уже хотела убраться восвояси, как вдруг заметила, что в церкви слабо мерцает свет. Я замерла. То первоначальное двойственное отношение к храму, которое возникло на крестинах Андрейки, вернулось вновь и неожиданно сковало страхом. Я не боялась ничего в природе, но церковь мое изображение мигом населила призраками «Вия».

И все-таки я взяла себя в руки и пошла вперед к чуть приоткрытой церковной двери. Нечто глубинное, мощное приказало не отступать и не бояться.

Первое познание счастливой способности не терять головы в минуту неведомой опасности ...

Сердчишко билось отчаянно, но я бесшумно просочилась в дверную щель и заглянула в храм.

При свете единственной зыбкой свечи там сокрушенно молился отец Андрей. Что оплакивал, какой просил милости у Бога — не знаю. Я мгновенно поняла, что трогать его в эту минуту нельзя, что я должна исчезнуть как можно тише и скорее. Сбивчивый скорбный стариковский шепот заглушил для меня ласковые голоса ночи.

Обратно я бежала. Не от страха: от нестерпимой жалости неведомо к кому. Даже не к старому затравленному попу, а к чему-то большему и неохватимому.

Саблю я просто швырнула в кусты, не сворачивая к овину, и было мне совершенно безразлично, найдут или нет ее там мальчишки.

А утром за мной приехал дедушка и сказал, что мы все снова едем в Становщиково.

По-моему, о моем внезапном отъезде от души пожалела только привязчивая добрая Лена. Для поповского дома я была песчинкой в раковине: тихо ему мешала.

« МИР СПАСЕТСЯ ЛИШЬ ВЕРОЙ И ДОМОМ »

Ох, как во поле буря грохочет!
Тьма бурлит, как в котле...
Но! Есть дом!
Чу! Поет за полночь кочет
на насесте высоком своем...
Чу! Сверчок в своем царстве запечном —
трень да трень, под сурдинку трубы...
Кроха вроде б...
Но! Как он — о вечном,
о путях-перепутьях судьбы!..

И горит огонечек, мерцая
пред иконою, в красном углу,
и творится молитва ночная,
недоступная мраку и злу...
Как все это мне снова знакомо!
Вот он — жизни мятежной итог:
мир спасется лишь верой и домом,
где лампадки живой огонек.

В НАЧАЛЕ И В КОНЦЕ...

В кинохронике тех лет,
Что у века на рассвете,
все спешат, бегут как дети,
так смешно, что спасу нет.

Те — толпой — за самолетом,
те — за трактором, а те —
тоже догоняют что-то
в легковерной простоте...
Век — к концу. Мы — повзрослели.
Не мечталось и Емеле
о таком, что ныне есть!
Нам диковинок — не счесть!
Наступает нам на пятки
громыхающий прогресс.
Впору мчаться без оглядки
от всех его чудес...

КУПАНЬЕ В ОТРОЧЕСТВЕ

Бултых! Перехватило дых!
И выброшен я глубиною
на встречу с той голубизною,
что лишь для вольных и святых!
Еще глаза мне влага застит,
но весь в небесном я тону...

Вот это-то и было счастьем:
из глубины — да в глубину!

Нынче, на сером студеном рассвете,
кто постучался в окно мое? Ветер?
Птица-синица? Старуха-зима?
Или — холодная воля сама?..

Так позвало, поманило наружу —
в мгlistые сумерки, в дымную стужу,
к белой печали безлюдных полей,
к посвистам вихрей да снегурей!..

Малость как будто: стоит человек,
смотрит на вьюгой углаженный снег...
Промельк снежинки. Сороки поскок...
С тем человеком — Россия и Бог.

В ХРАМЕ ПОРУГАННОМ

1

В древнем храме, туманом повитом,
изувеченном, полуразбитом,
среди стен его одичавших
слышу хор голосов отзвучавших.
То он явственней, то он глуше...
Будто чьи-то тревожные души,
среди утренней сырости и стыни,
песнь-мольбу, позабытую ныне,
вспоминают и вспомнить не могут...
Так в чащобнике ищут дорогу,
так среди непроглядной метели
вдруг послышится звон еле-еле,
пропадет и послышится снова...
Напрягаю я слух. Но ни слова
не расслышать в подкупольном гуде.
Померещилось?.. Что это?! Люди
вкруг меня, словно тени, встали...
Шепот невыразимой печали,
ропот боли великой и скорби
мою спину по-старчески сгорбил.
Кто они?.. Озираюсь в тумане...

2

В храм бывшие его прихожане,
как к заутрени, на рассвете
все стеклись из минувших столетий,
все пришли...
И мужи тут, и дети,
жены, старицы, молодичицы...
Как светлы и прекрасны их лица!
Как чисты и молитвенны взоры!
Мой же взор потемнел от позора...
Тень тут — я, а они — нет, не тени!
Пасть пред ними, как есть, на колени:
«Православные! Люди! Простите!
Отмолите мой грех! Отмолите!
С моего, с моего попушенья
все здесь «в мерзости запустенья».
С моего малодушья и страха
этот храм ныне страшен, как плаха.
Заслонил ли его я собою
пред глумящимся сатанюю?!
Встал ли я, хоть однажды, открыто,
как охрана его и защита?!»

3

Оборвался мой шепот дрожащий.
Взгляд в подкуполье кружит, моляще,
Там, в огромной пробине, свято
реет облачко дивно-пернато.
«Боже! Боже! Прости, если можешь!..»
Храм, как эхо, вздохнул: «Боже! Боже!..»
Из пролома, где Горнее место,
ослепило вдруг снопиком света,
будто там просияла мне зримо
Вседержителя диадима*...
И исчезло, пропало виденье
в ослепляющем этом мгновенье.
Вкруг меня — никого. Над карнизом —
дрожь березоньки светлоризой,

* диадима — царская корона (греч.)

лихорадка высотобоязни,
ужас прежде невиданной казни...
Вкруг меня — лишь польнь да крапива
торжествующе-горделиво,
зло топорицуются, цепко стоя
над холмами кирпичного боя...

4

А во мне самом — разве не то же?!
С этим храмом мы так похожи!..
Так душе моей горько знакомы
те же осыпи и проломы,
жгут ее, беспокоят все чаще
те же злые бурьянные чащи,
те же, те же зияют в ней ямы...
Православные русские храмы,
храмы белые — свет России —
нами отданы темной силе —
на расправу, на растерзанье,
на закланье, на поруганье...
Сколько сгубло их в этом веке!..
Мука прервана. Храмы-калеки
перед нами — немым укором,
несмываемым с нас позором...
Над Отечеством-пепелищем
дух разора великого рыщет —
под ишпенье диавола-змия:
«Храм поруганный — вся Россия!..»

5

Храм поруганный — вся Россия...
Храма древнего стены святые
вдруг раздвинулись, как живые,
своды голубем возлетели
в высь такую, что зрими еле!..
Хлад нездеиный мне цекки студит...
Вновь вокруг меня молятся люди.
Все тут русичей поколенья.
Слышу глас:
«Опустишь на колени!
Русь Святая жива! Как пред битвой,
укрепись вместе с нею молитвой.
Зри: клубятся не клочья тумана —
то дыханье великого стана,
не деревьев кольщуются кроны —
то хоругви его и знамена!
Пробужденье грядет! Пробужденье —
от бесовского наважденья!
Русь Святая восстанет снова —
над вчераишею, безголовой,
над безбожной, кроваво-серой —
воссияет великой верой!
Над безверием — смрадным хламом —
вознесется пресветлым храмом!..»

Рисунки
Юрия БЕКИШЕВА

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ЕВДОКИИ ШАМИНОЙ

Баю-баю, щи хлебаю,
пустоварочку варю,
Мово Сашеньку кормлю.

***

Баю-баю, баиньки,
Не сходить ли к барыньке?
Что барынька делает?
На печи обедает.
Щи хлебают, каши нет —
Плох у барыни обед.

***

О баю, баю, баю,
Не ложися на краю.
А то с краю упадешь,
Всю головку разобьешь.
А ложися в зыбочку,
В самую середочку.
Придет серенький волчок,
Схватит Сашу за бочок
И потащит во лесок
Под малиновый кусток.
Как малинка упадет
Прямо Сашеньке в роток.

***

О люли, о люли,
Прилетели к нам гули.
Гули сели на ели,
Разговоры завели.
Они стали ворковать,
Чем нам Татичку питать:
Сахарком или медком,
Повалишки с молочком?
С молочка брюшко болит,
А с повалишки спать валит.

***

Баю-баю, баиньки,
Купим Мише валенки
На ножки на маленьки
Бегать по завалинке.
Будет Мишенька ходить,
Новы валенки носить.

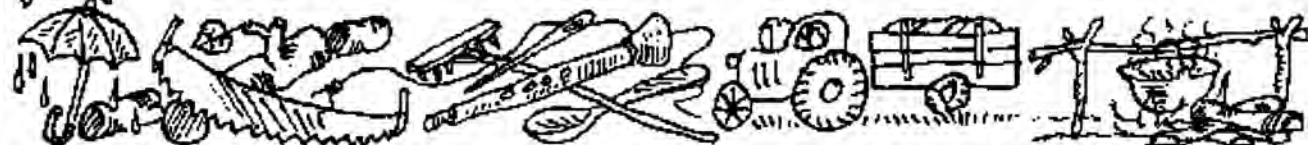
***

О баю, баю, баю,
Живет мужик на краю.
Он не беден, не богат,
У него много ребят,
Все по лавочкам сидят,
Кашу масляну едят.
Кашка мнется,
Ложка гнется,
Глазки выскочить хотят.

***

Ночью в колыбель младенца
Месяц луч свой заронил.
«Отчего так светит месяц?—
робко он меня спросил.
— В день деньской устало солнце
И сказал ему Господь:
«Ляг, усни — и за тобою
Все задремлет, все заснет».
И взмолилось солнце брату:
— Брат мой, месяц золотой,
Ты зажги фонарь и ночью
Обойди ты край земной.
Кто там молится, кто плачет,
Кто мешает людям спать —
Все разведай и поутру
Приходи и дай мне знать.
Солнце спит, а месяц ходит,
Сторожит земной покой.
Завтра рано-рано к солнцу
Постучится брат меньшой:
Стук-стук-стук — отворят двери.
— Солнце, встань — грачи летят,
Петухи давно пропели
И к заутрене звонят...

*д. Кузнецово Красносельского района.
Записано В. Сморгковым в январе 1994 г.*

КРАСНОСЛОВИЕ

ПЕСТУШКИ, ПОТЯГУШЕНЬКИ, ПОРАСТУШЕНЬКИ

Распеленав ребенка, его кладут на подушку или постель отдохнуть от пеленок, пестуют, ласково поглаживая и приговаривая:

На кота потягушки,
На дитя порастушки.

***

Потягунюшки,
Порастунюшки,
В ножки — ходунюшки,
В роток — говорок,
А в голову — разумок.

***

Потягушечки,
Порастушечки!
Поперек толстужечки!
Руки — хватужечки,
Ноги — бегужечки.

***

Кыши, кыши,
Расти, Тоня, выше,
До хором, до крыши.

Играя, перекачивают головку ребенка по подушке:

Мешу, мешу тесто,
Есть в печи место,
Пеку, пеку каравай,
Головоньку — валяй, валяй!

Поют, катая ребенка на подушке:

Тушки!
Тутушки!
Сели
На подушки.
Пришли
Подружки,
Столкнули
С подушки.

Тюшки, тютюшки!
Веселы ли, душки?
Подниму дочушку
На крутую горку,
Бух! Покатились —
С горки свалились.

КУЮ, КУЮ НОЖКИ!

Легонько пошлепывают по подошвам ножсек:

Токи, токи, тошки,
Кую, кую ножки.
Ножки у Антошки
Едут по дорожке,
Дорожка кривая,
Ни конца, ни края,
Грязь по колено,
Лошадь охромела.
Топ, топ, топ,
Приехали!

ЛУНЬ ПЛЫВЕТ

Учат ребенка осознанному движению руками. Медленно разводят в сторону ручки и медленно, певуче говорят:

Лунь плывет,
Лунь плывет...

После этого берут ребенка у кистей, помахиывают ими, подражая движению крыльев птицы и говорят скороговоркой:

Галки летят,
Галки летят!

***

Чаварыки, чаварыки!
Лунь плывет /протяжно/.
Чаварыки, чаварыки!
Лунь плывет.

(По материалам этнографических экспедиций в Костромской, Ивановской, Ярославской областях. 1920-е годы).

ИСТОРИЧЕСКИЕ АНЕКДОТЫ

ИЗ ЖИЗНИ РУССКИХ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ПУШКИН

Во время пребывания Пушкина в Оренбурге в 1833 году один тамошний помещик приставал к нему, чтобы он написал ему стихи в альбом. Поэт отказывался. Помещик выдумал стратегему, чтобы выманить у него несколько строк.

Он имел в своем доме хорошую баню и предложил ее к услугам дорогого гостя.

Пушкин, выходя из бани, в комнате для одевания и отдыха нашел на столе альбом, перо и чернильницу. Улыбнувшись шутке хозяина, он написал ему в альбом:

«Пушкин был у А-ва в бане».

В одном литературном кружке, где собралось более врагов и менее друзей А. С. Пушкина, куда он и сам иногда заглядывал, одним из членов этого кружка сочинен был пасквиль на поэта, стихотворение под заглавием «Послание (или обращение) к поэту». Пушкина ждали в назначенный вечер, и он, по обыкновению опоздав, приехал. Все присутствующие были, конечно, в возбужденном состоянии, а в особенности автор «Обращения». Литературная беседа началась чтением «Обращения», и автор его, став посредине комнаты, громко провозгласил:

— «Обращение к поэту». И за-

метно обращаясь в сторону, где сидел Пушкин, начал:

— Дарю поэта я ослиной головою ...

Пушкин (обратясь более в сторону слушателей) быстро перебивает:

— А сам останется с какою?

Автор, смешавшись:

— А я останусь со своею.

Пушкин (лично к автору):

— Да вы сейчас дарили ей!

Общее поражение. Картина.

В качестве камер-юнкера Пушкин очень часто бывал у высокопоставленных особ, которые в то блаженное время на всякий выдающийся талант, как литературный, так и артистический, все еще продолжали смотреть как на нечто шутовское и старались извлечь из такого таланта как можно более для себя потешного. Пушкин был брезглив на подобные отношения к себе и горячо протестовал против них меткими, полными сарказма остротами. Явившись раз к высокопоставленному лицу, Пушкин застал его валяющимся на диване и зевающим от скуки. При входе поэта лицо, разумеется, и не подумало изменить позы, а когда Пушкин, передав, что было нужно, хотел

удалиться, то получил приказание произнести экспромт.

— Детина полуумный на диване, — сквозь зубы сказал раздосадованный Пушкин.

— Ну, что ж тут остроумного, — возразила особа: дети на полу, умный на диване. Понять не могу... Ждал от тебя большего.

Пушкин молчал, и когда особа, повторяя фразу и перемещая слог, дошла, наконец, до такого результата: детина полуумный на диване, то, разумеется, немедленно и с негодованием отпустила Пушкина.

Известный русский писатель Ив. Ив. Дмитриев однажды, в малолетстве Пушкина, посетил дом его родителей. Подшучивая над оригинальным типом лица мальчика и его кудрявыми волосами, Дмитриев сказал: «Какой арабчик!»

В ответ на это вдруг неожиданно отрезал десятилетний внук Ганнибала: «Да зато не рябчик!».

Можно представить удивление и смущение присутствовавших, которые сразу поняли, что мальчик-Пушкин подшутил над физиономией Дмитриева, обезображенною рябинами.

Живя в Екатеринославе, Пушкин был приглашен на один бал. В этот вечер он был в особенном ударе. Молнии острот слетали с его уст; дамы и девицы

наперерыв старались завладеть его вниманием. Два гвардейских офицера, два недавних кумира екатеринославских дам, не зная Пушкина и считая его каким-то, вероятно, учительской, порешили во чтобы то ни стало «переконфузить» его. Подходят они к Пушкину и, расшаркиваясь самым бесподобным образом, обращаются:

— Милле пardon... Не имея чести вас знать, но видя в вас образованного человека, позволяем себе обратиться к вам за маленьким разъяснением. Не будете ли вы столь любезны сказать нам, как правильное выразиться: «Эй, человек, подай стакан воды!» или «Эй, человек, принеси стакан воды!».

Пушкин живо понял желание пошутить над ним и, нисколько не смутившись, отвечал серьезно:

— Мне кажется, вы можете выразиться прямо: «Эй, человек, гони нас на водопой».

ГЛИНКА

Известно, что М. И. Глинка некоторые свои сочинения писал за границей, а именно в Швейцарии. Поселившись где-то в пределах Женевского кантона, столь излюбленного англичанами и русскими, он часто подвергался докучливым посещениям земляков. Его имя тогда уже пользовалось известностью. Не всегда расположенный к пустой болтовне с праздными соотечественниками, он позволял себе иногда никого не принимать, отзываясь или болезнью, или отсутствием времени, особенно в те дни и даже недели, когда он вполне отдавался своим занятиям.

Больше других надоедал ему визитами какой-то молодой человек из земляков. В один из таких приемных дней юноша зашел к композитору.

— Дома барин? — спросил он у слуги.

— Они уехали.

— Скоро возвратится?

— Неизвестно.

Молодой человек ловко повернулся на каблуках и, напевая песенку, вышел.

М. И. узнал посетителя и слышал его разговор.

— Беги, ворота скорей, — закричал он слуге, поспешно выбежав в переднюю.

Удивленный слуга повиновался.

— Барин приказал вас просить, — смущенно обратился он к молодому человеку.

Юноша, конечно, воротился.

— Тысячу раз извиняюсь, — проговорил с улыбкой М. И., встречая гостя. — Отдавая приказание слуге, я совершенно забыл исключить вас из числа лиц, не посвященных в мои работы, и даже ждал вас.

Было незадолго до обычного обеденного часа.

— Вы доставили бы мне большое удовольствие, если бы не отказались отобедать вместе чем Бог послал, — прибавил М. И.

Молодой человек не ожидал такой любезности и счел за особенную честь воспользоваться предложением музыкальной знаменитости. Он, конечно, не мог догадаться, что умысел тут был другой.

За обедом М. И. был очень весел, шутил, смеялся, не желая показаться скучным молодому собеседнику.

— Скажите, не припомните ли вы ту песенку, которую напевали, уходя от меня? — неожиданно спросил юношу.

— Я, кажется, ничего не напевал.

— Напевали, я сам слышал, но торопливо и сбивчиво, так что я не мог уловить мотив.

Молодой человек, желая угодить гостеприимному хозяину, перебрал весь запас своего репертуара из опер и шансонеток; наконец, напал на «камаринского».

— Она, она! Эта самая, — вскри-

чал обрадованный композитор и тут же внес весь мотив в партитуру.

Вот какому случаю мы обязаны появлением на свет, в композиции М. И. Глинки, старинной плясовой народной песни, известной теперь каждому.

ЛЕРМОНТОВ

Однажды во время стоянки Лермонтов предложил находящимся в отряде Льву Пушкину, Глебову, Палену, Сергею Долгорукову, Баумгартену и некоторым другим пойти поужинать за черту лагеря. Это было небезопасно и собственно даже запрещено. Неприятель окружал лагерь и выслеживал неосторожно от него удалявшихся. Взяли с собой денщиков и расположились в ложбинке за холмом. Лермонтов, руководивший всем, уверял, что, наперед избрав место, выставил часовых и указывал на одного казака,

фигура которого виднелась сквозь вечерний туман. Огонь был разведен с предосторожностями, причем особенно желали сделать его незаметным со стороны лагеря. Небольшая группа смельчаков пила и ела, разговаривая о возможности нападения со стороны горцев. Лев Пушкин и Лермонтов

сыпали остротами и комическими рассказами, причем не обходилось без резких насмешек на разных известных всем присутствующих личностей. Особенно в ударе и веселье был Лермонтов, так что от слов его покатывались со смеху, забывая всякую предосторожность. Однако все обошлось благополучно. Под утро, возвращаясь в лагерь, Лермонтов признался, что видневшийся часовой был не что иное, как поставленное им чучело. Таким образом, оказалось, что все пиروвали без всякого прикрытия и, следовательно, подвергались великой опасности, которую сознавал только Лермонтов.

ТУРГЕНЕВ

Тургенев был ребенком бедным, и вот что рассказывает он сам из своего детства. Шести-семилетним мальчуганом представили его почетному старцу, известному баснописцу И. И. Дмитриеву, и заставили прочитать перед ним одну из его басен. Но представьте себе весь ужас его матери, когда ребенок так прямо и брякнул: «Твои басни хороши, а Ивана Андреевича Крылова гораздо лучше».

Тургенев был приглашен на бал в один дом. К началу обеда, когда все присутствовавшие сели за стол, Тургенев, не находя места, сел один в углу за маленьким столиком и ел поданный ему горячий суп. В это время какой-то генерал, бегая по комнате с тарелкой супа в руке и не находя себе

нигде места, сердито подошел к Тургеневу и, не зная, кто он такой, хотел его сконфузить за то, что тот не уступил ему своего места. «Послушайте, милостивый государь, — обратился он к Тургеневу, — какая разница между скотом и человеком?» — «Разница та, — громко ответил Тургенев, — что человек ест сидя, а скот стоя». Присутствующие расхохотались, а генерал, сконфуженный, поспешил удалиться.

КАРАТЫГИН

Покойный актер В. А. Рассказов имел слабость к вину. Его почему-то звали за кулисами Сиггом. Раз Петр Андреевич Каратыгин нарисовал на декорации голову Рассказова и приделал к ней туловище сига с поднятыми перьями, так что вышло нечто вроде пилы.

— Что это, пила-рыба? — спросили его.

— Не знаю, пила ли эта рыба, но что она сопьется, это верно, — ответил Каратыгин.

Каратыгин вернулся из оперы, где давали в первый раз вагнеровского Лознгринга.

— Ну, что, П. А., какое впечатление вынесли вы из этой оперы?

— Да что, добрый друг, в первый раз — не поймешь, во второй — не пойдешь.

На похоронах Н. А. Полевого, в церкви Николы Морского, Ф. В. Булгарин хотел было ухватиться за ручку гроба. Присутствовавший при этом П. А. Каратыгин, оттолкнув его, сказал:

— Уж ты его довольно поносил при жизни.

Раз на сцене император Николай Павлович разговаривал с П. А. Каратыгиным. Великий князь Михаил Павлович вставил свое острое слово (великий князь также отличался остроумием). Государь сказал:

— Заметил, Каратыгин? Брат у тебя хлеб отнимает.

— Ничего, Ваше Величество, только бы соль при мне осталась, — ответил Каратыгин.

Однажды артистов привезли в один из загородных придворных театров и, по неимению места, поместили в роскошной дворцовой прачешной.

Государь узнал об этом и, придя на сцену, спросил:

— Правда ли, что вы, господа, были помещены в прачешной?

Артисты сказали:

— Правда, Ваше Величество.

— Пожалуйста не протестуйте: это ошибка, — сказал государь.

— Помилуйте, Ваше Величество, видимо, нас полоскать хотели, — ответил Каратыгин.

По поводу драмы «В стороне от большого света» П. А. Каратыгин сказал:

— Первое действие драмы происходит в селе, второе — в городе, все же остальные написаны ни к селу, ни к городу.

(«Исторические анекдоты из жизни русских замечательных людей». С.-Петербург, 1898 год.)

*За снегами, лесами, за тысячью верст,—
Заходи поскорей!
Мы дождемся весенних, раскатистых гроз
У лесных пустырей.*

*Мы приучим себя к забвению, к тишине —
Для преданий и книг,
Мы услышим, как бьется в снегах, в полусне,
Изначальный родник...*

Николай ТРЯПКИН

Фото Сергея КАЛИНИНА

ТРИ ПОРОСЕНКА

СКАЗОЧКА

Жили-были на белом свете три поросенка и звали их...

Впрочем, это совсем неважно, главное, что они были живы-здоровы и весьма довольны хоть и не слишком щедрой, но экологически чистой пищей костромской земли. А Серый Волк был голодный и злой, потому часто болел и громко щелкал зубами. Но милые поросята вовсе не боялись его — на дворе был год Свиньи, и сама природа оберегала их от волчьих зубов и других неприятностей. К тому же лежали они не в соломенном и даже не в каменном, а в очень надежном и теплом доме — Губернском, в самой последней его веселой комнатке-страничке. И радостно похрюкивая, поздравляли всех читателей — и юных, и пожилых — с новым годом своего имени. И желали в нем есть поменьше свининки, а побольше картошечки с огурчиком. На доброе здоровьице. Вот и все.

**Ответы на вопросы
«Губернского дома», заданные
в пятом номере журнала
за 1994 год.**

1. Вода, огонь, земля, воздух.
2. Две ноги, то есть мельниковы: ибо кошки имеют лапы.
3. Музыканты.
4. Ложь.
5. Фальшивая монета.
6. Должно ее заморозить.
7. В баснях.
8. Орех.
9. Яйцо.
10. Небесный знак, называемый собака.
11. Соболь, ибо он, моча свой мохнатый хвост в воде, облизывает его.
12. В 1530 году в Брауншвейге, где один гражданин по имени Юрген изобрел ее.
13. Король французский Генрих II в 1547 и английская королева Елизавета в 1561 году.
14. Адам.
15. Рак.
16. Шелковые черви.
17. У одного было четырнадцать, а у другого десять. И так, если бы первый другому дал два, то у обоих было бы по двенадцати, а если бы последний дал первому два, то бы у сего было шестнадцать, а у того восемь.
18. Мельники.
19. Колокол.
20. Человек. Ибо он в младенчестве ходит на руках и ногах; в мужском возрасте на одних ногах, а в

старости с палкою, то есть на трех ногах.

21. Тени.
22. Трое, то есть брат с сестрою и зятем.
23. Их было только трое. Отец, сын и внук.
24. Гвозди в подковах.
25. Треска. Она всякий раз, когда случится ей, по жадности своей, проглотить кусок дерева или другую какую вещь, которую желудок сварить не может, выбрасывает желудок, обращая его отверстием ко рту, и, опорожнив, ползет в море, потом вправляет.

Имею сообщить, что в конкурсе рождественских загадок победила семья Маховых из Костромы, приславшая правильные ответы на все 25 вопросов и свои новые загадки к вам, читатели. Публикуем лучшие из них. Читайте и снова гадайте...

*Я в лесу ее нашел,
я ее искал, искал.
Я ее домой принес,
потому что не нашел.*

*Постарайся угадать,
кто такие братьев пять:
двое бородатые, двое безбороды,
а последний пятый выглядит уродом,
только справа борода,
слева нету и следа.*

А семью Маховых в редакции ждет приятный гостинец.

ГУБЕРНСКИЙ

2/95

ИСТОРИКО-
ПРАВОВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

ДОМ

Время Общество Знание

«Книга памяти» кологривского учителя Николая Звонова.

Маленькие дети большой войны.

На Волге широкой.

Их приютил брусничный край.

Свидетельства Архивы Документы

Письма с фронта.

«Я же современник важнейших событий, из которых многие не найдут отражения в документах». Странички из дневника галичского историка.

Из воспоминаний Д. Ф. Белорукова.

Литература Искусство Культура

Антология одного стихотворения. Поэты-костромичи о войне.

Виктор Бочков. Новогодняя елка. Рассказ.

Владимир Потехин. Главы из документальной повести.

Фронтальная бригада. Дневники из семейного архива актрисы

Костромского драматического театра.

Редактор Николай Муренин

Художник Василий Чистов

Фото из коллекций Георгия Белякова, Сергея Калинина, фондов областного музея-заповедника, областного государственного архива.

Адрес редакции: 156000, г. Кострома, пр. Мира, 7, тел. 57-67-38.

Извините, рецензировать и возвращать рукописи не имеем возможности.

Сдано в набор 20. 12. 94 г. Подписано к печати 9. 2. 95 г.

Печать офсетная. Объем 10 п. л. Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Набрано, сверстано и отпечатано в областной типографии им. М. Горького управления по делам печати и массовой информации администрации Костромской области, г. Кострома, ул. П. Шербины, 2.

